

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

15 2025
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 15 (566) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Пол Анастас (1962), американский ученый, изобретатель, писатель, предприниматель, профессор и государственный деятель.

Пол Анастас родился в Куинси, штат Массачусетс, США.

Он заинтересовался проблемами окружающей среды после того, как на его глазах водно-болотные угодья позади дома, где он вырос, были уничтожены бульдозерами для дальнейшей стройки. Когда ему было девять лет, за свое эссе об основании Агентства по охране окружающей среды США он получил премию от президента Ричарда Никсона «За выдающиеся достижения в области охраны окружающей среды». Будучи подростком, в Куинси Анастас познакомился и подружился с «зеленым» химиком Джоном Уорнером. В дальнейшем они стали соавторами нескольких научных статей и книг, включая «Двенадцать принципов зеленой химии».

После получения докторской степени в университете Брандейса Анастас поступил на работу в Агентство по охране окружающей среды в качестве штатного химика, а в 1989 году был назначен главой отдела промышленной химии Управления по профилактике, пестицидам и токсичным веществам. Именно в те первые годы работы в Агентстве по охране окружающей среды Анастас придумал термин «зеленая химия».

В 2007 году Пол Анастас стал доцентом кафедры химии в Йельском университете, где основал Центр зеленой химии и зеленой инженерии. На момент основания группа Анастаса была небольшой и состояла всего из трех постдоков и самого Анастаса. Первоначальной задачей лабораторий Центра было оптимизировать процессы синтеза сначала для натуральных продуктов, таких как эрльнафталеновые лактоны и пищевые добавки, а затем перейти к биотопливу и серфактанам. Помимо новых методов химического синтеза, Анастас также интересовался разработкой химических веществ и полимеров на биологической основе, которые были бы менее вредны для окружающей среды.

Анастас опубликовал десять книг, в том числе «Благотворное воздействие по замыслу», «Разработка более безопасных полимеров» и «Зеленая инженерия». Он также является соавтором руководства для «зеленых» химиков «Зеленая химия: теория и практика».

Анастас считает, что отходы, попадающие в окружающую среду, представляют опасность как для производителей, так и для потребителей. Поэтому он стремится усовершенствовать безвредные химические процессы и продукты на молекулярном уровне, тем самым устраняя потенциальные отходы еще до их появления. Такие изменения могут повысить эффективность промышленных процессов, а также сделать окружающую среду более безопасной, повысить безопасность работников и сократить расходы, связанные с утилизацией отходов, судебными разбирательствами и регулирующим контролем.

Надеясь донести свое видение до других, в 1996 году Анастас убедил EPA спонсировать президентскую премию Green Chemistry Challenge Awards, единственную награду президент-

ского уровня в области химических наук. Благодаря тому, что правительство может как поощрять, так и наказывать, престиж премии побудил сотни компаний, в том числе Dow Agrosiences, Bayer Corporation и Pfizer, Inc., принять двенадцать принципов «зеленой» химии. Например, компания Pfizer теперь использует «зеленые» химические синтезы для производства двух своих ведущих продуктов — «Золофта» и «Виагры». С другой стороны, компания NatureWorks PLA создала первый пластик, полностью изготовленный из ежегодно возобновляемых ресурсов, таких как кукуруза. С 1996 года премия Challenge Awards присуждается за технологии, которые позволили отказаться от миллионов фунтов опасных химических веществ и растворителей, сэкономить миллионы галлонов воды и сократить выбросы углекислого газа на миллионы фунтов.

Помимо влияния на промышленную практику, Анастас также оказал большое влияние на академические исследования. Чтобы помочь финансировать исследования в области «зеленой» химии, он наладил постоянное сотрудничество в области исследований и разработок между Агентством по охране окружающей среды и Национальным научным фондом. В результате программа «Технологии для устойчивой окружающей среды» продолжает финансировать исследования на десятки миллионов долларов.

В 1997 году Анастас также способствовал созданию Института «зеленой» химии (GCI) — организации, которая позже объединилась с Американским химическим обществом (ACS) для развития сотрудничества между промышленностью, научными кругами и правительством. ACS, которое всегда уделяло особое внимание очистке окружающей среды, начало больше работать над предотвращением загрязнений. Сейчас у института 25 международных отделений, и Анастас сыграл важную роль в его глобализации.

В 2008 году ICIS включила профессора Анастаса в список 40 ведущих специалистов химической промышленности за его вклад в развитие «зеленой» химии. Сегодня на домашней странице факультета химии Йельского университета перечислено более 16 наград, и это только за 2008 год.

Пожалуй, самое показательное прозвище, которое дал Анастасу научный мир, — «отец зеленой химии». В 2009 году президент Обама назначил Анастаса главой управления исследований и разработок Агентства по охране окружающей среды США, а в 2010 году сенат США утвердил назначение Анастаса новым помощником администратора по исследованиям и разработкам Агентства по охране окружающей среды (EPA).

В настоящее время Анастас находится в академическом отпуске в Йельском университете, но Бич и другие профессора Йельского центра «зеленой» химии и «зеленой» инженерии продолжают его исследования.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Наумов А. А.

Административная ответственность за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций..... 271

Наумов А. А.

Саморегулируемые организации: понятие, признаки и нормативно-правовое регулирование..... 275

Никогосян Д. Е.

Цифровизация государственного управления в сфере внутренних дел: правовые аспекты и перспективы развития..... 278

Никогосян Д. Е.

Принцип законности в государственном управлении внутренних дел: теоретические и практические аспекты..... 280

Нурмашева М. А.

Защита прав потребителей финансовых услуг в судебном и досудебном порядке 282

Нурмашева М. А.

Законодательная база досудебной защиты прав потребителей финансовых услуг..... 283

Орлов А. Д.

К вопросу о правовой природе потребительского экстремизма 287

Охмат Р. В.

Внешняя оценка деятельности судей непрофессиональными участниками..... 290

Парневова В. А.

Проблемы применения обеспечительных мер в арбитражном процессе в Российской Федерации 291

Платонов А. И.

Алиментные обязательства: понятие, виды и особенности 293

Пуцына Е. И.

К вопросу о понятии особой жестокости применительно к пункту «д» части 2 статьи 105 УК РФ 296

Сокол А. Д.

Уголовно-правовая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности..... 298

Соцков В. И.

Анализ актуальной судебной практики по спорам, возникающим в связи с продажей доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью..... 300

Строкина В. Д., Дроздова М. Д.

Круг прав авторов музыкальных произведений и способы их защиты 302

Сухарева В. Д.

Ответственность за несвоевременную уплату алиментов 304

Сухарева В. Д.

Особенности уплаты алиментов индивидуальными предпринимателями..... 306

Тиньшин В. Э.

Проблемы применения статьи 264 УК РФ, разграничение состава преступления со статьей 264.1 УК РФ..... 309

Тишина Е. Е.

Цифровая трансформация нотариальной деятельности..... 311

Ткачев В. И.

Понятие правового статуса помощника судей и подходы к его определению..... 314

Фатуллаев А. М.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания: проблемы и пути решения..... 316

Федоров В. В.

Проблемы правового регулирования интернет-отношений 318

Фоминых Е. Ю.

Понятие и признаки вещного права 320

Челякова К. М.

О возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) 322

Шабаш И. А.

Нарушение земельного законодательства
некоммерческим партнерством 324

Шапошников В. А.

Уголовно-правовое обеспечение
транспортной безопасности 326

Шигаева А. В.

Расширение полномочий Федеральной
службы судебных приставов в России..... 329

Якушева Л. М.

Изменение и прекращение гражданско-
правового договора: опыт Российской
Федерации и ФРГ 331

ИСТОРИЯ**Гапоненко С. Ю.**

Экономическое положение Аргентины
в период «бесславного десятилетия»
и завершения Второй мировой войны
(1930–1945 гг.). Причины корпоративной
модернизации народного хозяйства 334

ПОЛИТОЛОГИЯ**Мягков Т. В.**

Молодежное сотрудничество в БРИКС
в перспективе расширения объединения..... 337

ФИЛОСОФИЯ**Drobysheva Y. V.**

Free will and predestination: a philosophical
dilemma in the modern context 340

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Административная ответственность за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций

Наумов Андрей Алексеевич, студент

Научный руководитель: Кожушная Кристина Анатольевна, кандидат политических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье исследуются проблемные аспекты применения мер административной ответственности за правонарушения, совершаемые в области предпринимательской деятельности и в рамках функционирования саморегулируемых организаций (СРО) на территории Российской Федерации. Анализ структуры и содержания составов административных правонарушений, закрепленных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), указывает на наличие затруднений, связанных с точной квалификацией противоправных деяний, сбором доказательств вины субъектов и обеспечением адекватности применяемых административных санкций. На основании проведенного анализа судебной практики и научных исследований, предлагаются конкретные направления для совершенствования нормативно-правовой базы, в том числе: уточнение и систематизация положений КоАП РФ, активизация превентивных мер воздействия, оптимизация механизмов административного контроля, а также развитие альтернативных (внесудебных) способов урегулирования возникающих споров. Цель исследования — разработка практически ориентированных рекомендаций, направленных на повышение эффективности административно-правового регулирования в сфере предпринимательства и саморегулирования.

Ключевые слова: административная ответственность, предпринимательская деятельность, саморегулируемые организации (СРО), защита прав потребителей, нелегальное предпринимательство, административные правонарушения, КоАП РФ, административный контроль, превентивные меры.

Предпринимательская деятельность, являясь основой рыночной экономики, закономерно привлекает внимание различных отраслей права, включая административное. Статья 2 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск, деятельность, направленную на систематическое извлечение, прибыли от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в данном качестве в установленном законом порядке. Однако, для целей административного права указанное определение может оказаться недостаточным в силу преимущественного акцента на гражданско-правовых аспектах, таких как имущественная самостоятельность и риск.

С позиции административного права, предпринимательская деятельность, в первую очередь, рассматривается как объект государственного регулирования и контроля. Государство устанавливает обязательные правила и требования, регламентирующие порядок осуществ-

ления предпринимательской деятельности, в целях защиты прав и законных интересов потребителей, обеспечения безопасности, выпускаемой в оборот продукции и оказываемых услуг, охраны окружающей среды, а также реализации иных общественно значимых целей. Несоблюдение указанных правил и требований является основанием для привлечения к административной ответственности.

Правонарушения в области предпринимательской деятельности: основные составы и проблемные аспекты

Административная ответственность за нарушения в области предпринимательской деятельности регламентируется различными статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), охватывающими широкий спектр противоправных деяний. Среди наиболее часто встречающихся можно выделить следующие:

1. Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или лицензии (ст. 14.1 КоАП РФ)

Деятельность без соответствующей регистрации или лицензии остается актуальной проблемой, поскольку значительное число субъектов предпринимательства уклоняются от исполнения налоговых обязательств, осуществляя деятельность в теневом секторе экономики или изначально начиная бизнес вне рамок правового поля. Данное явление оказывает негативное влияние на формирование бюджетных доходов всех уровней и создает угрозу экономической безопасности государства.

Предпринимательство представляет собой комплекс отношений между органами государственной власти и участниками бизнес-среды, требующий эффективного правового регулирования и контроля [3, с. 22–23]. Эффективное выявление и пресечение случаев незаконной предпринимательской деятельности требует четкого определения понятия «предпринимательская деятельность» и выделения ее ключевых признаков. К числу таких признаков следует отнести: систематическое извлечение прибыли, характеризующее направленность деятельности на регулярное получение дохода, а также самостоятельность ее осуществления физическим или юридическим лицом.

2. Нарушение правил продажи отдельных видов товаров (ст. 14.15 КоАП РФ)

Значительная часть административных правонарушений, связанных с несоблюдением требований и правил, регулирующих процесс продажи товаров и оказания услуг, сконцентрирована в главе 14 КоАП РФ, которая посвящена правонарушениям в сфере предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций. Отсутствие в структуре КоАП РФ отдельной главы, посвященной исключительно нарушениям правил продажи и оказания услуг, вероятно, обусловлено значительным разнообразием объектов правонарушений и спецификой регулирования различных видов деятельности.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению круга административных правонарушений, которые следует относить к нарушениям правил продажи товаров и оказания услуг. Ряд авторов, например, Е. С. Плахова, предлагают относить к данной категории правонарушения, посягающие на права потребителей, закрепленные в различных главах КоАП РФ, включая главы, касающиеся обеспечения здоровья населения, санитарно-эпидемиологического благополучия, охраны окружающей среды, промышленной безопасности, транспортной безопасности и порядка управления [5, с. 175]. Обоснованием данной позиции выступает широкий спектр прав потребителей, охватывающий различные аспекты жизнедеятельности человека и его интересы как потребителя, а также многообразие услуг, качество и порядок предо-

ставления которых оказывают непосредственное влияние на реализацию и защиту прав потребителей [5, с. 176].

Альтернативной точки зрения придерживается М. В. Паршинцева, которая ограничивает перечень административных правонарушений, связанных с нарушением правил продажи товаров и оказания услуг, следующими статьями КоАП РФ: ст. 14.4, ст. 14.5, ст. 14.7, ст. 14.8 и ст. 14.15 [4, с. 122].

А. А. Бугаева отмечает, что КоАП РФ содержит более двадцати статей, предусматривающих ответственность за нарушение законодательства в сфере защиты прав потребителей, при этом девять из них устанавливают ответственность субъектов торговой деятельности за совершение подобных нарушений [1, с. 46].

В. А. Федотов справедливо указывает, что основные составы административных правонарушений в сфере защиты прав потребителей содержатся в главе 14 КоАП РФ [6, с. 41].

Солидарен с данной позицией и полагаю, что правонарушения, составы которых установлены в указанной главе, играют ключевую роль в системе административно-правовых средств, направленных на обеспечение защиты прав потребителей. Интегрирующим признаком данных правонарушений выступает посягательство на гарантированные потребителям права.

Основываясь на проведенном анализе, считаю целесообразным относить к административным правонарушениям, связанным с нарушением правил продажи товаров и оказания услуг, следующие статьи КоАП РФ: ст. 14.4, 14.5, 14.7, 14.8, 14.15, 14.15.2, 14.15.3, 14.16, 14.17, 14.17.1, 14.17.3 КоАП РФ.

Таким образом, административное правонарушение, выражающееся в нарушении установленных правил реализации товаров и оказания услуг, представляет собой противоправное, виновное деяние (действие или бездействие), обладающее признаками общественной опасности, совершенное физическим или юридическим лицом, посягающее на порядок реализации товаров и оказания услуг, за совершение которого статьями 14.4, 14.5, 14.7, 14.8, 14.15, 14.15.2, 14.15.3, 14.16, 14.17, 14.17.1 и 14.17.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность.

3. Нарушение законодательства о защите прав потребителей (ст. 14.7, 14.8 КоАП РФ)

Указанные статьи устанавливают административную ответственность за введение потребителей в заблуждение относительно свойств и характеристик товаров (работ, услуг), нарушение права потребителей на получение достоверной информации о товарах (работах, услугах), а также нарушение требований к безопасности товаров (работ, услуг). Одной из ключевых проблем в данной области является сложность доказывания факта нарушения прав потребителей, особенно в сфере оказания услуг, где зачастую отсутствует надлежащая документальная фиксация условий и результатов предоставления услуг.

В современном обществе наблюдается тенденция к увеличению числа случаев мошеннических действий, направленных против потребителей, в том числе социально уязвимых категорий граждан (например, пожилых людей).

Злоумышленники используют различные методы недобросовестной конкуренции и вводят потребителей в заблуждение относительно потребительских свойств предлагаемых товаров (работ, услуг), принуждая их к приобретению товаров или услуг по искусственно завышенным ценам, нередко с оформлением кредитных обязательств, невзирая на наличие медицинских противопоказаний или аллергических реакций, информация о которых становится известна потребителю уже после заключения договора купли-продажи (оказания услуг) и подписания акта приема-передачи.

Действующее законодательство, как правило, не предусматривает возможности отказа от товара надлежащего качества, что приводит к возникновению существенных финансовых убытков у потребителей.

В целях повышения эффективности защиты прав потребителей представляется необходимым усиление образовательных и профилактических мероприятий, направленных на повышение уровня правовой грамотности потребителей и формирование осознанного подхода к совершению потребительских сделок.

В качестве рекомендуемых форм профилактической и образовательной работы можно предложить следующие:

1. Информационное обеспечение:

1.1. Размещение в средствах массовой информации (печатные издания, радио, телевидение, сеть «Интернет») и на информационных стендах (в виде брошюр, листовок и плакатов) информационных материалов, содержащих детальный алгоритм действий потребителя в случае нарушения его законных прав и интересов.

1.2. Разъяснительная работа:

Организация и проведение лекций, встреч и бесед с населением в организациях различных организационно-правовых форм (включая образовательные учреждения), на ярмарках, в торговых центрах, на рынках и в органах местного самоуправления по вопросам, касающимся защиты прав потребителей.

Реализация предложенных мер позволит повысить осведомленность потребителей о доступных способах защиты своих прав и законных интересов, предотвратить случаи мошенничества и минимизировать финансовые потери, связанные с недобросовестной деятельностью продавцов (исполнителей).

Административная ответственность за правонарушения в деятельности саморегулируемых организаций

Деятельность СРО, будучи важным элементом системы регулирования предпринимательской деятельности, также подвержена административной ответствен-

ности за определенные правонарушения. К основным составам можно отнести:

1. Нарушение требований к обеспечению имущественной ответственности членом СРО (ст. 14.52 КоАП РФ)

Данная статья устанавливает ответственность за несоблюдение требований к формированию компенсационного фонда, а также к страхованию ответственности членом СРО. Проблемой является не всегда четкое определение размера компенсационного фонда и требований к страхованию, что приводит к различным толкованиям со стороны контролирующих органов.

2. Нарушение порядка ведения реестра членом СРО (ст. 14.52.1 КоАП РФ)

Эта статья предусматривает ответственность за внесение в реестр недостоверных сведений, а также за несвоевременное исключение из реестра членом, прекративших свою деятельность. Важно отметить, что данное нарушение может повлечь за собой серьезные последствия, в том числе причинение вреда третьим лицам.

3. Невыполнение предписаний органов государственного надзора за деятельностью СРО (ст. 19.5 КоАП РФ)

Данная статья устанавливает ответственность за неисполнение предписаний органов, осуществляющих контроль за деятельностью СРО. Проблемой является сложность определения сроков исполнения предписаний и критериев оценки их надлежащего исполнения.

Проблемы правоприменения и пути их решения

Анализ судебной практики и научных публикаций позволяет выделить ряд общих проблем, возникающих при применении административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности СРО:

1. Недостаточная определенность составов административных правонарушений

Многие статьи КоАП РФ содержат оценочные понятия, что создает трудности при квалификации деяний и приводит к произвольному применению норм. Необходимо более четкое и однозначное определение признаков составов административных правонарушений.

2. Сложность доказывания вины

Доказывание вины лица, совершившего административное правонарушение, является сложной задачей, осо-

бенно в случаях, когда речь идет о нарушении правил технического регулирования или стандартов качества. Необходимо совершенствование методов сбора и оценки доказательств, а также повышение квалификации должностных лиц, осуществляющих административное расследование.

3. Несоразмерность административных наказаний

Размер штрафов, предусмотренных КоАП РФ за отдельные виды правонарушений, представляется несоразмерным тяжести совершенного деяния и может оказаться непосильным для малого и среднего бизнеса. Необходимо пересмотреть систему административных наказаний с учетом экономических реалий и социальной значимости правонарушений.

4. Недостаточная эффективность административного контроля

Контрольные органы не всегда обладают достаточными ресурсами и компетенцией для эффективного выявления и пресечения административных правонарушений в области предпринимательской деятельности и деятельности СРО. Необходимо совершенствование системы административного контроля, в том числе путем внедрения современных информационных технологий и повышения квалификации контрольных органов.

Перспективы совершенствования правового регулирования

Совершенствование правового регулирования административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности СРО должно осуществляться по следующим направлениям:

1. Уточнение и систематизация норм КоАП РФ

Необходимо провести работу по систематизации норм КоАП РФ, регулирующих ответственность за правонарушения в данной сфере, а также уточнить содержание отдельных составов административных правонарушений.

2. Развитие института предупреждения административных правонарушений

Необходимо активнее использовать институт предупреждения административных правонарушений, путем проведения разъяснительной работы с предпринимателями и СРО, а также оказания им консультационной помощи.

3. Совершенствование системы административного контроля

Необходимо повысить эффективность административного контроля за деятельностью предпринимателей и СРО, путем внедрения современных информационных технологий и повышения квалификации контрольных органов.

4. Развитие альтернативных способов разрешения споров

Необходимо развивать альтернативные способы разрешения споров, возникающих в сфере предпринимательской деятельности и деятельности СРО, такие как медиация и третейское разбирательство, что позволит снизить нагрузку на судебную систему и ускорить процесс разрешения конфликтов.

Административная ответственность за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности СРО играет важную роль в обеспечении законности и правопорядка в экономической сфере. Однако существующая система административной ответственности имеет ряд недостатков, которые требуют устранения. Совершенствование правового регулирования в данной области должно осуществляться путем уточнения и систематизации норм КоАП РФ, развития института предупреждения административных правонарушений, совершенствования системы административного контроля и развития альтернативных способов разрешения споров. Реализация этих мер позволит повысить эффективность административной ответственности и создать благоприятные условия для развития предпринимательской деятельности и деятельности СРО в России.

Литература:

1. Бугаева А. А. Защита прав потребителей в России: административно-правовой аспект / А. А. Бугаева //
2. Современные тенденции развития науки и мирового сообщества: сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции. Анапа, 2022. С. 44–53.
3. Васильев Д. И. Понятие незаконного предпринимательства// Актуальные вопросы юридической науки и практики: материалы III Межвузовской научно-практической конференции. — Краснодар, 2014. — С. 22–23.
4. Паршинцева М. В. Административный правовой аспект защиты прав потребителей / М. В. Паршинцева // Молодой ученый. 2021. № 9(351). С. 122–124.
5. Плахова Е. С. Защита прав потребителей в России: административно-правовой аспект / Е. С. Плахова // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 3(31). С. 169–179.

6. Федотов В. А. Защита прав потребителей в условиях административной реформы / В. А. Федотов // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2022. № 19. С. 40–42.
7. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 05.12.2022) «О защите прав потребителей» / [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
8. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Саморегулируемые организации: понятие, признаки и нормативно-правовое регулирование

Наумов Андрей Алексеевич, студент

Научный руководитель: Кожушная Кристина Анатольевна, кандидат политических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В условиях рыночной экономики, где приоритет отдается свободе предпринимательства, происходит смещение акцентов в механизмах управления. Государственное регулирование уступает место саморегулированию, в котором ключевую роль играют саморегулируемые организации (СРО). Эти объединения, формируемые из социально ответственных представителей бизнеса, устанавливают высокие стандарты профессиональной деятельности, следят за их соблюдением и тем самым повышают уровень защиты потребителей и стимулируют честную конкуренцию. Однако развитие саморегулирования сталкивается с препятствиями, в том числе с несовершенством законодательства, которое ограничивает самостоятельность и инициативы СРО. Для эффективной работы этих организаций необходимо усиление их правовой защиты. Одним из решений может стать закрепление конституционного статуса за СРО. Это создаст прочную правовую базу, которая позволит устранить противоречия между существующими нормами и конституционными принципами, касающимися как добровольного, так и обязательного членства в СРО. Это, в свою очередь, укрепит защиту интересов потребителей, обеспечит добросовестную конкуренцию и защитит права и интересы членов СРО

Ключевые слова: саморегулируемые организации, СРО, права потребителей, признаки СРО, субъекты экономической деятельности, арбитражный управляющий, юридическое лицо.

Российское государство и его граждане стремятся к стабильному гражданско-правовому регулированию и устойчивому экономическому росту, поскольку это является основой для достижения ключевых целей общественного развития. К этим целям относится создание благоприятной среды для динамичного развития, обеспечение достойного уровня жизни, защита прав граждан как потребителей и гарантия свободы экономической и духовной деятельности.

Рыночная экономика, основанная на свободе предпринимательства, разнообразии форм собственности и конкуренции, имеет свои закономерности. Однако эти закономерности могут приводить к негативным последствиям, таким как монополизация, концентрация капитала в руках ограниченного числа лиц, ограничение конкуренции и снижение уровня защиты потребителей.

На товарных и финансовых рынках появляются участники, для которых нарушение принципов справедливости, законодательства, договорных обязательств, добросовестности и прав потребителей становится инструментом для получения прибыли, увеличения капитала и удовлетворения личных интересов. Чрезмерная коммерциализация рыночных отношений, когда главной целью является извлечение прибыли любыми способами, противоречит интересам общества и ведет к искажению его ценностей.

Саморегулирование и СРО: понятие и публично-правовая сущность

Саморегулируемые организации (СРО) выделяются среди прочих, поскольку их деятельность регулируется отдельным комплексом законодательных актов.

Система саморегулирования предполагает передачу ряда функций, традиционно выполняемых государством, саморегулируемым организациям. Это направлено на упрощение процедур лицензирования и сокращение перечня видов деятельности, подлежащих лицензированию.

Саморегулирование определяется как инициативная и самостоятельная деятельность субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, заключающаяся в разработке и установлении стандартов и правил для этой деятельности, а также в контроле за их соблюдением (статья 2 Федерального закона № 315-ФЗ от 01.12.2007 «О саморегулируемых организациях»).

Субъектами предпринимательской деятельности являются индивидуальные предприниматели и юридические лица, зарегистрированные в установленном порядке и осуществляющие предпринимательскую деятельность. Субъектами профессиональной деятельности являются физические лица, осуществляющие определенные виды

профессиональной деятельности, установленные законом (статья 2 Федерального закона № 315-ФЗ).

Саморегулируемой организацией признается некоммерческая организация, созданная с целью саморегулирования, основанная на членстве и объединяющая субъектов предпринимательской деятельности на основе единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг), либо субъектов профессиональной деятельности определенного вида (статья 3 Федерального закона № 315-ФЗ).

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая деятельность СРО арбитражных управляющих и оценщиков, сформулировал правовую позицию относительно публично-правовой природы саморегулирования:

Федеральный законодатель имеет право наделять СРО, как автономные публично-правовые субъекты, полномочиями по нормотворчеству, исполнительно-распорядительной деятельности и контролю в сфере, где они осуществляют саморегулирование в интересах общества, кредиторов и должников.

Создание СРО арбитражных управляющих одновременно с отказом от лицензирования их деятельности означает, что государство передало этим организациям часть своих публично-правовых функций.

Возложение на СРО арбитражных управляющих функции контроля за профессиональной деятельностью своих членов, в части соблюдения законодательства о банкротстве и установленных СРО правил, рассматривается как модификация контрольной деятельности государства в сфере финансового оздоровления и банкротства.

СРО арбитражных управляющих обладают двойственной правовой природой: они являются некоммерческими организациями и регистрируются в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях», но после включения в единый государственный реестр приобретают особый публично-правовой статус (Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П).

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что саморегулируемые организации оценщиков являются профессиональными объединениями, созданными в соответствии с волей государства, выраженной в законе, для передачи им определенных публичных функций. Таким образом, создание СРО и наделение их контрольными функциями государства являются элементом экономической политики государства (Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2009 № 461-О-О).

Обязательность членства в саморегулируемых организациях

СРО можно разделить на две категории:

СРО с обязательным членством: членство в них является обязательным условием для осуществления определенного вида предпринимательской или профессиональной деятельности.

СРО с добровольным членством: членство в них не является обязательным.

Обязательность членства в СРО, регулируемых Федеральным законом № 315-ФЗ, устанавливается непосредственно в законах. В отношении деятельности, регулируемой Федеральным законом № 223-ФЗ от 13.07.2015 «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка», членство финансовой организации в соответствующей СРО обязательно, если существует СРО, вид которой соответствует осуществляемой финансовой деятельности (статья 8 Федерального закона № 223-ФЗ).

Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовые позиции относительно обязательности членства в СРО, в частности, в отношении СРО оценщиков и аудиторов:

Федеральный законодатель вправе установить обязанность субъектов экономической деятельности, осуществляющих публичные функции и действующих не только в целях получения прибыли, но и для удовлетворения общественных потребностей, быть членами соответствующего профессионального объединения в качестве условия осуществления их деятельности. При этом, законодатель должен соблюдать конституционный принцип недопустимости искажения сути права на предпринимательскую и иную законную экономическую деятельность, а также не допускать экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2009 № 461-О-О).

В рамках своей экономической и правовой политики законодатель вправе принимать решения о создании СРО, в том числе для видов деятельности, не обладающих публично-правовыми функциями (Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2010 № 685-О-О).

Законодательная основа саморегулируемых организаций

Правовую базу саморегулирования формируют Федеральный закон № 315-ФЗ, имеющий общий характер, и Федеральный закон № 223-ФЗ, регулирующий семнадцать видов деятельности на финансовом рынке, на которые не распространяется действие Федерального закона № 315-ФЗ. Перечень этих видов деятельности указан в статье 3 Федерального закона № 223-ФЗ и статье 1 Федерального закона № 315-ФЗ. К ним относятся:

Деятельность брокеров, дилеров, управляющих, депозитариев, регистраторов.

Деятельность акционерных инвестиционных фондов, управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов.

Деятельность специализированных депозитариев и негосударственных пенсионных фондов.

Деятельность страховых организаций, страховых брокеров, обществ взаимного страхования.

Деятельность микрофинансовых организаций, кредитных потребительских кооперативов, жилищных накопительных кооперативов и сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов.

Деятельность форекс-дилеров и инвестиционных советников.

Финансовая организация может получить статус СРО в отношении одного или нескольких видов деятельности из указанного перечня (статья 3 Федерального закона № 223-ФЗ).

Кроме того, существует ряд федеральных законов, регулирующих вопросы саморегулирования в конкретных видах предпринимательской и профессиональной деятельности.

Важно не путать саморегулируемые организации (СРО) со специализированными негосударственными объединениями, где членство обязательно для лиц, занимающихся определенной профессиональной деятельностью. Примеры таких объединений, отличающихся от СРО по своему правовому статусу, включают нотариальные и адвокатские палаты, а также профессиональные объединения страховщиков, такие как те, что создаются в соответствии с Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Признаки саморегулируемых организаций

Термин «саморегулируемая организация» (СРО) был адаптирован российским правом из англо-американской правовой системы, где обозначается как «self-regulatory organization». В международной практике организация считается саморегулируемой, если ей делегирован определенный уровень контроля над конкретной сферой деятельности [6, с. 2146–2147].

В российской цивилистике не существует общепринятого определения СРО. Однако законодательное определение закреплено в статье 3 Федерального закона № 315-ФЗ. Исходя из этого определения, законодатель признает СРО некоммерческие юридические лица, созданные для целей, установленных как в Законе № 315-ФЗ, так и в других федеральных законах. Они основаны на обязательном членстве и объединяют субъектов предпринимательства, которые классифицируются в зависимости от рынка производимых товаров (услуг, работ), отрасли производства либо вида профессиональной деятельности. Примерами могут служить СРО в строительстве или аудиторские СРО.

Законодательное определение позволяет выделить следующие основные признаки СРО, отличающие их от

других участников гражданского оборота: **во-первых**, это некоммерческая организация; **во-вторых**, ее деятельность имеет определенную законом цель; в-третьих, она основана на членстве; **и, наконец**, членами являются предприниматели или профессионалы, объединенные в случаях, установленных законом.

Закон № 315-ФЗ (ч. 3 ст. 3) устанавливает конкретные требования к СРО, которые отличают их от других некоммерческих организаций. Во-первых, численность членов СРО строго ограничена: не менее 25 субъектов предпринимательской деятельности или не менее 100 субъектов профессиональной деятельности (при этом федеральное законодательство может устанавливать иные требования). Во-вторых, все члены обязаны соблюдать принятые организацией правила и стандарты. В-третьих, каждый член несет дополнительную имущественную ответственность перед потребителями услуг (товаров, работ) и иными лицами, и СРО должна обеспечивать данную ответственность. По мнению Ю. Г. Лесковой, именно совокупность этих признаков и требований отражает сущность СРО [7, с. 31].

Однако в юридической литературе встречается мнение, что СРО — это не организационно-правовая форма юридического лица, а скорее, особый статус. Этот статус присваивается действующей некоммерческой организации, основанной на членстве, при условии соответствия ее деятельности требованиям, установленным законодательством [7, с. 88].

Саморегулируемым организациям свойственны отдельные черты, характерные для публичных юридических лиц. Это объясняется спецификой их правовой природы, которая проявляется в сочетании публичных и частных элементов. Как отмечает Р. Н. Аганина (цит. по [6, с. 2148]), передача функций от государственных органов профессиональным сообществам не отменяет их общественную значимость, поскольку они по-прежнему направлены на поддержку и защиту общественных интересов. Следовательно, СРО выполняют в этой сфере именно публичные функции.

Таким образом, рассмотрение саморегулирования показывает его неоднозначную правовую природу. С одной стороны, это инструмент гражданско-правового регулирования, а с другой — институт, имеющий публично-правовые границы. Основная задача саморегулируемых организаций заключается в создании условий для соблюдения прав и законных интересов всех участников правоотношений, возникающих в связи с осуществлением предпринимательской или профессиональной деятельности в определенной экономической области.

Литература:

1. Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (ред. от 02.07.2021). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.04.2025).
2. Федеральный закон от 13.07.2015 N 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.04.2025).

3. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ред. от 03.02.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.04.2025).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.04.2025).
5. Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография / А. Я. Курбатов. — Москва: Юстицинформ, 2022. — 244 с. — ISBN 978–5–7205–1846–2. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/266612> (дата обращения: 09.04.2025). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
6. Ершова И. В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 10. — С. 2142–2150.
7. Лескова Ю. Г. К вопросу о правовой природе и сущности саморегулируемой организации // Современная наука. — 2010. — № 2. — С. 30–33.
8. Герасимов А. А. Нормативно-правовые основы деятельности саморегулируемых организаций как субъектов гражданского права // Пробелы в российском законодательстве. — 2010. — № 1. — С. 88–92.

Цифровизация государственного управления в сфере внутренних дел: правовые аспекты и перспективы развития

Никогосян Давид Егорович, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена вопросам цифровой трансформации системы государственного управления в сфере внутренних дел. Анализируются основные направления цифровизации, обозначенные в стратегических документах, а также нормативно-правовые механизмы, обеспечивающие внедрение цифровых технологий в деятельность органов внутренних дел. Особое внимание уделяется вопросам правовой регламентации использования технологий искусственного интеллекта, электронного документооборота и межведомственного взаимодействия в цифровом формате.

Ключевые слова: цифровизация, органы внутренних дел, искусственный интеллект, электронный документооборот, правовое регулирование.

Digitalization of public administration in internal affairs: legal aspects and development prospects

Nikogosyan David Yegorovich, student
Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the digital transformation of the public administration system in the field of internal affairs. The main directions of digitalization outlined in strategic documents are analyzed, as well as legal mechanisms for the implementation of digital technologies in the activities of internal affairs bodies. Special attention is paid to the regulation of the use of artificial intelligence, electronic document management and interdepartmental digital interaction.

Keywords: digitalization, internal affairs bodies, artificial intelligence, electronic document management, legal regulation.

Цифровизация в сфере государственного управления уже давно перестала быть лишь актуальной тенденцией — сегодня она стала жизненно необходимым условием эффективного функционирования системы публичной власти. Особенно остро эта необходимость проявляется в такой чувствительной и социально значимой области, как деятельность органов внутренних дел. Здесь скорость, точность, прозрачность и достоверность принимаемых управленческих решений оказывают

прямое влияние не только на уровень доверия граждан к государству, но и на обеспечение общественной безопасности, защиту правопорядка и стабильность политико-правовой системы в целом.

Современные вызовы, включая рост объемов информации, необходимость межведомственной координации, повышение уровня преступности в цифровой среде, диктуют новые требования к организации управления в системе МВД. Именно поэтому цифровая трансформация

деятельности органов внутренних дел становится ключевым элементом государственной политики в сфере управления и правопорядка.

На сегодняшний день вектор цифровой трансформации органов внутренних дел получил институциональное оформление в рамках реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации и Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Эти документы закладывают основы для формирования единой цифровой среды, способной обеспечить оперативный и прозрачный обмен данными между государственными органами, а также внедрение инновационных подходов в процесс оказания государственных услуг, контроля и пресечения правонарушений. Одним из приоритетных направлений в этом контексте является создание интегрированного цифрового пространства в правоохранительной сфере, включая комплексное межведомственное взаимодействие на основе цифровых платформ и баз данных [2].

Ключевым элементом цифровизации в органах внутренних дел выступает масштабный переход к электронному документообороту и цифровому взаимодействию как между подразделениями, так и с гражданами и организациями. В частности, широкое распространение получила Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), которая позволяет в автоматизированном режиме запрашивать и получать данные, обрабатывать обращения и управлять процессами рассмотрения дел. В дополнение к этому активно развивается механизм цифровых профилей граждан и юридических лиц — унифицированных структурированных цифровых досье, позволяющих значительно ускорить и упростить многие процессы, повысить прозрачность управленческих решений и минимизировать коррупционные риски.

Тем не менее, несмотря на очевидные достижения, практическая реализация цифровых технологий в МВД сталкивается с целым рядом проблем и ограничений. Во-первых, на уровне нормативного регулирования до сих пор отсутствует единая терминология, согласованная с международными стандартами. Понятия вроде «искусственный интеллект», «большие данные», «цифровой двойник», «цифровой профиль» используются в разных актах с различными значениями или вообще не имеют правового закрепления, что создаёт риски правовой неопределённости и затрудняет правоприменение.

Во-вторых, на сегодняшний день остро стоит вопрос разработки и принятия специализированного законодательства, регулирующего применение цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, в оперативной и административной деятельности органов внутренних дел. Уже сейчас обсуждается использование ИИ в системах интеллектуального видеонаблюдения, аналитике преступности, идентификации и прогнозировании угроз, однако при этом отсутствуют гарантии соблюдения принципа правомерности вмешательства,

особенно в части права на частную жизнь и персональные данные граждан [1].

При этом правовое регулирование должно учитывать особенности оперативно-служебной деятельности МВД, включая специфику уголовно-процессуальных и административных процедур, а также требования к информационной безопасности. Необходимо исключить чрезмерную автоматизацию принятия решений, особенно когда речь идёт о мерах, затрагивающих права и свободы граждан. Применение алгоритмов должно быть подконтрольно и сопровождаться возможностью независимой проверки, аудита и апелляции. В противном случае возникает риск не только технологической ошибки, но и произвола, легализованного цифровыми механизмами [4].

Наряду с нормативными аспектами важнейшим условием эффективной цифровизации органов внутренних дел является развитие кадрового потенциала. Сотрудники, осуществляющие правоприменение в условиях цифровой среды, должны обладать не только традиционными юридическими компетенциями, но и цифровой грамотностью, пониманием принципов функционирования информационных систем, алгоритмов обработки данных и угроз киберпространства. Следовательно, требуется реформирование системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров МВД, включая внедрение соответствующих дисциплин в образовательные программы.

Не менее значимой является проблема обеспечения кибербезопасности в условиях активной цифровизации. Расширение цифровых каналов взаимодействия и хранения данных неизбежно увеличивает уязвимость систем МВД к кибератакам и утечкам информации. Необходимо нормативное закрепление строгих требований к технической защите информации, включая использование сертифицированных отечественных программных решений, внедрение технологий криптографической защиты, а также обеспечение постоянного мониторинга угроз и инцидентов [3].

Особое внимание следует уделить правовому оформлению межведомственного цифрового обмена данными. Несмотря на наличие отдельных регламентов, многие механизмы пока функционируют в экспериментальном или пилотном режиме, без чёткой правовой базы. Принятие унифицированного закона о межведомственном цифровом взаимодействии позволило бы устранить правовой вакуум, обеспечить юридическую определённость процедур и защитить интересы участников информационного обмена.

Таким образом, цифровизация государственного управления в системе органов внутренних дел — это комплексный и многоплановый процесс, который требует согласованных усилий на уровне законодательства, правоприменительной практики, образования и технологического развития. Внедрение цифровых решений должно осуществляться не только ради повышения эффективности, но и с учётом приоритета прав и свобод человека,

а также конституционных принципов правового государства.

Только в условиях сбалансированной цифровизации, сочетающей технологические инновации с юридическими

гарантиями, возможно построение современной, надёжной и прозрачной системы управления, способной эффективно реагировать на вызовы цифровой эпохи и укреплять доверие общества к правоохранительным органам.

Литература:

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203.
2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р.
3. Козырев А. А., Яковлев А. С. Искусственный интеллект в деятельности правоохранительных органов: правовые и этические аспекты // Вопросы правоприменения. 2023. № 3.
4. Гаврилов Б. Я. Цифровизация государственного управления: вызовы правовой системы // Журнал российского права. 2022. № 10.

Принцип законности в государственном управлении внутренних дел: теоретические и практические аспекты

Никогосян Давид Егорович, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются правовая природа и роль принципа законности в системе государственного управления в сфере внутренних дел. Анализируются различные научные подходы к трактовке понятия законности, ее значение в обеспечении прав и свобод граждан, поддержании правопорядка и эффективности деятельности органов внутренних дел. Автор уделяет внимание нормативно-правовому закреплению принципа законности и вопросам его реализации на практике.

Ключевые слова: законность, органы внутренних дел, государственное управление, административное право, права граждан, правопорядок, правоприменение, правовой режим, Конституция, правовая норма.

The principle of legality in state management of internal affairs: theoretical and practical aspects

Nikogosyan David Yegorovich, student
Moscow University of Finance and Law

The article explores the legal nature and the role of the principle of legality within the system of public administration in the field of internal affairs. It analyzes various scientific approaches to the concept of legality and its significance in ensuring citizens' rights, maintaining public order, and improving the efficiency of law enforcement agencies. Special attention is paid to the legal enshrinement of the principle of legality and the challenges of its practical implementation.

Keywords: legality, public administration, internal affairs, administrative law, citizen rights, law enforcement, legal regime, Constitution, legal norm.

Принцип законности традиционно рассматривается как краеугольный камень правового государства и ключевой ориентир в деятельности всех органов государственной власти. В условиях современной Российской Федерации данный принцип приобретает особую значимость в контексте функционирования системы органов внутренних дел, поскольку именно от его реализации зависит не только правомерность управленческих ре-

шений, но и общий уровень правовой культуры, доверия населения к государственным институтам и эффективность поддержания общественного порядка и безопасности.

Конституция Российской Федерации в статье 15 провозглашает приоритет закона как основы правовой системы и указывает на обязательность его исполнения всеми субъектами права без исключения. Это означает,

что любые действия государственных органов, в том числе органов внутренних дел, должны осуществляться строго в рамках действующего законодательства, без произвольного толкования норм и без отклонения от установленных процедур. В этом аспекте принцип законности выполняет не только юридическую функцию, но и выполняет важную социальную и политическую роль — он служит индикатором подлинной демократичности государственного управления и реальной защищённости прав граждан [1].

Особенно ярко значение законности проявляется в повседневной деятельности сотрудников органов внутренних дел, которые в силу своей компетенции напрямую взаимодействуют с гражданами, применяют меры административного воздействия и участвуют в обеспечении безопасности. Принцип законности в данном случае означает необходимость строгого и неукоснительного соблюдения требований нормативных правовых актов при осуществлении всех форм деятельности — от патрулирования и оформления правонарушений до оперативно-розыскной работы и управления внутренними процессами ведомства. Это касается как индивидуальной ответственности каждого должностного лица, так и институциональной ответственности органов в целом, в рамках общей стратегии и политики, реализуемой Министерством внутренних дел [3].

С точки зрения административно-правовой теории, принцип законности трактуется как особый правовой режим, при котором деятельность органов государственной власти осуществляется на основе точного и полного соблюдения закона. При этом закон понимается не просто как формально действующий нормативный акт, но как совокупность взаимосвязанных правовых норм, обладающих ясностью, определённой и внутренней согласованностью. Некоторые авторы подчёркивают, что законность является не только правовой, но и этической категорией, поскольку её соблюдение способствует формированию правового сознания, укреплению гражданской ответственности и развитию уважения к закону как таковому — как среди сотрудников органов внутренних дел, так и в обществе в целом.

Нарушение принципа законности в системе органов внутренних дел способно вызвать крайне негативные последствия. Это не только юридическая ответственность в виде дисциплинарных взысканий, административных или уголовных санкций, но и подрыв легитимности самого института государственной власти. Особенно опасны такие нарушения в тех сферах, где применяются меры административного принуждения, производятся задержания, осуществляется контроль за соблюдением общественного порядка и безопасности. В этих случаях любое отступление от закона, даже формально незначительное, может восприниматься как проявление произвола, коррупции или предвзятости, что напрямую влияет на общественное мнение и уровень доверия к правоохранительным структурам [2].

На практике реализация принципа законности в органах внутренних дел сталкивается с рядом устойчивых проблем, которые существенно затрудняют соблюдение правового режима. К ним, прежде всего, относятся:

- недостаточная проработанность нормативно-правовой базы, в том числе наличие пробелов, коллизий и отсутствие единообразия в правоприменительной практике;
- низкий уровень правовой культуры и правового самосознания у отдельных категорий сотрудников;
- наличие фактов злоупотребления служебным положением, превышения полномочий, либо формального подхода к исполнению должностных обязанностей;
- влияние ведомственной замкнутости, корпоративной солидарности и «культуры лояльности», которая в отдельных случаях становится препятствием для выявления и пресечения нарушений.

Для преодоления этих проблем необходима комплексная и последовательная правовая, организационная и кадровая работа, направленная на обеспечение устойчивого правового режима внутри органов внутренних дел. В качестве первоочередных мер можно выделить:

- системное обновление и совершенствование нормативной базы, с учётом принципов юридической определённости, недвусмысленности, доступности и понятности правовых норм;
- повышение уровня правовой подготовки сотрудников на всех уровнях — от базовой подготовки до переподготовки руководящего состава, с акцентом на развитие правосознания и этических установок;
- создание многоуровневой системы контроля за соблюдением законности, включающей как внутренние (служебные) механизмы, так и внешние, в том числе участие институтов гражданского общества, правозащитных организаций и органов прокуратуры;
- внедрение эффективной системы мотивации соблюдения правовых стандартов, включая как меры стимулирования (поощрения), так и неотвратимость дисциплинарной ответственности за правонарушения и злоупотребления.

Таким образом, принцип законности в государственном управлении, особенно в такой ответственной сфере, как деятельность органов внутренних дел, выполняет двойную функцию — он одновременно является гарантией соблюдения прав и свобод личности, а также инструментом формирования стабильного, прозрачного и предсказуемого правового режима. Только в условиях подлинного верховенства закона возможно построение эффективной, ориентированной на общественные интересы системы МВД, способной выполнять свои функции без перегибов, нарушений и утраты легитимности.

Реализация этого принципа требует постоянного внимания, ресурсов и политической воли. Однако именно соблюдение законности позволяет обеспечить устойчивость государственности, защитить граждан от произвола и создать прочную правовую основу для развития демократических институтов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Защита прав потребителей финансовых услуг в судебном и досудебном порядке

Нурмашева Марина Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Яковлев Дмитрий Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует проблемы и способы защиты прав потребителей финансовых услуг.

Ключевые слова: *финансовые услуги, граждане, права.*

Защита прав потребителей финансовых услуг в суде и досудебном порядке играет важную роль в обеспечении справедливости и законных интересов граждан. В современном мире финансовые вопросы занимают центральное место в повседневной жизни людей, и возникающие споры могут иметь значительное влияние на их финансовое благополучие. Таким образом, эффективная защита прав потребителей финансовых услуг в судебных и внесудебных инстанциях становится крайне важной для обеспечения справедливости и защиты интересов всех участников финансовых отношений.

Центральный Банк Российской Федерации играет главную роль в регулировании финансового рынка страны. Банк России препятствует финансовым организациям в навязывании своих услуг потребителям, а также блокирует сокрытие существенной информации, которая может ввести потребителей в заблуждение. Он отслеживает, чтобы финансовые организации выполняли обязательные условия договоров, выявляет и устраняет недобросовестные практики на финансовом рынке, которые могут причинить ущерб потребителям финансовых услуг [1].

Стоит отметить, что именно обращения граждан выступают доказательством нарушения банками законодательства, регулирующими деятельность финансовых организаций. Поступившие обращения граждан в Банк России, рассматриваются в соответствии с требованиями, установленными Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2].

Часто жалобы граждан связаны с конфликтами между финансовыми организациями и клиентами, использующими их услуги. Многие страны мира устанавливают институт финансового уполномоченного (омбудсмана) как независимый орган для разрешения подобных споров на финансовом рынке, особенно в случаях, когда речь идет о небольших суммах, в рамках внесудебного урегулирования [3].

Основываясь на зарубежном опыте, Российская Федерация Федеральным законом от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [6] ввела в практику подобный институт. Настоящий федеральный закон устанавливает правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг и определяет процедуру внесудебного рассмотрения споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями. Федеральный закон в качестве финансового управляющего определяет финансовых уполномоченных в различных областях финансовых услуг, таких как страхование, микрофинансирование, кредитная кооперация, ломбарды, негосударственные пенсионные фонды и другие.

Финансовые уполномоченные в сферах финансовых услуг назначаются Советом директоров Банка России по предложению главного финансового уполномоченного. Совет директоров Банка России вправе назначить нескольких финансовых уполномоченных, рассматривающих обращения в одной сфере финансовых услуг.

Следует обратить внимание на то, что согласно ст. 15 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «финансовый уполномоченный может рассматривать требования потребителей к финансовой организации только тогда, когда их размер не превышает 500 тысяч рублей» [6].

Если страховая компания нарушила Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [4] в процессе выплаты страхового возмещения, то финансовый уполномоченный обязан рассмотреть требования по данному поводу, независимо от их размера. Однако необходимо учитывать общий срок исковой давности, установленный ст. 196 ГК РФ, который составляет три года.

Перечень требований, не подлежащих рассмотрению финансовым уполномоченным, определен ст. 19 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ. Защита прав потре-

бителя финансовых услуг в судебном порядке предусмотрена статьями 25–27 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ на основании гражданского судопроизводства.

Однако, в случае возникновения спора с финансовой организацией, потребитель имеет право подать иск в суд только по тем вопросам, которые были затронуты в обращении к финансовому уполномоченному (в соответствии с пунктом 2 статьи 15), и только после получения решения по этому обращению, если уполномоченный не смог разрешить спор. Также потребитель финансовых услуг может обратиться в суд напрямую для защиты своих прав, минуя финансового уполномоченного, по соответствующим требованиям, указанным в п. 8, ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ, но если они превышают 500 тысяч рублей.

В соответствии с Гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации [5], заявление от финансовой организации необходимо подавать в районный суд или вышестоящий суд, в зависимости от суммы иска. Если исковая сумма не превышает 100 тысяч рублей по делам, связанным с защитой прав потребителей, то необходимо обратиться к мировому судье.

Финансовый уполномоченный может направить в суд письменные объяснения по поводу своего решения, с которым не согласен потребитель финансовых услуг, при этом в качестве ответчика или третьего лица не выступать.

Участие финансового уполномоченного и потребителя финансовых услуг в деле происходит в качестве заинтересованных лиц, в то время как финансовая организация выступает в роли заявителя [6].

Если суд признает, что решение финансового уполномоченного законно и обосновано, он может отклонить просьбу финансовой организации. Однако, если суд считает, что есть основания для изменения решения финансового уполномоченного, то он может это сделать после получения обязательной копии этого решения.

Считаем необходимым подчеркнуть, что проблемам защиты прав потребителей финансовых услуг в досудебном порядке и в суде, особое внимание уделяет Верховный суд РФ в своих Разъяснениях по вопросам применения Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [7].

Литература:

1. Информационный доклад «Направления защиты прав потребителей финансовых услуг», подготовленный Службой Банка России по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг // Официальный сайт Банка России www.cbr.ru. 2021.
2. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Консультант Плюс (справочно-правовая система). Дата обращения: 11.03.2024.
3. Колесников Ю. А., Бочарова Н. Н. Особенности правового положения финансового омбудсмена в России и зарубежных странах: теоретико-методологический аспект // Историческая и социальная образовательная мысль. 2015. № 6–2. С. 211–215.
4. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ред. от 25.12.2023) // Консультант Плюс (справочно-правовая система). Дата обращения: 11.03.2024.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2023. — № 26. — Ст. 4687.
6. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. N 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (ред. от 25.12.2023) // Российская газета от 06.06.2018 г., N 121.
7. Разъяснения по вопросам применения Закона № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.03.2020) // Консультант Плюс (справочно-правовая система). Дата обращения: 12/03.2024.

Законодательная база досудебной защиты прав потребителей финансовых услуг

Нурмашева Марина Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Яковлев Дмитрий Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует правовые механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг.

Ключевые слова: *финансовые услуги, ответственность, защита.*

Публичный характер защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг на рынке

обусловил создание специального комплексного правозащитного механизма, эффективность которого обес-

печивается взаимодействием и взаимодополнением его составляющих.

В рамках отечественной правовой доктрины концепция «защиты права» является предметом обширных исследований, что подтверждается многообразием подходов к её определению. В юридической науке феномен защиты прав и охраняемых законом интересов интерпретируется как неотъемлемая функция права, как структурированная система (совокупность) правовых средств и как самостоятельный вид юридической деятельности [1].

Заслуживает внимания подход, разграничивающий материально-правовой и процессуально-правовой аспекты защиты права. Например, С. В. Мельник определяет защиту права как «материально-правовое восстановление нарушенного права или предотвращение его нарушения, а также как процессуально-правовую деятельность по применению способов защиты» [2]. Эту точку зрения разделяют и другие исследователи [3].

Редукционистский подход, сводящий защиту прав и охраняемых законом интересов исключительно к мерам юридической ответственности, представляется методологически некорректным, несмотря на важную роль последних в обеспечении такой защиты. Комплексная защита прав предполагает не только применение мер ответственности, но и задействование широкого спектра иных инструментов, включая организационные и процессуальные нормы, а также различные методы и факторы, направленные на гарантирование эффективной защиты прав и интересов субъектов права [4].

Конкретизация способа защиты прав требует его рассмотрения в контексте целенаправленных действий, предпринимаемых субъектом защиты для реализации своих интересов. Наиболее релевантным представляется определение способа защиты как конкретного действия или совокупности действий, направленных на достижение поставленных целей. Данное определение соответствует этимологическому содержанию термина «способ», подразумевающему конкретный метод или систему методов для достижения определенного результата.

Для адекватного понимания механизмов защиты прав потребителей финансовых услуг необходимо в первую очередь определить целевые ориентиры такой защиты. К числу основополагающих целей относятся: устранение факторов, препятствующих реализации прав и охраняемых законом интересов; восстановление нарушенного правового положения; возмещение понесенного ущерба в полном объеме или адекватная компенсация; а также предотвращение и пресечение потенциальных нарушений в будущем. Предупреждение подразумевает устранение угроз нарушения прав, пресечение — прекращение текущего нарушения, восстановление — возвращение к первоначальному состоянию до нарушения, а компенсация — возмещение вреда (убытков, неустойки, морального вреда) [5].

Обеспечение всесторонней защиты прав потребителей финансовых услуг предполагает создание благоприятных условий для их эффективной реализации. Это обуслови-

вает необходимость формирования надлежащей нормативно-правовой базы, организационной структуры и экономических механизмов функционирования финансового рынка, учитывающих интересы потребителей, а также принципы его устойчивого развития и защиты прав всех субъектов. Кроме того, важным является установление стандартов добросовестного поведения участников рынка, определение границ их свободы действий, а также разработка критериев для оценки правомерности и неправомерности их действий, что в совокупности направлено на устранение препятствий для реализации прав потребителей.

Способы защиты прав и охраняемых законом интересов потребителей финансовых услуг представляют собой совокупность действий, предпринимаемых субъектами права с целью создания благоприятных условий для реализации указанных прав и интересов, предотвращения и пресечения их нарушений, восстановления нарушенных прав и компенсации причиненного ущерба.

В современном обществе потребители финансовых услуг сталкиваются с различными ситуациями, когда их права могут быть нарушены. Для обеспечения защиты этих прав существует законодательная база, которая регулирует досудебную защиту прав потребителей. Эта база включает в себя набор законов и нормативных актов, определяющих права и обязанности как потребителей финансовых услуг, так и представителей этих услуг. В данном контексте, законы о защите прав потребителей, о банках и банковской деятельности, а также о кредитных историях играют важную роль в обеспечении законности и справедливости в сфере финансового обслуживания. Дополнительно, подзаконные акты могут дополнять и разъяснять процедуры защиты прав потребителей, создавая необходимую базу для досудебного урегулирования споров и рассмотрения дел в судебном порядке.

На сегодняшний день законодательная база может включать в себя следующие законы и нормативные акты:

1. Закон «О защите прав потребителей» [6];
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [7], Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [8];
3. Федеральный закон Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» [9];
4. Федеральный закон «О кредитных историях» [10];
5. Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении операций с ценными бумагами и инвестиционными фондами» [11], а также иные нормативно-правовые акты.

Закон «О защите прав потребителей» как системообразующий закон в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг.

В России основой правового регулирования защиты прав потребителей является Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей». Рассмотрим его основные сильные и слабые стороны в отношении защиты прав потребителей финансовых услуг.

Право на информацию. В законе 5 статья посвящена праву потребителя на информацию. Согласно статье 8 за-

кона, потребитель имеет право на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах), Статья 9 уточняет, какую минимально-необходимую информации должен раскрыть изготовитель (исполнитель, продавец) о себе, статья 10 — о товарах (работах, услугах). Статья 36 обязывает исполнителя предоставлять потребителю информацию об обстоятельствах, которые могут оказать влияние на качество оказываемой услуги или повлечь за собой невозможность ее завершения в срок. Ответственность изготовителя (исполнителя, продавца) за ненадлежащую информацию о товаре (работе, услуге) установлена в статье.

Права на информацию и возмещение ущерба, как ключевые аспекты защиты прав потребителей, подробно регламентируются в специализированном законодательстве и подзаконных актах, регулирующих различные виды финансовых услуг. В контексте международной практики наиболее эффективным механизмом реализации права потребителей финансовых услуг на информацию зарекомендовала себя практика раскрытия информации до заключения договора. Данный подход предполагает предоставление потенциальным клиентам исчерпывающей информации о поставщике финансовых услуг, а также о самой услуге, включая подробное описание ее стоимости, возможных изменений стоимости в зависимости от различных условий, рисков, связанных с ее получением, а также проведение независимого предконтрактного консультирования, учитывающего финансовые возможности и потребности каждого конкретного человека.

Право на безопасность, гарантированное статьей 7 соответствующего закона, обеспечивает защиту здоровья, жизни и имущества потребителя при использовании товаров (работ, услуг). В отношении товаров и услуг обеспечение безопасности реализуется посредством процедур сертификации, установления стандартов качества, а также регламентации норм и порядка предоставления конкретных товаров и услуг. В отношении финансовых услуг безопасность обеспечивается путем закрепления в законодательстве, регулирующем конкретные виды финансовых услуг, основополагающих принципов их предоставления, стандартных и обязательных условий договоров на оказание финансовых услуг, а также перечня условий, недопустимых для включения в договоры оказания услуг.

Право на выбор. Статья 16 Закона «Недействительность условий договора, ущемляющих права потребителя» утверждает существование права потребителя на «свободный выбор» товаров (работ, услуг). Несмотря на то, что в этой же статье закреплен запрет «обуславливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг)», в российской практике по-прежнему нередко попытки пакетирования финансовых услуг.

Право на возмещение ущерба. Это право детально закреплено в законе «О защите прав потребителей». В первой главе законодательного акта, посвящённой общим положениям, право потребителя на возмещение

ущерба подробно регламентируется в статьях 12–17. Указанные статьи определяют обязанность возмещения ущерба в полном объёме в следующих случаях: предоставление ненадлежащей информации о товаре (работе, услуге); наличие недостатков у товара (работы, услуги); включение в договор условий, признанных недействительными и ущемляющими права потребителя; причинение морального вреда потребителю в результате нарушения его прав; а также гарантируется право потребителя на судебную защиту. Вопросы возмещения ущерба также рассматриваются в главе III, посвященной защите прав потребителей при выполнении работ (оказании услуг), где особое внимание уделяется случаям несоблюдения сроков оказания услуг, а также праву потребителя на расторжение договора об оказании услуг (выполнении работ).

Право на потребительское образование как неотъемлемый элемент защиты прав потребителей закреплено в статье 3 соответствующего законодательного акта. Данная статья не только констатирует наличие указанного права, но и определяет конкретные механизмы его реализации, предусматривающие включение соответствующих требований в государственные образовательные стандарты и образовательные программы различного уровня.

Право быть услышанным. Право быть услышанным означает право на свободу слова, убеждения и их выражение. Это право установлено не только для потребителей, а для каждого человека, и потому закреплено в статье 19 Всеобщей декларации прав человека [12] и статье 29 Конституции РФ [13].

Право на здоровую окружающую среду.

Это право закреплено в Конституции РФ [13] (ст. 42 — каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением).

Право на удовлетворение базовых потребностей, согласно определению Всемирной организации потребителей, подразумевает обеспечение доступа к ключевым, жизненно важным товарам и услугам. К ним относятся: адекватное питание, одежда, жильё, здравоохранение, образование, жилищно-коммунальные услуги, водоснабжение и канализация. Реализация этого права потребителей обеспечивается посредством обширного комплекса нормативно-правовых актов, регулирующих предоставление вышеуказанных базовых товаров и услуг.

В ГК РФ положения о досудебном порядке обычно касаются регулирования обязательственных отношений, а не конкретных финансовых услуг. ГК РФ регулирует вопросы досудебной защиты прав потребителей финансовых услуг в главе 59 «Обязательства, основанные на потребительском кредите и прочих финансовых услугах». В этой главе прописаны права и обязанности потребителей и исполнителей финансовых услуг, порядок исполнения обязательств по потребительскому кредиту и прочим финансовым услугам, а также правила возмещения вреда, причиненного потребителям в результате ненадлежащего исполнения условий договоров о потре-

бительском кредите и финансовых услугах. ГК РФ регулирует общие положения судебного порядка.

ГПК РФ регулирует процедуры рассмотрения споров между потребителями и исполнителями финансовых услуг в главе 25 «Рассмотрение гражданских дел об обязательствах». В соответствии со ст. 47 ГПК РФ потребитель вправе требовать в суде привлечь к участию в деле органы государственной власти для дачи заключения по делу или самостоятельно обратиться в Роспотребнадзор с соответствующим заявлением.

Также потребитель финансовых услуг может подавать иск непосредственно в суд по защите своих прав, минуя финансового уполномоченного, по требованиям, указанным в п. 8, ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ, но, если они превышают 500 тысяч рублей.

В соответствии с ГПК РФ, заявление от финансовой организации необходимо подавать в районный суд или вышестоящий суд, в зависимости от суммы иска. Если исковая сумма не превышает 100 тысяч рублей по делам, связанным с защитой прав потребителей, то необходимо обратиться к мировой судье.

Закон Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» касается всех аспектов работы банков и других кредитных организаций в России. Этот закон устанавливает основные принципы работы банковского сектора, регулирует взаимоотношения между банками, клиентами и государством.

Что касается досудебной защиты прав потребителей финансовых услуг, Закон «О банках и банковской деятельности» содержит ряд статей, которые касаются этого вопроса. Например, статья 31 определяет права и обязанности банков и их клиентов, включая защиту прав потребителей. Статья 32 говорит о том, что банки обязаны предоставлять своим клиентам полную и достоверную информацию о предоставляемых услугах и продуктах, а также обеспечивать защиту их прав и интересов.

Кроме того, Закон «О банках и банковской деятельности» предусматривает создание специальных органов для защиты прав потребителей, таких как Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ) и Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). Эти органы имеют право проводить проверки банков на предмет соблюдения законодательства о защите прав потребителей, а также применять меры воздействия к банкам, нарушающим это законодательство.

Федеральный закон «О кредитных историях» регулирует процесс формирования, обработки, хранения и предоставления кредитных историй. Он устанавливает требования к организациям, занимающимся сбором и обработкой кредитных историй, а также к субъектам кредитных историй — физическим и юридическим лицам.

Досудебная защита прав потребителей финансовых услуг является одним из основных направлений деятельности Федерального закона «О кредитных историях». Закон предусматривает возможность обращения потребителей в суд в случае нарушения их прав, связанных с предоставлением кредитных историй или использованием их информации.

Также закон устанавливает ответственность за нарушение прав потребителей финансовых услуг. В частности, за нарушение правил обработки и использования кредитных историй предусмотрены штрафы и иные санкции.

Таким образом, Федеральный закон «О кредитных историях» играет важную роль в обеспечении защиты прав потребителей финансовых услуг в сфере кредитования.

Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц на финансовом рынке» устанавливает основные принципы деятельности финансовых организаций и определяет права и обязанности их клиентов.

Одним из ключевых положений этого закона является установление досудебного порядка разрешения споров между финансовыми организациями и их клиентами. Это означает, что перед тем, как обратиться в суд, клиент должен попытаться урегулировать спор с финансовой организацией через переговоры или обращение к независимым арбитрам.

Закон также предусматривает создание системы защиты прав потребителей финансовых услуг, включая создание специализированных органов, осуществляющих контроль за соблюдением прав потребителей и применение мер воздействия к нарушителям законодательства.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодательная база досудебной защиты прав потребителей финансовых услуг включает в себя ряд федеральных законов и подзаконных актов, которые регулируют взаимоотношения между потребителями и финансовыми организациями. Эти законы устанавливают права и обязанности сторон, предусматривают меры по защите прав потребителей и устанавливают ответственность за их нарушение.

Важную роль в этой системе играют органы государственного контроля, такие как Центральный банк Российской Федерации и Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, которые осуществляют контроль за соблюдением законодательства и применяют меры воздействия к нарушителям.

Законодательная база досудебной защиты прав потребителей постоянно развивается и совершенствуется, учитывая изменения в экономической ситуации и появление новых видов финансовых услуг. Это позволяет обеспечить более эффективную защиту прав и интересов потребителей на финансовом рынке.

Литература:

1. Морозов С. А., Богдан В. В. Защита гражданских прав в современной России // Евразийский научный журнал. 2015. № 8. С. 99.

2. Мельник С. В. Основные подходы к определению формы защиты права в отечественной цивилистической доктрине // Актуальные вопросы науки и практики: Сб. науч. статей. Орел, 2010. С. 125
3. Привалова И. В. Понятие и содержание института защиты прав человека: некоторые теоретические и прикладные проблемы // Вестник Тамбовского университета. 2010. С. 234.
4. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 464 с.
5. Латыпов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 2022. С. 23–24.
6. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 09.04.1992, № 15, ст. 766.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; 2023. — № 31 (ч. III). — Ст. 5773.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2023. — № 26. — Ст. 4687.
9. Закон Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1990 г. — № 27.
10. Федеральный закон от 30.12.2004 N 218-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О кредитных историях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.01.2024) // Российская газета от 13.01.2005 г., № 2.
11. Федеральный закон от 05.03.1999 N 46-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации от 08.03. 1999 г., № 10 ст. 1163.
12. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 1. — Ст. 1416.

К вопросу о правовой природе потребительского экстремизма

Орлов Антон Денисович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется категория потребительского экстремизма, получившая широкое распространение в научной литературе и правоприменительной практике. Автор отмечает, что в настоящее время законодатель не сформировал единого подхода к определению потребительского экстремизма. Проведен сравнительный анализ злоупотребления правом и потребительского экстремизма, дано предложение по модернизации действующего законодательства.

Ключевые слова: потребительский экстремизм, злоупотребление правом, права потребителей, баланс интересов сторон.

On the issue of the legal nature of consumer extremism

The article analyzes the category of consumer extremism, which has become widespread in the scientific literature and law enforcement practice. The author notes that currently the legislator has not formed a unified approach to the definition of consumer extremism. A comparative analysis of abuse of law and consumer extremism has been conducted, and a proposal has been made to modernize current legislation.

Keywords: consumer extremism, abuse of law, consumer rights, balance of interests of the parties.

Одной из правовых презумпций законодательства о защите прав потребителей является положение о том, что в правоотношениях между продавцом и потребителем, именно потребитель является слабой и более уязвимой стороной.

Потребитель имеет меньшее экономическое и информационное преимущество в сравнении с продавцом товаров или услуг, которые являются профессиональными участниками рынка. Потребитель уязвим перед маркетинговыми и рекламными приемами продавцов, которые

могут ввести в заблуждение или обмануть потребителя, а впоследствии продать ему ненужный или низкокачественный товар или услугу.

При этом, представляется, нарушается баланс интересов сторон. Поскольку в некоторых случаях, потребитель также может злоупотреблять своими правами. Данное явление именуется как потребительский экстремизм.

Потребительский экстремизм — не новое понятие, однако в последнее время вопрос о потребительском экстремизме зачастую поднимается в научных работах различных авторов, что связано с неизменно возрастающим количеством споров о защите прав потребителей. Случается, что требования потребителя являются необоснованными и нацелены лишь на извлечение прибыли.

Наиболее распространенным является мнение о том, что данная категория выступает в качестве одной из форм злоупотребления правом.

Гражданско-правовой принцип недопустимости злоупотребления правом, закрепленный на нормативной уровне в ст. 10 Гражданского Кодекса РФ [1], сущность которого можно выразить в следующих тезисах:

- злоупотребление правом есть заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, хотя добросовестность участников гражданского оборота предполагается;
- признать факт злоупотребления правом может только суд;
- лицо, чьи права были нарушены в результате злоупотребления, вправе требовать возмещения убытков, под которыми понимается как реальный ущерб, так и упущенная выгода.

Злоупотребление правом образует конструкцию виновного правоосуществления, которое может повлечь за собой привлечение к юридической ответственности [2, с. 48].

Злоупотребление потребителем своими правами вызывают, прежде всего, с наделением потребителя огромными преимуществами перед продавцами, а также юридической безграмотностью потребителей. У. Э. Барканова, в качестве предпосылки возникновения потребительского экстремизма, также указывает проблемы в культурных и нравственных ценностях некоторых потребителей, низкий уровень правосознания [3, с. 186].

Проблема здесь заключается в том, что лицо формально не нарушает никакие нормативные акты, однако его воля направлена на извлечение необоснованных преимуществ путем манипулирования различными положениями законодательства [4, с. 119].

А. С. Данилевич помимо толкования потребительского экстремизма определяет также действия потребителя, которые попадают под рассматриваемое понятие, а именно:

- злоупотребление потребителем своим положением на рынке товаров, работ и услуг;
- недобросовестное поведение потребителя;
- умышленные противоправные деяния, которые направлены на неосновательное обогащение за счет средств продавца [5, с. 67].

В научной литературе авторы оценивают рассматриваемое явление резко негативно, отмечая, что такое злоупотребление своими правами вызывает ощущение несправедливости, безнравственности. В ГК РФ закреплён принцип запрета злоупотребления правом, в соответствии с которым исключается безграничная свобода в использовании участниками гражданских правоотношений имеющихся у них прав.

Право всегда имеет определенные границы как по содержанию, так и по способам осуществления предусмотренных им возможностей. Хотя законом установлено, что за злоупотребление правом суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применить иные меры, все же некоторые исследователи видят в таком поведении не только нарушение частноправовых интересов (предпринимателей, в частности), но и публичных, т. к. некоторые проявления «потребительского экстремизма» довольно близки к мошенничеству, а также повсеместная безнаказанность недобросовестного потребителя угрожает экономической безопасности РФ.

Необходимо отметить, что в законодательстве категория потребительского экстремизма не нашла своего отражения. При этом к понятию потребительского экстремизма зачастую обращается судебная практика. Представляется, что такое положение дел требует выработки унифицированного подхода к определению самого потребительского экстремизма, а также отграничению изучаемой категории от более широкого толкования злоупотребления правом.

Традиционно потребительский экстремизм ассоциируется с законодательством о защите прав потребителей, которое ставит потребителей в более выгодное положение, нежели продавцов, что, с одной стороны, необходимо, поскольку продавцы товаров имеют более сильную социальную защищенность, а с другой — потребители могут злоупотреблять своим положением, что иногда и происходит.

С проникновением понятия потребительского экстремизма в юридическое сообщество оно трактуется как злоупотребление правом, тогда как сам по себе термин не несет юридической нагрузки и носит образно-ассоциативную природу, что неприемлемо для юридической науки и практики. При этом, данный термин часто фигурирует в реальных судебных решениях, но это связано с изложением доводов сторон, которые весьма часто его используют ввиду его образного характера. К примеру, в решении Кузнецкого районного суда Кемеровской области от 25 ноября 2016 г. по делу № 2–1437/2016 указано, что исковые требования о защите прав потребителей подлежат частичному удовлетворению. Разберем это дело подробнее: истец К. приобрел у ответчика смартфон, который сломался в течение гарантийного срока. Истец обратился к ответчику с просьбой осуществить ремонт данного смартфона, однако тот этого сделать не смог и предложил заменить смартфон на ана-

логичный, истец от данного предложения отказался и потребовал вернуть деньги, мотивируя это тем, что новый телефон будет иметь другие идентификационные данные (IMEI). Судья признал неправоту ответчика и обязан возместить истцу стоимость смартфона, стоимость дополнительных услуг, которые были приобретены вместе с ним, пени за просрочку исполнения требований о возврате денежных средств за товар, а также понесенные истцом судебные издержки, при этом отказав в компенсации морального вреда. Ответчик аргументировал свою позицию при помощи понятия «потребительский экстремизм», говоря о том, что истец злоупотребляет своими гражданскими правами и хочет извлечь необоснованное преимущество за счет него, поскольку тот, на взгляд ответчика, пользовался смартфоном более полугода и теперь хочет вернуть уплаченную за него сумму в полном объеме [6].

В решении Серпуховского суда Московской области напротив, суд самостоятельно употребил фразу «потребительский экстремизм» в мотивировочной части решения, приведем данное высказывание полностью, поскольку оно содержит в себе множество важных чисто практических юридических моментов: «таким образом, учитывая наличие у истца Билько Т. В., как потребителя, презумпции добросовестности при рассмотрении споров, возникающих из правоотношений, регулируемых специальной нормой гражданского права — Законом РФ «О защите прав потребителей», при отсутствии признаков злоупотребления правом со стороны истца — так называемого «потребительского экстремизма» (доказательств обратного не представлено), суд считает возможным признать законным отказ истца от исполнения указанного договора и взыскать с ответчика 65 000 рублей в пользу истца в качестве возмещения расходов, понесенных для восстановления нарушенного права».

Анализ этого решения позволяет выделить следующее:

- презумпция добросовестности потребителя действует на практике, в связи с чем, продавец должен предоставить доказательства обратного (бремя доказывания недобросовестности полностью находится на продавце);

- злоупотребление потребителем своими правами может расцениваться как «потребительский экстремизм».

Анализ приведенных судебных решений позволяет нам сделать вывод о том, что, при рассмотрении судом дел, связанных с потребительским экстремизмом, внимание следует уделять на следующие факты: — имеет ли потребитель законное право на удовлетворение заявленных требований; — действовал ли потребитель добросовестно, то есть приобретал ли он товар (услугу) с целью его использования без умысла каким-либо образом навредить продавцу, получив за счет него необоснованные преимущества; — способен ли потребитель мотивировать свои претензии; — понес ли продавец убытки; — не нанесет ли удовлетворение требований истца необоснованно высокого ущерба интересам ответчика, тогда как он сам получит большое преимущество (здесь нужно исходить из баланса интересов потребителя и продавца).

Сложность рассмотрения дел, вытекающих из законодательства о защите прав потребителей и связанных с потребительским экстремизмом, заключается в том, что категория злоупотребления правом является оценочной, и оценка осуществляется на основании судебных доказательств, носящих ситуативную природу. Судам необходимо исходить из процессуального принципа равенства сторон, так и из гражданско-правового принципа равенства участников гражданского оборота, ведь с точки зрения юриспруденции, которая базируется на идее формального равенства, важно учитывать тот факт, что как физическое лицо, так и организация, пускай даже самая крупная, равны с точки зрения закона.

Таким образом, потребительский экстремизм существует в правовой реальности российского общества, однако само его понятие не несет юридической нагрузки. В связи с этим предлагаем внести определение в преамбулу ФЗ 2300-1 «О защите прав потребителей» следующей редакции: «Потребительский экстремизм — это злоупотребление правом в отношениях, возникающих между потребителями, изготовителями, продавцами при продаже товаров и услуг».

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Волков, А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: юриспруденция. 2013. № 3. С. 44–50.
3. Барканова, У.Э. — злоупотребление потребителем своими правами может расцениваться как «потребительский экстремизм». Наука. Образование. 2021. № 40. С. 185–189.
4. Нилов, И. Л. Потребительский экстремизм как одна из новых форм злоупотребления гражданскими правами / И. Л. Нилов // Экономика, социология и право. 2017. № 3. С. 119–122.
5. Данилевич, А. С. Потребительский экстремизм // Будущее науки–2019. 2019. Т. 3. С. 65–69.
6. Решение Кузнецкого районного суда города Кузнецк Кемеровской области № 2-1437/2016 2- 1437/2016~М-1419/2016 М-1419/2016 от 25 ноября 2016 г. по делу № 2-1437/2016 // Архив Кузнецкого районного суда города Кузнецк Кемеровской области.

Внешняя оценка деятельности судей непрофессиональными участниками

Охмат Регина Владимировна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В рамках настоящего исследования анализируются социологические опросы оценок граждан, их доверия к правосудию. Мониторинг общественного мнения с применением методов социологической науки является актуальным в связи с положениями Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы, одобренные Советом судей России от 5 декабря 2019 года. Самостоятельным направлением популяризации знаний о судебной системе и деятельности судов является взаимодействие с представителями экспертного сообщества, которые осуществляют мониторинг (опрос) общественного мнения о деятельности судебной системы, а также проводят социологические исследования, направленные на повышение эффективности взаимодействия органов судебной власти и СМИ.

Ключевые слова: оценка, оценка деятельности судов, социологические исследования.

Понимание связей между субъектами общества является неотъемлемой частью информационного пространства. Любой, обладающий критическим мышлением, может констатировать факт необходимости комплексного исследования при вмешательстве в социальные процессы, в результате которого формируется мнение о ценности, уровне или значении. В литературе данный процесс определяется «оценкой».

Оценка деятельности представляет собой процедуру сбора информации, отражающая формальное или неформальное отношение к определенному явлению. Деятельность судебной системы не является исключением и аналогичным образом подвержена оценочным суждениям со стороны непрофессиональных участников судебной системы. В связи с этим в докладе Председателя Верховного Суда Российской Федерации на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 3 декабря 2024 года говорится о значительном росте гражданских дел за 9 месяцев 2024 года, количество которых составило 23 миллиона дел. Эти показатели констатируют факт желания разрешить спор, а не об удовлетворенности деятельностью определенных силовых структур [3].

Выявленные результаты оценки имеют практическую значимость, которая в дальнейшем может способствовать выявлению проблем, разработке стратегий по совершенствованию судебной системы, обеспечению подотчетности и доступности правосудия, укреплению верховенства и защиты прав граждан [5]. Исходя из этого, оценка профессиональной деятельности судей обеспечит значительный уровень судебной защиты прав человека. Однако это становится невозможным, если заинтересованные стороны и общество в целом не могут сформулировать собственное мнение о деятельности судов и судей. И если такие методы как статистический анализ данных, а также анализ документов прочно утвердились в юридической науке, то результаты социологических опросов мнений для многих остаются просто данными, которые не всегда получают должную оценку [2].

Такой феномен можно объяснить субъективностью процентного соотношения формулировок часто встречающихся в бланках опросов: «В какой мере, на Ваш взгляд,

заслуживает доверия...?», «Как вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей — положительно или отрицательно?», «Как вы считаете, сегодня российские суды работают лучше или хуже, чем несколько лет назад?».

Корреляционная зависимость социальных ожиданий к судам и полноты информации, получаемой о суде из информационно-телекоммуникационных инфраструктур, является объектом исследования экспертных сообществ, осуществляющие опросы населения современной России. Одними из многочисленных организаций, которые имеют широкое распространение, можно отнести: Фонд «Общественное мнение», «Левада-Центр», Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ), др. Тем не менее, изучив базу данных сообществ за 5 лет, можно сделать вывод, что социологические показатели деятельности судебных органов характеризуются эпизодичностью, несистемностью, немногочисленностью [4].

На основе серий изданий «Левада-Центр», в которых представлены основные результаты социальных исследований «Общественное мнение», проводимых на основе массовых опросов, можно составить целостную — довольно сложную, иногда противоречивую — картину состояния общественного мнения в России на протяжении последних 3 лет.

Опрос осуществлялся по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1615 (1600) человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах Российской Федерации. Так в свете последних событий 2022 года респонденты ответили на вопрос «Бойтесь ли вы произвола властей, беззакония?» составило: 40 % чел. совершенно не боятся, 21 % — иногда, иногда нет, 37 % — испытывают постоянный страх. В общей оценке институтов отдельным графиком анализируется индекс доверия к суду, который варьируется от 115 до 140 за август 2022 г. Для определения заинтересованности граждан о резонансных делах был выбран приговор А. Навального. В свою очередь для конкретизации показателей вопрос был сформулирован следующим образом: «Знаете ли вы о том, что суд отправил

Алексея Навального в колонию на два с половиной года?». Относительно этого было выявлено, что 61 % респондентов из 1600 чел. что-то слышали об этом, 21 % — внимательно следили за тем, как развивались события [1].

В юбилейном выпуске ежегодника за 2023 г. были подвигнуты исследованию другие показатели тенденций общественных оценок, где представлениями о главных проблемах 9 % является невозможность добиться правды в суде. Процент доверия к суду же в сравнении с 2022 г. снизился с 80 % до 75 %, где 41 % считают, что вполне заслуживает, 26 % не вполне заслуживает, 15 % совсем не заслуживает. Также участники опроса определили роль судебных органов в жизни России, где ранжирование осуществлялось по пятибалльной шкале, где 8 % интервьюеров ответили, что практически никакой — это 1 и 2 места, 23 % — 3 и 4 места, 28 % — очень большую. В динамике с 2019 по 2023 г. средний балл не превышает 3 баллов: в 2019—3,28, в 2020 г. — 3,31, в 2023 г. — 3,62. Осведомленность о судебных делах остается на прежнем уровне. Несмотря на усилия по повышению доступности информации о деятельности судов, значительная часть населения по-прежнему плохо осведомлена о текущих судебных процессах, их исходах и влиянии на общество [1].

Сравнительные показатели за предыдущий год и за январь 2025 г. являются аналогичными, лишь разнятся

в критерии невозможности добиться правды в суде — 7 % [1]. В остальном же процентные соотношения остались на прежнем уровне. Таким образом, можно сделать вывод о дефиците информации об оценке деятельности судей. Поскольку в современных исследованиях поднимаются совершенно новые вопросы, отличающиеся от тем, рассмотренных в более ранних исследованиях (2009 г.), это затрудняет возможность объективного анализа динамики и изменений в исследуемых проблемах, а также сопоставление данных опросов, проведенных различными организациями. В связи с этим существует потребность в детализации требований и разработке методов для их решения. Например, после вопроса о доверии к суду можно конкретизировать диапазон ответов о причинах недоверия или доверия. Целесообразно добавить вопросы, касающиеся степени правовой грамотности респондентов, участия респондентов в судебных заседаниях, пользование услугами профессиональных юристов, др.

В заключение следует подчеркнуть, что в связи с отсутствием комплексных исследований по оценке деятельности судов России в последние три года, требуется не только анализ уровня доверия граждан к судебной системе, но и более широкий обзор вопросов, касающихся реальных социальных практик взаимодействия граждан с судами.

Литература:

1. Аналитический центр Юрия Левады «Левада-Центр». URL: <https://www.levada.ru>.
2. Гуторова А. Н. Конституционно-правовое обеспечение народного доверия к судебной власти // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 4–18. URL: <https://cyberleninka.ru>.
3. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Поддосовой на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru>.
4. Макарова А. В. Социологические исследования как инструмент изучения общественного мнения об эффективности работы судов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 309–313. URL: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-309-313>.
5. Напольских И. М. Доверие к судебной власти в российской правовой культуре / Российский судья. 2024. № 5. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС Консультант-Плюс.

Проблемы применения обеспечительных мер в арбитражном процессе в Российской Федерации

Парневова Валерия Антоновна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье автор исследует проблемы применения обеспечительных мер в арбитражном процессе Российской Федерации и их решение.

Ключевые слова: некачественный товар, гарантийный срок, Президиум ВС РФ, Постановление Правительства РФ, исполнение договора купли-продажи, проведение экспертизы.

Одним из наиболее важных актов, который достаточно полно регламентирует основополагающие нюансы применения обеспечительных мер, следует считать Постанов-

ление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [4].

Указанное Постановление Пленума ВС РФ нацелено на формирование и закрепление быстрого и эффективного механизма предотвращения нарушений и восстановления нарушенных прав сторон арбитражного процесса, с учетом примирительного подхода, чтобы обеспечить защиту заявителя от возможного материального или нематериального ущерба.

Целью института обеспечительных мер является защита заявителя от потенциального ущерба, который может быть как материальным, так и нематериальным. И. В. Решетникова считает, что «основная цель обеспечительных мер — гарантировать исполнение будущего судебного акта» [6]. М. К. Треушников также придерживается этой точки зрения, но добавляет, что «обеспечительные меры служат для защиты прав предпринимателей» [1, с. 217].

Существует сложность в определении оснований для подачи заявления о принятии обеспечительных мер. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении по делу № 305-ЭС17-18862 отметила следующее: «При вынесении судебных актов по настоящему делу суды не мотивировали свои выводы в части оснований применения обеспечительных мер» [3]. Кроме того, Верховный Суд РФ подчёркивает, что, «не нужно предоставлять исчерпывающие доказательства, важно лишь подтвердить, что у заявителя есть оспоренное или нарушенное право в данном споре».

Ещё одну немаловажную проблему составляет **вопрос соразмерности заявленного требования об обеспечении предмета спора.** Не является секретом то, что одним из наиболее часто заявляемых сторонами арбитражного спора видов обеспечительных мер является наложение ареста на денежные средства или иное имущество должника [2, с. 79–82]. Арбитражные суды же достаточно часто отказывают в применении подобной обеспечительной меры, руководствуясь п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» который гласит, что «арест на денежные средства, принадлежащие должнику, налагается не на его счета в кредитных учреждениях, а на имеющиеся на счетах средства в пределах суммы имущественных требований».

Литература:

1. Арбитражный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. / Под ред. М. К. Треушникова, 2021;
2. Моисеева Ю. А. Обеспечительные меры арбитражного суда: необходимость обоснования заявления о применении обеспечительных мер // Таврический научный обозреватель. 2016. № 10–2;
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 г. № 305-ЭС17-18862 по делу А41-20656/2017 г. // СПС «Консультант Плюс»
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // «Российская газета», № 123, 07.06.2023.
5. Постановления Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11 (ред. от 17.11.2015) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // «Вестник ВАС РФ», № 2, 2003.

Свое закрепление приведенная позиция получила в п. 17 Постановления Пленума ВС РФ от 01.06.2023 г. № 15, в котором Верховный Суд прямо указывает на то, что «удовлетворение заявления о применении обеспечительных мер возможно исключительно при наличии непосредственной связи испрашиваемой меры с предметом заявленного требования» [5]. При отсутствии таковой, арбитражному суду необходимо отказать в удовлетворении соответствующего заявления.

Верховный Суд указывает, что для арбитражных судов недопустимо требовать от заявителя доказательств в объеме, «необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора». Отдельно подчеркивается, что удовлетворение требований о применении обеспечительных мер должно быть осуществлено судами при наличии в соответствующем заявлении истца достаточных обоснований вероятности появления для него негативных последствий в будущем. Под такого рода негативными для заявителя последствиями Верховный Суд РФ подразумевает именно рассмотренные выше основания применения обеспечительных мер: невозможность исполнения судебного решения и возможность причинения ему значительного ущерба.

Представляется, что такие уточнения, сделанные Верховным Судом в своем Постановлении Пленума, позитивным образом должны сказаться на судебной практике, поскольку, по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, за полный 2023 год в арбитражных судах первой инстанции были рассмотрены 36 794 заявления о применении обеспечительных мер. Однако только 11 346 из них были признаны судами обоснованными. Это означает, что согласно официальной судебной статистике, около 30 % заявлений о применении обеспечительных мер удовлетворяются арбитражными судами. Исходя из анализа судебной практики, подавляющее большинство заявлений о применении обеспечительных мер отклоняются судами по причине недостаточной доказанности оснований их применения [7].

Следовательно, основания и цели обеспечительных мер направлены на одно — повысить эффективность исполнения решений судов, и, как следствие, обеспечить защиту законных прав и интересов заявителей.

6. Практика применения арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (5-е издание, переработанное и дополненное) / Отв. ред. И. В. Решетникова, Юрайт, 2018.
7. Рассмотрение заявлений о применении обеспечительных мер / Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 12 месяцев 2023 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ, URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8687>

Алиментные обязательства: понятие, виды и особенности

Платонов Антон Игоревич, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье рассмотрено понятие алиментных обязательств, их виды и особенности.

Ключевые слова: алиментные обязательства, виды обязательств, особенности алиментных обязательств.

Алиментные обязательства — важная составляющая семейного права, которая обеспечивает финансовую помощь тем, кто в ней нуждается. Эти обязательства возникают в рамках семейных отношений и помогают материально поддерживать членов семьи, которые не могут сами себя содержать.

В семейном законодательстве четко определены основные характеристики алиментных обязательств. Чтобы разобраться в их сути, нужно сначала понять, что такое алименты и обязательства в контексте семейного права.

Как уже говорилось ранее, алименты — это обязательные денежные выплаты от одного члена семьи другому, более нуждающемуся. Эти выплаты регулируются семейным законодательством и направлены на обеспечение нормального уровня жизни тех, кто не может сам себя содержать.

Получить алименты могут:

- несовершеннолетние дети;
- бывшие супруги;
- родители;
- другие члены семьи, нуждающиеся в материальной помощи.

Семейные обязательства — это комплекс прав и обязанностей, которые закреплены в законе для членов семьи. Они регулируют взаимоотношения между родственниками и определяют их взаимную ответственность.

В сферу семейных обязательств входят:

- материальные вопросы (выплата алиментов, распределение имущества);
- нематериальные аспекты (уход за детьми, помощь пожилым родителям).

Главная задача таких обязательств — обеспечить достойный уровень жизни и безопасность каждого члена семьи.

В семейном праве алименты и обязательства тесно связаны с защитой интересов уязвимых членов семьи. Этот правовой механизм контролирует как денежные, так и нравственные аспекты семейных отношений, помогая сохранить мир в семье и гарантировать права всем ее членам.

Алименты выступают практическим воплощением семейных обязательств, определяющих материальную поддержку внутри семьи. Вместе они создают правовой и этический фундамент для справедливого распределения интересов домочадцев в случае семейных проблем или перемен [6].

По своей сути алиментные обязательства означают, что один человек по закону должен содержать другого, следуя правилам и условиям, прописанным в законодательстве.

В соответствии с законодательством, алиментные обязательства представляют собой правовую обязанность одного человека обеспечивать материальное содержание другого лица. Такая поддержка может предоставляться как в денежной форме, так и в виде материальных благ или услуг.

Наиболее часто подобные обязательства возникают в следующих случаях:

- между родителями и их детьми;
- между супругами в период брака;
- между бывшими супругами;
- между другими членами семьи (братья, сестры, бабушки, дедушки).

Важно отметить, что такие обязательства могут возникать как на основе добровольного соглашения сторон, так и в принудительном порядке через суд. При этом форма и порядок предоставления содержания зависят от конкретных семейных правоотношений между участниками.

Главная задача алиментных выплат — обеспечить человеку достойную жизнь, чтобы он мог нормально питаться, иметь жилье, одежду, получать медицинскую помощь и образование.

Ученые по-разному трактуют алиментные обязательства как социальное явление и правовую категорию. Давайте разберем, какие существуют подходы к пониманию их сущности.

Ю. А. Петров считает, что «алиментные обязательства — это законное право родственников на получение социальной поддержки. По его мнению, главное в таких обязательствах — это защита тех членов семьи, которые особенно нуждаются в помощи» [10].

Г. К. Матвеев подчеркивает важность алиментных обязательств для защиты детей. Он рассматривает их как «систему мер по обеспечению материального благополучия детей, чьи родители отказываются выполнять свои обязанности». При этом автор отмечает, что «государство играет ключевую роль в контроле за исполнением этих обязательств» [7].

О. А. Иванов рассматривает «алиментные обязательства как сложную структуру, состоящую из трех основных элементов: субъектов, объекта и содержания. По его мнению, такие обязательства могут возникать как по добровольному согласию сторон, так и в принудительном порядке — в зависимости от ситуации» [3].

Н. А. Горбунов обращает внимание на «обязательные признаки алиментных обязательств: их непреложный характер и обязательность для всех». Он считает их важным «правовым механизмом, который помогает сохранить благополучие семьи в сложных ситуациях, например при семейных конфликтах или разводе» [1].

А. П. Кузнецов обращает внимание на «практические аспекты алиментных обязательств». Он отмечает, что «через суд их взыскать непросто и для успешного исполнения нужно следить за изменениями в законодательстве» [4].

По мнению И. В. Семеновой, «успех алиментных обязательств зависит от двух факторов: правового сознания людей и качества правоприменения» [12]. Она подчеркивает важность просветительской работы с населением.

Е. М. Сафонов видит в алиментных обязательствах «результат развития семейного права». По его мнению, «они помогают формировать правовую культуру и укреплять принципы справедливости и взаимопомощи в обществе» [11].

Т. В. Демидова говорит «о влиянии международных стандартов на национальное законодательство об алиментах». Она считает «важным приводить правовые механизмы в соответствие с глобальными изменениями и процессами интеграции» [2].

К. И. Смирнов рассматривает, как «экономика влияет на алиментные обязательства». Он отмечает «несоответствие между потребностями получателей и возможностями плательщиков, поэтому нужны гибкие механизмы защиты интересов обеих сторон» [14].

И. П. Кузнецов считает «алиментные обязательства не просто юридическим инструментом, а элементом социальной политики. Они помогают найти баланс в семейных отношениях и снизить социальное напряжение» [5].

Исследования разных авторов помогли сформировать полное представление об алиментных обязательствах, их сути и значении в современном праве.

Итак, алиментные обязательства являются ключевым компонентом социально-правовой защиты, обеспечивающим материальную поддержку тем, кто в ней нуждается. Их исполнение регулируется множеством правовых норм, гарантирующих справедливое и полное осуществление обязательств.

Основные характеристики алиментных обязательств включают ряд признаков, которые помогают их идентифицировать и регулировать в правовой системе. Каждый из этих признаков раскрывает особенности алиментных отношений и способствует их практическому применению.

По мнению Е. С. Михайловой, «к основным признакам алиментных обязательств относятся:

- личная природа обязательств (невозможность передачи третьим лицам или замены денежного содержания натуральным);

- регулярность выплат (ежемесячный характер платежей);

- возможность принудительного взыскания через суд;

- целевое назначение (поддержка лиц, не имеющих возможности самостоятельно обеспечить себя)» [8].

И. А. Несмеянова подчеркивает, что «алиментные обязательства строго регламентированы законом [9] и закреплены в Семейном кодексе Российской Федерации» [15]. В частности, статья 80 СК РФ обязывает родителей обеспечивать своих несовершеннолетних детей, а статья 89 СК РФ устанавливает взаимную обязанность супругов по материальной поддержке друг друга, которая сохраняется и после развода.

Е. В. Сидоров выделяет «три главных аспекта алиментных обязательств:

1. Обязательность исполнения (при неисполнении добровольно — через принуждение).

2. Личная привязка (невозможность передачи третьим лицам).

3. Гибкость условий (возможность изменения размера и условий выплат при смене жизненных обстоятельств сторон)» [13].

На основе анализа норм семейного права выделены следующие признаки алиментных обязательств:

1. Социальная значимость: невозможность возврата уже выплаченных алиментов, защита уязвимых категорий граждан, государственная поддержка получателей.

2. Особые основания возникновения: родственные связи, брак, фактическое воспитание, судебное решение, добровольное соглашение.

3. Взаимный характер: взаимосвязь прав и обязанностей сторон, имущественный характер обязательств, стоимостное выражение.

4. Диспозитивность регулирования: возможность заключения соглашения об алиментах, при отсутствии соглашения применяются императивные нормы; свобода выбора формы и размера выплат.

5. Независимость требований: обязанности членов семьи не влияют друг на друга, возможность предъявления отдельных требований, раздельная ответственность плательщиков.

6. Целевой характер: направленность на содержание получателя, компенсация дополнительных расходов, обеспечение достойного уровня жизни.

7. Принудительное исполнение: возможность судебного взыскания, специальные механизмы защиты (индексация, освобождение от налогов), право на обращение в суд в любое время.

8. Регулярность выплат: систематический характер платежей, ежемесячное предоставление содержания, постоянное исполнение обязательств.

9. Личная направленность: невозможность замены получателя, специальный характер обязательств, учет индивидуальных потребностей.

10. Изменение условий: возможность пересмотра размера алиментов, учет изменения материального положения сторон, корректировка обязательств при появлении новых обстоятельств.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что в рамках семейного законодательства РФ существует установленная законом необходимость для одного человека

финансово поддерживать другого члена семьи, который по объективным причинам не может обеспечить себя самостоятельно.

Ключевые характеристики таких обязательств включают:

— строгую личную привязку (невозможность передачи третьим лицам);

— правовую основу (возникновение по закону или договору);

— обязательность выполнения (с применением правовых санкций за неисполнение);

— систематичность выплат (регулярное удовлетворение потребностей получателя).

Таким образом, алиментные обязательства направлены на обеспечение финансовой поддержки нуждающихся членов семьи и имеют четкую правовую регламентацию.

Литература:

1. Горбунов, Н. А. Алиментные обязательства: правовые аспекты и тенденции // Право и экономика. — 2021. — № 3. — С. 58–62.
2. Демидова, Т. В. Регулирование алиментных обязательств в российском праве // Российская юриспруденция. — 2022. — № 2. — С. 45–49.
3. Иванов, А. О. Алименты в семейном законодательстве России // Государство и право. — 2022. — № 6. — С. 120–125.
4. Кузнецов, А. П. Актуальные вопросы правового регулирования систем семейного законодательства // Экономика и право. — 2021. — № 7. — С. 60–64.
5. Кузнецов, И. П. Семейное законодательство РФ: развитие и современные проблемы. — Казань : Центр Юридической Книги, 2023. — 404 с.
6. Литвинова, М. Г. Алименты: правовые основания и практика применения // Современное право. — 2023. — № 3. — С. 33–37.
7. Матвеев, Г. К. Современные проблемы алиментных обязательств в России // Научные труды по праву и экономике. — 2021. — № 2. — С. 90–94.
8. Михайлова, Е. С. Алиментные обязательства: сравнительно-правовой анализ // Международный журнал юридических исследований. — 2020. — № 5. — С. 14–18.
9. Несмеянова, И. А. К вопросу о принципах семейного права // Legal Bulletin. — 2023. — Т. 8, № 1. — С. 32–39.
10. Петров, Ю. А. Семейное право Российской Федерации: учебное пособие. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2020. — 276 с.
11. Сафонов, Е. М. Новеллы в семейном законодательстве: алименты // Законодательная инициатива. — 2022. — № 6. — С. 29–33.
12. Семенова, И. В. Семейные правоотношения и алиментные обязательства // Наука и право. — 2021. — № 3. — С. 46–50.
13. Сидоров, Е. В. Семейное законодательство в России: теория и практика // Научный правовой журнал. — 2022. — № 7. — С. 92–96.
14. Смирнов, К. И. Современные тенденции в правовом регулировании алиментных обязательств // Закон и общество. — 2023. — № 10. — С. 21–25.
15. Семейный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 23 ноября 2024 года) (редакция, действующая с 5 февраля 2025 года) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 1, 01.01.1996, с. 16.

К вопросу о понятии особой жестокости применительно к пункту «д» части 2 статьи 105 УК РФ

Пуцына Елизавета Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Доронин Геннадий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются многообразные подходы к пониманию особой жестокости, выделяются ключевые признаки, характерные для убийства данной категории. Анализируется судебная практика относительно выделения критериев особой жестокости. Обосновывается целесообразность подхода законодателя в отсутствие однозначно сформулированных определения и характеристик особой жестокости.

Ключевые слова: особая жестокость, жестокость, убийство с особой жестокостью.

Обращаясь к раннему периоду истории нашего государства, можно говорить о жестокости нравов людей тех лет. Власть князей основывалась на правлении «сильной руки», использовались радикальные методы управления народом, которые выражались в устрашении населения путем применения за любое непослушание карательных мер. Жестокость власти была по сути легитимна. Повсеместно применялись пытки, истязания, казни, четвертования, практика кровной мести и т. д. [1]. Оглядываясь на прошлое, современный человек может подумать, что пребывает в историческом периоде смягчения нравов и взглядов, что такие дикости и зверства остались в прошлом, что он находится в безопасном и гуманном обществе.

Однако события XX века явили на свет таких личностей как Владимира Ионеску «Мосгаз», Андрея Чикатило, «Балашихинского потрошителя», «Фишера», Александра Спесивцева, «Ангарского маньяка» и т. д. [2]. Совсем недавние события 90-х годов вследствие развала СССР: нестабильность в обществе, снижение уровня жизни населения и отсутствие сильной власти, вернули российское общество как-бы к первобытным временам. Преступления с особой жестокостью, например, пытки и истязания стали распространенными элементами убийств.

Доктор юридических наук, профессор криминалистики А. Кустов отмечает, что в это время преступники, совершая убийство, делали упор на боль и жестокость. Примеры проявления особой жестокости того времени — это применение в истязаниях подручных средств: утюга, паяльника, молотка, пилы, фена, арматур, пилорам, пакетов и т. д.

В настоящее время тема особой жестокости по-прежнему является актуальной. За минувшие годы, свидетельствует автор, преступники существенно «поумнели». Теперь они избивают своих жертв так, чтобы на теле не оставалось синяков. Но гораздо важнее другое — упор делается на психологическое давление. Современные бандитские методы — это изнасилование близких на глазах у жертвы, истязание детей на глазах у родителей и тому подобное. Казалось бы, физической боли у самой жертвы в таких пытках нет, но моральные страдания перекрывают их сполна [3].

Ответственность за такие преступления предусмотрена п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ — убийство, совершенное с особой жестокостью. Важно отметить, что законодателем не раскрыта дефиниция особой жестокости, в силу чего, это понятие становится оценочной категорией и раскрывается через судебный акт. С одной стороны, отсутствие четкого определения привносит некую размытость и неопределенность в квалифицирование деяний такого рода. С другой стороны, таким образом законодатель оставляет за следствием право самостоятельно, в каждой конкретной ситуации, по совокупности признаков определять наличие особой жестокости, а судье, руководствуясь внутренними убеждениями, давать свою собственную оценку деянию, привнося тем самым гибкость в реализации правовых норм.

Обратимся к этимологическому содержанию термина «жестокость». С. И. Ожегов сравнивает жестокость с суровостью, безжалостностью и беспощадностью [4]. В. И. Даль считает, что жестокостью признаются качества, действия, поступки человека, имеющие признаки бесчеловечности, изуверства, свирепости, зверства. Применительно к человеку, чьи черты, характеризуются отсутствием жалости и милосердия [5].

Раскрывая понятия жестокости и особой жестокости в юридической литературе, некоторые авторы придерживаются мнения, что данные понятия идентичны (Андреева Л. А.) [6].

Другие же авторы проводят четкие различия между ними, указывая, что особая жестокость является характеристикой более высокого уровня опасности для общественных отношений (Чечель Г. И.) [7].

Соглашаясь с последней позицией, считаю, что убийство само по себе уже носит признак жестокости, особая же жестокость как квалифицирующий признак отличается чрезмерной, исключительной бесчеловечностью в совершенном деянии. Особая жестокость характеризуется особым цинизмом, зверством, которые причиняют нечеловеческие страдания.

При отсутствии конкретного определения особой жестокости, с целью преодоления пробела в законе и устранения правовых противоречий, толкование указанной нормы устанавливается Постановлением Пленума Вер-

ховного суда от 27.01.1999 N1 «О судебной практике по делам об убийстве».

Так, согласно п. 8 данного Постановления, при квалификации убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит исходить из того, что понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости. При этом, для квалификации убийства данной категории необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью [8]. Даже если у преступника не было намерений на свершения такого рода убийства, но при этом умыслом охватывалось причинение особых мучений и страданий — такое деяние необходимо расценивать, как совершенное с особой жестокостью.

Таким образом, для квалификации деяния, предусмотренного п. д ч. 2 ст. 105 УК РФ [9], перед или в процессе лишения жизни потерпевший должен испытывать особые физические страдания, мучения. Способ убийства, при этом, заведомо для виновного должен быть связан с причинением потерпевшему особых страданий, мучительной боли (нанесением большого количества ударов, телесных повреждений, сожжение заживо, применение мучительного долго действующего яда, длительное лишение пищи, воды и т. д.), совершении убийства в присутствии близких людей потерпевшего, когда виновный осознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания.

Так, в приговоре Хабаровского краевого суда от 22.06.2021 N 2–26/2020 указано, что подсудимой была проявлена особая жестокость в способе лишения жизни своего ребенка. Мать заменила сыну питание на неадаптированное, не оказывала никакой помощи, не осуществляла уход, поила алкоголем, видела и осознавала, что ребенок мучается и страдает без медицинской помощи, но, несмотря на это, ничего не предпринимала, медленно убивая собственного сына [10].

Приговором Омского областного суда от 08.10.2019 N 2–11/2019 установлено, что преступник привязал жертву к дереву проволокой, после чего скрылся с места происшествия, оставив потерпевшего связанным в лесу на морозе, в безлюдном месте, в результате потерпевший скончался от переохлаждения. Пострадавший испытывал сильные физические страдания от неподвижности положения и воздействия холода, а также нравственные мучения, осознавая безысходность и неизбежность смерти. Преступнику был инкриминирован п. д ч. 2 ст. 105 УК РФ [11].

Из приговора Новосибирского областного суда от 06.07.2023 N 2–31/2023 следует, что обвиняемый нанес жертве большое количество колото-резанных ран (не менее 20), при этом суд пришел к выводу, что удары наносились в жизненно важные органы и течение 1–2 минуты, что свидетельствует о направленности умысла на скорейшее причинение смерти, а не на причинение страданий и мучений [12]. Таким образом, даже при наличии

перечисленных в Постановлении обстоятельств, имеющих признак особой жестокости, суд не всегда квалифицирует их таковыми, в некоторых случаях они напротив могут свидетельствовать об отсутствии такого умысла.

Точно так же и в приговоре Верховного суда Башкортостана от 08.07.2021 N 2–18/2021 суд исключил особую жестокость при наличии большого количества нанесенных ударов металлической трубкой по голове, поскольку эти удары были нанесены в короткий промежуток времени, что свидетельствует об умысле добиться скорейшего наступления смерти, а не причинения особых, длительных страданий [13].

Как отмечено в приговорах, множественность ранений, причиненных потерпевшему, не тождественна понятию «особая жестокость». Само по себе причинение множества телесных повреждений при отсутствии других доказательств не может служить основанием для признания убийства, совершенным с особой жестокостью. Необходимо оценивать количество ранений в совокупности со временем, в течение которого они наносились, с моментом формирования умысла, с мотивом убийства и другими обстоятельствами дела.

Несмотря на то, что в Постановлении № 1 есть перечень деяний, содержащих признак особой жестокости, он не является исчерпывающим.

Направленность умысла на совершение преступления с особой жестокостью можно определить через призму таких факторов как выбор оружия (значительно усиливающие силу травматического воздействия), длительность совершения убийства, локализация и характер нанесения повреждений (удары наносятся не в жизненно важные органы, но долгое время, с целью продления мучений перед смертью).

Кроме того, особая жестокость может проявляться в уничижительном отношении к личности потерпевшего, в садизме, в желании причинить боль, страдания и мучения. В ряде случаев виновный преследует цель ввести потерпевшего состояние агонии и страха. Отсюда можно сделать вывод, что важным фактором квалификации такого рода преступлений является субъективная сторона преступления, направленность умысла виновного, его мотивы и причины совершения преступления.

Однако анализ уголовных дел позволил Т. А. Стельмах прийти к выводу, что в 73 % случаев судебные органы не учитывали или не в полном объеме учитывали субъективное отношение виновного к проявлению особой жестокости [14].

Учеными-правоведами также не сформировано единого подхода к пониманию особой жестокости. Многие юристы озадачены тем, что отсутствует четко установленные границы и определение особой жестокости, вследствие чего возникают законодательный пробел, неопределенность и спорные ситуации.

Но, по моему мнению, позиция законодателя сохранить оценочную форму определения особой жестокости явля-

ется верным решением. Особая жестокость — понятие, которому нельзя дать единое для всех случаев определение. Поскольку жизненные ситуации могут быть очень разнообразными, априори невозможно прописать в законе все случаи особой жестокости. Критерии особой жестокости устанавливаются постановлениями Пленумов Верховного Суда. Таким образом, определяется направление, но не сам алгоритм квалификации деяния по данному признаку. В каждом конкретном случае, только по совокупности обстоятельств, таких как место, время, обстановка, возраст, отношения между жертвой и преступником,

умысел, мотив, можно определить квалификацию преступления, совершенного с особой жестокостью. Необходимо обязательное привлечение специалистов в таких областях как психиатрия и психология, необходимо привлечение криминалистов и судебно-медицинских экспертов для установления характера и локализации нанесенных повреждений, определения прижизненного или посмертного нанесения повреждений и т. д. Большое значение имеет проведение аналитической работы и обобщение судебной практики с целью выработки критериев особой жестокости при совершении преступлений.

Литература:

1. Бардеев Константин Андреевич «История применения и запрета пытки в уголовном законодательстве России» // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2 (180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-primeneniya-i-zapreta-pytki-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii> (дата обращения: 08.04.2025).
2. Касс А., Капитонова И. Феномен российских маньяков. — Москва: Эскмо, 2024. — 512 с.
3. Как изменились с 90х годов бандитские способы пыток и сокрытия тел // Lenta.ru URL: <https://lenta.ru/articles/2016/08/09/torture/amp/> (дата обращения: 02.04.2025).
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: Оникс, 2007. — 1393 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — М.: Русский язык, 2005. — 468 с.
6. Андреева Л. А. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность / Л. А. Андреева, П. Ю. Константинов. — СПб., 2002. — 210 с.
7. Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминалистические исследования / Г. И. Чечель. — Ставрополь, 1992. — 155 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве» // Справочная правовая система «Консультант»
9. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) (с изм и доп., вступ. в силу 11.03.2025) // Справочная правовая система «Консультант»
10. Приговор Хабаровского краевого суда от 22.06.2021 по делу № 2–26/2020. — Текст: электронный // sudact.ru: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/10Sk5DPidFa/> (дата обращения 19.03.2025).
11. Приговор Омского областного суда от 08.20.2019 г. по делу № 2–11/2019. — Текст: электронный // sudact.ru: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wjNez6TzH4Ww/> (дата обращения 19.03.2025).
12. Приговор Новосибирского областного суда от 06.07.2023 г. по делу № 2–31/2023. — Текст: электронный // sudact.ru: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qevn5WGtLhYS/> (дата обращения 19.03.2025).
13. Приговор Верховного суда Башкортостана от 08.07.2021 г. по делу № 2–18/2021. — Текст: электронный // sudact.ru: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/o61Q6WqGyZoN/> (дата обращения 19.03.2025).
14. Стельмах, Т. А. Проблемы теории и судебной практики квалификации убийства по признаку особой жестокости // Российский судья. — 2018. — № 10. — С. 17–19.

Уголовно-правовая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Сокол Алина Дмитриевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена уголовно-правовой характеристике преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, предусмотренных главой 18 УК РФ. Рассматриваются понятие и классификация данных преступлений, их объективные и субъективные признаки, а также проблемы правоприменения и квалификации. Особое внимание уделено современным тенденциям в законодательстве и предложениям по его совершенствованию. Анализ проводится с учетом актуальных норм УК РФ, судебной практики и научных исследований.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, половая свобода, преступления, уголовное право, УК РФ, правоприменение, квалификация.

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности представляют угрозу основным правам человека, закрепленным в Конституции Российской Федерации, и требуют эффективной уголовно-правовой защиты. Высокая общественная опасность таких деяний обусловлена их воздействием на физическое и психическое здоровье потерпевших, а также на моральные устои общества. В условиях роста внимания к правам личности и изменения общественных представлений о сексуальной автономии исследование уголовно-правовых аспектов этих преступлений приобретает особую актуальность.

Цель статьи — провести комплексный анализ уголовно-правовой характеристики преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, предусмотренных главой 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [1]. Задачи включают определение понятия и классификации данных преступлений, изучение их составов, выявление проблем правоприменения и разработку предложений по совершенствованию законодательства. Исследование базируется на методах формально-юридического, сравнительно-правового и системного анализа, а также на изучении норм УК РФ, судебной практики и научной литературы.

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, предусмотренные главой 18 УК РФ, посягают на право человека самостоятельно определять свою сексуальную жизнь и защищать личную телесную неприкосновенность. Объектом этих преступлений выступают общественные отношения, обеспечивающие половую свободу (право на добровольные сексуальные контакты) и половую неприкосновенность (право на защиту от сексуального насилия, особенно для несовершеннолетних и лиц, неспособных дать осознанное согласие).

Классификация преступлений по главе 18 УК РФ включает следующие составы [5]:

1. Изнасилование (ст. 131 УК РФ) — половое сношение с применением насилия или угрозы.
2. Насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) — иные действия сексуального характера с применением насилия.
3. Понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) — принуждение без прямого насилия, но с использованием зависимости или шантажа.
4. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет (ст. 134 УК РФ).
5. Развратные действия (ст. 135 УК РФ) — действия, направленные на удовлетворение сексуальных потребностей без насилия.

Половая свобода предполагает добровольное согласие взрослого дееспособного лица, тогда как половая непри-

косновенность защищает тех, кто не может дать такого согласия (несовершеннолетние, лица в беспомощном состоянии). Разграничение этих понятий важно для правильной квалификации деяний.

Объективная сторона преступлений включает общественно опасное деяние, последствия и причинную связь. Для изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) обязательным признаком является применение насилия или угроз, что отличает их от ненасильственных составов (ст. 134, 135 УК РФ). Последствия могут выражаться в физическом или психическом вреде, хотя для формальных составов (например, ст. 135 УК РФ) достаточно самого факта совершения действия. Причинная связь подтверждает, что вред наступил в результате действий виновного.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом: виновный осознает общественную опасность своих действий и желает их совершить. Мотивы, как правило, связаны с удовлетворением сексуальных потребностей, но могут включать корысть или месть (например, при понуждении по ст. 133 УК РФ). Косвенный умысел встречается реже и требует тщательного анализа.

Субъект преступления общий — физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет (для ст. 131, 132 УК РФ) или 18 лет (для ст. 134, 135 УК РФ). Специальный субъект возможен в ст. 133 УК РФ, где виновным выступает лицо, использующее служебное или иное преимущество. Потерпевшим чаще является женщина или несовершеннолетний, хотя мужчины также могут быть жертвами, особенно по ст. 132 УК РФ.

Правоприменение в сфере преступлений против половой неприкосновенности сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, разграничение изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) вызывает споры из-за нечеткости критериев «полового сношения». Судебная практика показывает, что квалификация зависит от конкретных обстоятельств, но единообразие решений не всегда достигается.

Во-вторых, доказывание отсутствия согласия потерпевшего остается проблемой. Жертвы нередко сталкиваются с общественным осуждением, что затрудняет расследование. Например, в делах по ст. 131 УК РФ отсутствие физических следов насилия может быть ошибочно истолковано как наличие согласия, хотя сопротивление не всегда возможно.

В-третьих, общественные стереотипы влияют на восприятие таких преступлений. В делах с несовершеннолетними потерпевшими суды иногда учитывают «провоцирующее поведение» жертвы, что противоречит принципу защиты половой неприкосновенности. Эти проблемы требуют повышения квалификации следователей и судей, а также изменения общественного сознания.

В последние годы УК РФ претерпел изменения, направленные на усиление защиты половой неприкосновенности. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 248-ФЗ ужесточил наказания за преступления против несовершеннолетних, введя дополнительные квалифицирующие признаки [2].

Однако законодательство все еще не в полной мере учитывает концепцию «согласия», которая активно применяется в странах Европы (например, в Швеции, где отсутствие явного согласия квалифицируется как изнасилование).

Зарубежный опыт показывает эффективность комплексного подхода, включающего не только уголовное наказание, но и профилактику (обучение населения, работа с потенциальными жертвами). В России целесообразно ввести более четкие критерии согласия в ст. 131 и 132 УК РФ, чтобы исключить субъективные интерпретации. Также важно расширить программы подготовки следователей по работе с жертвами сексуального насилия, минимизируя их ретравматизацию.

Дополнительно предлагается усилить меры по защите несовершеннолетних в интернете, где участились случаи развратных действий (ст. 135 УК РФ) через социальные сети. Введение обязательной сертификации программного обеспечения для мониторинга таких преступлений могло бы повысить эффективность расследований.

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности представляют собой сложную категорию деяний, требующую сбалансированного уголовно-правового регулирования. Анализ нормы главы 18 УК РФ показывает их высокую социальную значимость, но выявляет и проблемы, связанные с квалификацией и правоприменением. Современные тенденции демонстрируют стремление к усилению защиты потерпевших, однако необходимы дальнейшие шаги: уточнение законодательных формулировок, повышение профессионализма правоохранительных органов и преодоление общественных стереотипов [4]. Эффективная борьба с этими преступлениями укрепляет доверие к правосудию и обеспечивает реализацию конституционных прав личности.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // «СЗ РФ». 1996. № 25. ст. 2954; 2025. № 9. ст. 860.
2. Федеральный закон от 29.07.2017 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // «СЗ РФ». 2017. № 31 (Часть I). ст. 4797.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // «Российская газета». № 284. 12.12.2014.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. М. Лебедева. — М.: Юрайт, 2023. — 1069 с.
5. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. — М.: Юридическая литература, 2004. — 304 с.
6. Иногамова-Хегай Л. В. Уголовное право России. Особенная часть. — М.: Инфра-М, 2022. — 407 с.

Анализ актуальной судебной практики по спорам, возникающим в связи с продажей доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью

Соцков Василий Иванович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье проводится анализ актуальной судебной практики по спорам, возникающим в связи с продажей доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (ООО).

Ключевые слова: ООО, доля в уставном капитале, продажа доли, преимущественное право покупки, нотариальное удостоверение, оспаривание сделки, судебная практика

Продажа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее — ООО) является важной юридической процедурой, которая влечет за собой изменение состава участников общества. Организация процедуры происходит в соответствии со следующими нормативными актами:

1. Гражданским кодексом Российской Федерации.
2. Федеральным законом от 08.02.1992 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».
3. Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

4. Уставом ООО.

Участник общества с ограниченной ответственностью может полностью или частично продать свою оплаченную долю в уставном капитале ООО (пп. 2–4 ст. 93 ГК РФ, пп. 2–4 ст. 21, п. 2 ст. 23 закона № 14-ФЗ):

1. Другим участникам ООО.
2. Третьему лицу (если это не запрещено Уставом ООО).
3. Непосредственно компании (если это не запрещено Уставом ООО).

Право преимущественной покупки доли в ООО имеют другие участники общества и сама компания. Такое право возникает в случае продажи доли третьему лицу. Это значит, что другие участники в очереди на сделку всегда будут впереди третьих лиц. Согласно п. 4 ст. 21 закона № 14-ФЗ, при продаже доли одному из участников общества преимущественное право отсутствует [4].

Стоит отметить, что договор купли-продажи доли в ООО подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Исключениями являются случаи перехода доли к обществу и сделки по распределению долей, принадлежащих обществу, а также ряд обстоятельств, упомянутых в ст. 21 закона № 14-ФЗ.

После нотариального удостоверения нотариус в течение двух рабочих дней передает в регистрирующий орган заявление установленной формы для внесения соответствующих изменений в Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) [5]. После регистрации в ЕГРЮЛ у приобретателя возникает право собственности на приобретенную долю.

Несмотря на то что закон закрепляет порядок процедуры продажи доли в обществе с ограниченной ответственностью, судебная практика показывает наличие споров по данному вопросу. Рассмотрим несколько случаев из судебной практики.

ФИО1 обратился в Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области с исковым заявлением, в котором требует признать недействительным переход доли в уставном капитале Общества в размере 20 % в порядке наследования или правопреемства в пользу ФИО4 и признать права на долю умершего ФИО5 в размере 20 % перешедшим к Обществу. Ранее решением суда, оставленным без изменения постановлением апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано. В кассационной жалобе ФИО1 считает обжалуемые судебные акты незаконными и необоснованными, просит их отменить и принять по делу новый судебный акт.

Как следует из материалов дела и установлено судами, при регистрации Общества доли в уставном капитале были разделены следующим образом: ФИО6 — 45 %, ФИО5 — 20 %, ФИО1 — 35 %. Далее ФИО4 приобрел долю ФИО5 в порядке наследования от умершего участника. Согласно п. 6.8 Устава, доли в уставном капитале Общества переходят к наследникам граждан и правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками Общества.

Обращаясь в суд, ФИО1 указал, что допущено нарушения п. 6.10 Устава, а именно: согласие участников Общества на переход доли или части доли считается полученным в случае получения обращения или оферты в течение 30 дней. Участники общества в письменной форме обязаны выразить свое согласие или обоснованное несогласие на совершение данной сделки.

Ранее суды приняли во внимание, что Устав не устанавливает ограничения на свободный переход доли участника в уставном капитале общества наследниками и не предусматривает необходимость получения согласия остальных участников на подобный переход. Следовательно, суды пришли к выводу, что приобретение доли в уставном капитале ФИО4 не требовало согласия остальных участников Общества. Кассационную жалобу ФИО1 суд оставил без удовлетворения [2].

Рассмотрим судебную практику Арбитражного суда Краснодарского края. Истец (ФИО1) обратился в суд с заявлением о расторжении договора купли-продажи доли в размере 100 % в уставном капитале ООО N, заключенный между ФИО1 и компанией «Х ЛТД» (в лице ответчика ФИО5), а также о признании за ФИО1 права собственности на долю в ООО N в размере 100 % номинальной стоимостью 8 327 098 рублей. Отметим, что на судебное заседание представитель ответчика не явился.

Согласно п. 1 Договора, Истец продал, а Ответчик приобрел долю в уставном капитале ООО N в размере 100 % номинальной стоимостью 8 327 098 рублей. Согласно абз. 2 п. 8 Договора, оплата указанной доли должна быть произведена в течение 30 дней с момента заключения договора. Ответчик подал заявление по форме Р14001 для регистрации изменений в ЕГРЮЛ, в связи с чем на момент судебного заседания являлся владельцем 100 % в уставном капитале ООО N.

Согласно п. 9 Договора, в случае отсутствия расчета между сторонами отчуждаемое имущество будет находиться в залоге у Истца. Соответствующие сведения о залоге также внесены в ЕГРЮЛ, что подтверждается выпиской.

Статья 307 Гражданского кодекса предусматривает, что обязательства возникают из договоров и других сделок вследствие причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения, а также из иных оснований, указанных в настоящем Кодексе. Согласно п.1 ст. 93, переход доли или части доли участника общества в уставном капитале ООО допускается на основании сделки. Статья 454 ГК РФ закрепляет, что по договору купли-продажи, покупатель обязуется принять приобретаемый товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену) [1].

Из материалов дела следует, что Ответчик нарушает сроки оплаты приобретенной доли, а значит, в соответствии с п. 2 ст. 450 ГК РФ Истец может потребовать расторгнуть договор в связи с существенным нарушением договорных обязательств другой стороной [1]. В связи с этим суд удовлетворил требования Истца и признал договор купли-продажи доли в размере 100 % в уставном капитале ООО N недействительным [2].

Безусловно, судебная практика по вопросу продажи и приобретения доли или части доли содержит гораздо больше примеров возникающих споров. Анализ актуальной судебной практики позволит не только выявлять

неточности в решениях суда, но и выявлять спорные моменты в действующем законодательстве. Это даст возможность работать над совершенствованием существующих нормативно-правовых документов.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 09.04.2025).
2. Постановление от 7 августа 2024 г. по делу № А56–54778/2023. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/aQurEOgoupZj/> (дата обращения: 09.04.2025).
3. Решение от 29 июля 2024 г. по делу № А32–24973/2024. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/9Wmg2elj7sWp/> (дата обращения: 09.04.2025).
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 26.03.2025).
5. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (последняя редакция) — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/ (дата обращения: 26.03.2025).

Круг прав авторов музыкальных произведений и способы их защиты

Строкина Виктория Дмитриевна, студент;

Дроздова Мария Дмитриевна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье автор исследует актуальные вопросы основных прав авторов музыкальных произведений и способы, которыми они могут быть защищены.

Ключевые слова: права авторов музыкальных произведений, музыкальные произведения, депонирование, нотариальное удостоверение.

Одним из объектов, охраняемых авторским правом, являются музыкальные произведения. Музыкальные произведения существенно отличаются от многих других видов произведений. Понятию «музыка» Толковым словарем живого великорусского языка В. Даля дается следующее определение: «искусство стройного и согласного сочетания звуков» [1]. Музыкальное произведение образуется из музыки, в некоторых случаях с текстом, и предназначено для исполнения на музыкальных инструментах иногда с помощью голоса. В музыкальное произведение включается ритм, мелодия, гармония, созданные композитором. Все вместе они составляют музыкальное произведение.

Р. Будник определяет музыкальное произведение как мелодию в виде последовательности нескольких нот, которая может быть создана в автоматическом либо полуавтоматическом режиме с помощью компьютерной программы, или текст длиной всего в пятнадцать слов [2].

В отечественном законодательстве музыкальным произведениям посвящен целый ряд специальных положений, благодаря чему можно говорить о наличии некоторых особенностей охраны прав авторов таких произведений.

В российском законодательстве закреплены определенные права авторов. Полный перечень интеллектуальных прав на произведения науки, литературы и искусства приведен в ст. 1255 ГК РФ. Согласно данному перечню, автору произведения принадлежат следующие права: исключительное право на произведение; право авторства; право автора на имя; право на неприкосновенность произведения; право на обнародование произведения [3].

Во-первых, это право на имя, это личное право автора, и традиционно оно состоит в возможности автора использовать произведение под подлинным именем, псевдонимом или без обозначения имени — т. е. анонимно.

С правом на имя очень близко стоит право авторства. Они тесно связаны, так как, например, без того, чтобы признать лицо автором, невозможно реализовать право на имя. Но они различаются тем, что право авторства не требует каких-либо активных действий со стороны автора, а право же на имя реализуется, когда произведение обнародуется и в дальнейшем активно может использоваться при включении в гражданский оборот произведения. Так же различие заключается и в нарушении, когда

нарушается право на имя, мы можем и не затронуть право авторства.

Право на обнародование. Согласно статье 1268 ГК РФ, обнародованием признается осуществление действия или дача согласие на осуществление действия, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю либо любым другим способом.

Еще одним правом автора является право на неприкосновенность произведения, но ст. 1266 ГК РФ дополняет его еще и защитой произведения от искажений.

Согласно ст. 1266 не допускается без согласия автора, полученного предварительно и в письменном виде, внесение в произведение: изменений (например, аранжировка музыкальной композиции); сокращений произведения (в т. ч. названия, отдельных слов и словосочетаний, если музыкальное произведение содержит текст); дополнений произведения (даже в случаях, если оно явно не окончено автором, например, вследствие его гибели). Если было совершено любое из данных действий, то это нарушение одного из важнейших авторских прав, права на неприкосновенность произведения.

Но особое внимание заслуживает п. 2 ст. 1266 ГК РФ, в котором предусмотрена защита самого автора. Способы нарушения, хоть и не исчерпывающим образом перечислены в ст. 1266, но в них могут включаться и любые другие действия, противоправного характера, которые нарушают неимущественные права автора. Сюда же относятся посяательства на совершение таких действий. Чтобы защитить себя автор вправе как самостоятельно требовать защиты своей чести, достоинства, деловой репутации, так и (при жизни) прибегнуть к содействию представителей, адвокатов, ассоциаций, союзов иных некоммерческих организаций, образуемых авторами. Если же нарушение произошло после смерти автора с указанными требованиями (в суд или непосредственно к нарушителю) вправе обратиться любые заинтересованные лица, которыми могут быть наследник, исполнитель завещания.

Последним из указанных в статье 1255 ГК РФ правом является исключительное право на произведение. Данное право оправданно может занимать центральное место, так как это фактически монопольное право на его использование с целью получения имущественной выгоды.

Исключительные права — это имущественные права и обычно их понимают, как права автора на использование произведения в любой доступной ему форме и любым не противоречащим закону способом, а также в него входит и возможность распоряжаться исключительным правом на свое музыкальное произведение [4]. Данные права могут осуществляться не только автором, но и иными лицами: правопреемниками по закону или договору.

В ст. 1270 ГК РФ законодатель обозначил примерный перечень наиболее распространенных способов использования музыкального произведений, это означает, что автор обладает всеми правами на использование произ-

ведения с помощью тех способов, которые существуют сегодня и могут появиться в будущем. Этим автору предоставляется свобода в отношении форм и способов использования произведения и закрепляет запрет на использование произведения третьим лицом.

Каждое из перечисленных прав автора требует защиты со стороны законодательства. Авторские права могут защищаться нормами различных отраслей права, но в основном это нормы гражданского права. Защита методами гражданского права направлена на восстановление нарушенного права или на компенсацию, позволяющую про- извести такое восстановление.

Если говорить непосредственно о способах защиты прав авторов на музыкальные произведения, то их несколько [5].

Первый способ — это депонирование. Депонированием — это процесс хранения чего-либо. Лицо, заявившее о своих правах на конкретное музыкальное произведение, предъявляет его, например, в Российское авторское общество или Копирус. В этой организации фиксируется заявление, затем выдается соответствующий документ и в последствии в суде можно использовать его как доказательство, так как он содержит четкое указание на дату и время обращения в данную организацию.

Второй способ, получивший большое распространение, является опубликование произведения под своим именем. При самостоятельной публикации в сети Интернет в качестве доказательства авторства могут быть использованы свидетельские показания пользователей сайта, на котором произошло обнародование или информация, полученная от владельца сервера, на котором опубликовано произведение. Данный способ является самым простым и наиболее доступным вариантом для начинающих авторов.

Одним из самых древних способов защиты является пересылка самому себе произведения. Это может быть композиция, отраженная на бумаге посредством нотной грамоты или, если произведение содержит текст, то сам текст песни. При этом дата нахождения у автора экземпляра произведения принимается дата, указанная на почтовом штемпеле. Однако, решение о принятии или отказе в принятии такого доказательства будет зависеть от усмотрения конкретного суда. Важно отметить, что на момент предъявления доказательства суду, этот конверт не должен быть вскрыт, чтобы суд лично мог убедиться в том, что в конверте на момент его отправки было то, что удостоверяет права автора на произведение.

Но самым надежным способом является нотариальное удостоверение распечатки музыкального произведения, партитуры или текста песни. В российском законодательстве о нотариате указаны две формы такого удостоверения: нотариус засвидетельствует дату предъявления ему конкретного документа, а также удостоверить верность копии документа. Подобное удостоверение так же, как и депонирование, доказывает, что на определенную дату предъявитель уже владел музыкальным произведе-

нием, в таком случае, другой стороне необходимо будет доказать, что она владела им на более раннюю дату.

Таким образом, были рассмотрены основные права авторов музыкальных произведений и те способы, которыми они могут быть защищены. В данном параграфе мы разобрались с тем, что именно следует понимать под музыкальным произведением, а именно определенная последовательность нот, иногда в совокупности со словами для образования цельного произведения. Такие объекты подлежат защите по принципу: определения и присвоения авторства (конкретного имени), права на

обнародования (то есть автор произведения или его правообладатель самостоятельно решают, когда произведение может быть выпущено в массы, иной порядок, является нарушением), а также защита неприкосновенности и искажения произведений, что позволяет авторам быть владельцами тех уникальных произведений, которые они создали — единолично и распоряжаться ими так, как посчитают нужным. А также были определены способы защиты: депонирование, публикация под своим именем (с соблюдением определенного порядка) и нотариальное удостоверение.

Литература:

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. — С. 289.
2. Будник Р. Внимание пользователей критерий ценности произведений. Хозяйство и право. 2017. № 4. С. 119.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (1). — Ст. 5496.
4. Жиленкова Т. В. О содержании исключительного права // ГлаголЪ правосудия. 2024. № 1 (35). — С. 11–12.
5. Корель Д. А. Формы и способы защиты авторских прав в Российской Федерации // Вестник науки. 2023. № 12 (69). — С. 6–10

Ответственность за несвоевременную уплату алиментов

Сухарева Виктория Дмитриевна, студент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с ответственностью должников за задержку выплаты алиментов на своих детей. Автор анализирует действующее законодательство, регулирующее сферу неуплаты и задержки выплаты алиментов на детей и на основании проведенного анализа делает вывод, сравнительный анализ о мерах и способах привлечения к ответственности за неуплату алиментов в Российской Федерации и зарубежных странах.

Ключевые слова: алименты, санкции за просрочку алиментов, взыскание алиментов в судебном порядке.

Родитель, сталкивающийся с невыплатой алиментов, имеет право задействовать полный спектр юридических механизмов для гарантирования исполнения решений суда по алиментным обязательствам. Данные меры охватывают принудительное удержание средств из заработка должника, наложение ареста на его личное имущество на основе исполнительного документа, а также прочие процедурные действия, проводимые в соответствии с нормами исполнительного права.

В рамках российского семейного права, в частности в статье 115 Семейного кодекса РФ, закреплена обязанность лица, просрочившего выплату алиментов, возмещать задолженность перед получателем. Это предусматривает начисление пени в размере 0,1 % от невыплаченной суммы за каждый день задержки. Важно учесть, что расчет пени осуществляется за каждый отдельный просроченный период, а не по общей сумме долга за весь период задержки. Таким образом, закон стимулирует ответственное отношение к обязательствам по алиментным

платежам, минимизируя возможности для их умышленного уклонения. [1, с. 55]

Аналогично принципам, регулирующим гражданские правоотношения, закон предусматривает возможность сокращения размера начисляемой неустойки за нарушение обязательства по выплате алиментов, если ее величина является чрезмерной по отношению к последствиям данного нарушения, с учетом экономического состояния и семейных обстоятельств лица, обязанного по алиментам. Решение о корректировке суммы неустойки обычно принимается в процессе рассмотрения исковых требований о ее взыскании за просрочку выплаты алиментов.

В процессе рассмотрения исковых заявлений о взыскании штрафов за просрочку выплат алиментов, ответчик может подать ходатайство об уменьшении суммы неустойки. В этом ходатайстве необходимо изложить доводы и приложить соответствующие документы, демонстрирующие финансовое состояние ответчика, уровень

его доходов или их отсутствие, информацию о составе семьи, наличие на его обеспечении лиц, не способных к труду, а также сведения о здоровье и возможных медицинских показаниях и прочее.

Судебная инстанция имеет право инициативно уменьшить размер неустойки, если в рамках дела присутствуют убедительные доказательства, указывающие на очевидный дисбаланс между неустойкой и последствиями нарушенного обязательства, согласно второму абзацу пункта 71 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7. [3]

Основываясь на данных, содержащихся в четвертой статье Семейного кодекса Российской Федерации и двести восьмой статьи Гражданского кодекса Российской Федерации, судебные органы обладают полномочиями, согласно которым при подаче соответствующего иска одной из сторон разбирательства, могут активировать нормы, регулирующие исковую давность, чем обосновать отказ во взыскании неустойки, полной или частичной, обусловленной пропуском установленных законодательством сроков для подачи иска. Эти сроки определяются для каждого случая нарушения сроков платежей отдельно, в соответствии с положениями статей 196 и 199 Гражданского кодекса РФ. [4]

В дополнение к санкциям за просрочку, законодательство предусматривает право кредитора по алиментам требовать возмещения убытков, вызванных задержкой выплаты алиментов от лица, ответственного за их предоставление, в объеме, который не компенсируется неустойкой.

Во многих государствах проблематикой является исполнение судебных постановлений по алиментам на поддержку несовершеннолетних детей. В Соединенных Штатах Америки применен инновационный метод принуждения родителей к ответственности за финансовое обеспечение своих потомков. Органы, отвечающие за защиту прав детей, регулярно обновляют свои базы данных благодаря доступу к сведениям о недавно открытых счетах в банковских и других кредитных организациях. Эта стратегия позволяет эффективно трассировать новые доходы, поступающие на счета неплательщиков. [6]

Изымание водительских удостоверений в США выступает как способ воздействия в случаях неисполнения обязанностей. В Мэриленде, благодаря уведомлениям об оста-

новке лицензий за долги по алиментам, государственный бюджет увеличился на 56,8 миллиона долларов. [8]

В ряде американских штатов, при неуплате средств на поддержание ребенка, задолжник рискует быть лишенным профессиональных лицензий, таких как медицинская, строительная или юридическая, что препятствует осуществлению их профессиональной деятельности. [7, с. 22]

Таким образом, правовые системы других государств нацелены на внедрение множества стратегий в отношении должников по алиментам, чтобы обеспечить адекватное финансирование на потребности и воспитание несовершеннолетних.

В Российской Федерации для стимулирования дебиторов, уклоняющихся от уплаты алиментов на содержание детей, активно используются различные методы принуждения, признанные достаточно эффективными. Среди мер принуждения выделяются такие, как временное ограничение права на выезд за пределы страны, обременение активов должника арестом, наложение административных штрафов согласно статье 5.35.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ, а в более серьезных случаях — привлечение к уголовной ответственности по статье 157 Уголовного кодекса РФ. [2, 9]

Важно обратить внимание на значимый опыт решения вопросов материальной поддержки детей в тех странах, которые внедрили систему алиментных фондов или подобные им механизмы. Следует подчеркнуть, что и в нашей стране в 2023 году был подготовлен проект закона о создании подобного фонда, однако данный законопроект до сих пор не получил одобрения. Тем не менее, во множестве регионов предусмотрены выплаты на случай, если отец не осуществляет содержание ребенка. [5; 10, с. 46]

Обеспечение защиты прав ребенка и выстраивание условий для полноценного развития являются ключевыми задачами современного общества. Идеальная ситуация, при которой все ответственные за выплату алиментов лица исполняли бы свои обязательства своевременно, позволила бы избежать проблем с невыплатой алиментов. Однако, к сожалению, вопрос невыплаты алиментов злободневен как на территории нашего государства, так и за его пределами. В связи с этим, значительное количество российских экспертов принимает сторону в вопросе учреждения специализированного фонда.

Литература:

1. Балдынова А. Споры по алиментам // Трудовое право. 2021. № 4. С. 55.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ Федеральным законом от 30 декабря 2001 г. N 196-ФЗ настоящий Кодекс вводится в действие с 1 июля 2002 г. Текст Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях опубликован в «Российской газете» от 31 декабря 2001 г. N 256, в Собрании законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1, в «Парламентской газете» от 5 января 2002 г. N 2–5
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. № 70. 04.04.2016.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» (КонсультантПлюс)
5. Правительство не поддержало идею создания алиментного фонда. URL: <https://rg.ru/2023/09/14/otca-ne-zameniat.html> (дата обращения: 30.03.2024).
6. Решетникова И. В. Исполнительное производство за рубежом // Право и экономика. № 3. 2001.
7. Решетникова И. Частный пристав-исполнитель // ЭЖ-Юрист. 2006. № 32. С. 22.
8. Стрельцова Е. Г. Соотношение частных и публичных начал по делам о расторжении брака, разделе совместно нажитого имущества, спорам о детях и в интересах детей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 5.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. Кодекс введен в действие с 1 января 1997 г. Текст Кодекса опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954, в «Российской газете» от 18 (ст.ст. 1–96), 19 (ст.ст. 97–200), 20 (ст.ст. 201–265), 25 (ст.ст. 266–360) июня 1996 г. N 113, 114, 115, 118.
10. Чашкова С. Ю. Проблемы алиментного обязательства родителей и детей: частноправовой и публично-правовой аспекты // Закон. 2022. № 1. С. 46.

Особенности уплаты алиментов индивидуальными предпринимателями

Сухарева Виктория Дмитриевна, студент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с взысканием алиментов на содержание несовершеннолетних детей с лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в организационно-правовой форме индивидуальных предпринимателей. Автор анализирует проблемные аспекты и особенности взыскания денежных сумм в виде алиментов на детей с доходов родителей, имеющих непостоянный доход, и на основании проведенного анализа делает выводы о целесообразной форме взыскания алиментов в том или ином случае.

Ключевые слова: алименты, предпринимательская деятельность, формы алиментов, режим налогообложения.

Благополучие ребенка в равной мере определяется как экономическим положением семьи, так и наличием надежной правовой базы, регулирующей имущественные права ребенка. Это включает в себя объем предоставляемых прав, способность их осуществления и, что особенно важно, эффективность законодательных механизмов, предназначенных для защиты этих прав [1].

В свете актуальной проблематики взимания алиментных платежей для обеспечения жизненных нужд детей от лиц, ведущих собственный бизнес как индивидуальные предприниматели, данный текст ориентирован на подробное рассмотрение и структурирование основополагающих принципов. Эти принципы должны стать руководящими при определении способа расчета алиментных обязательств относительно индивидуальных предпринимателей.

Для достижения этой цели предполагается провести анализ законодательства и изучить прецеденты, в частности решения и разъяснения, вынесенные в рамках Обзора и Постановлений Пленума Верховного Суда, по отдельным кейсам.

В соответствии с положениями статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации [2] родительский долг включает в себя обязанность по финансовому обеспечению своих детей, не достигших совершеннолетия.

В случае отсутствия договоренности по выплатам алиментов, они устанавливаются в процентном соотношении от доходов:

$\frac{1}{4}$ — на одного ребенка;

$\frac{1}{3}$ — на двух детей;

$\frac{1}{2}$ — при распределении на троих или больше детей (статья 81 Семейного кодекса Российской Федерации).

В соответствии с статьёй 83 Семейного кодекса Российской Федерации, суд имеет право назначать выплату алиментов в фиксированной денежной форме. Этот механизм часто используется в ситуациях, когда доход плательщика алиментов не является постоянным и может значительно варьироваться, что является типичным для предпринимательской деятельности. Согласно пункту 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3], предпринимательская деятельность проводится на риск ведения бизнеса и по своей природе не может обеспечить стабильный и предсказуемый доход.

Алименты взимаются с различных типов доходов лица, обязанного по закону предоставлять материальную поддержку. Взыскание может производиться как с заработной платы, так и иных доходов, включая дивиденды, доходы от предпринимательской деятельности и собственности, пенсии и пособия. Размер алиментов, как правило, устанавливается в процентном соотношении от

доходов, размер которого определяется с учетом количества иждивенцев и может варьироваться в зависимости от законодательства конкретной юрисдикции.

До 2013 года было в силе Решение Правительства Российской Федерации № 841 от 18 июля 1996 года, устанавливающее «Перечень доходов, с которых производятся вычеты алиментов на детей» (в дальнейшем — Постановление № 841). Согласно этому документу, обязательные платежи на содержание детей осуществлялись также с доходов, полученных от ведения индивидуальной предпринимательской деятельности без создания юридического лица. В процессе применения данного постановления в расчет брались общие доходы индивидуальных предпринимателей, без вычета расходов, понесенных в рамках предпринимательской деятельности.

Этот нормативный акт разрешил сомнения, появившиеся из-за предыдущих регламентаций, как указано в решении Конституционного Суда Российской Федерации, зафиксированном в Постановлении от 20 июля 2010 года под номером 17-П [4]. Вердикт Суда установил, что при расчете суммы алиментов за «реальный доход», с которого они должны быть удержаны, необходимо принимать во внимание чистый доход индивидуального предпринимателя после вычитания расходов, понесенных в ходе его предпринимательской активности.

Решение Конституционного Суда базировалось на принципе, что вычет алиментов производится из чистого дохода, оставшегося после уплаты налоговых обязательств. Другими словами, подлежащая исполнению сумма алиментов определяется исходя из доходов, которые остаются у обязанного лица после выполнения его налоговых обязательств, так как налоги напрямую перечисляются в государственный бюджет и не считаются частью дохода, который может приносить экономическую выгоду индивидуальному предпринимателю.

Таким образом, расходы, понесенные индивидуальным предпринимателем в процессе его деятельности, не могут квалифицироваться как его доходы. В противном случае, если бы при определении размера алиментов не учитывались бы расходы индивидуального предпринимателя, это создало бы дисбаланс между предпринимателями и наемными работниками, которые зарабатывают заработную плату.

Как стало?

В январе 2013 года Постановление № 841 претерпело модификации: теперь взыскание алиментов происходит и с доходов, полученных от осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности без создания юридического лица, причём расчёт производится путём вычета из доходов затрат на ведение данного бизнеса.

В настоящее время этот аспект оформлен в пункте 2, подпункте «ж» Перечня, который регламентирует виды заработной платы и других доходов, подлежащих удержанию алиментов на детей, как прописано в Постановлении Правительства РФ № 1908 от 2 ноября 2021 года

[5]. Однако вводится ключевое условие, требующее от индивидуальных предпринимателей представления документов, подтверждающих их расходы [6].

Следовательно, особенности процедуры взимания алиментов с должников определяются множественными аспектами, среди которых ключевую роль играют разнообразные налоговые режимы, закрепленные в Налоговом кодексе Российской Федерации [7].

ОСНО (Общая система налогообложения)

При использовании общей системы налогообложения индивидуальным предпринимателем, выплаты алиментов производятся из дохода после уплаты налога на прибыль. Эту сумму предприниматель указывает в декларации по налогу на прибыль, которую он обязан предоставить в налоговую инспекцию каждые три месяца.

Например, индивидуальный предприниматель, зарабатывающий чистую прибыль в 30000 рублей ежемесячно, обязан, согласно судебному решению или по собственной инициативе, уплачивать алименты в размере минимум одной четвертой от своих чистых доходов, что в данном случае равняется алиментным выплатам в размере не менее 7500 рублей за месяц.

УСН 15 % (Упрощенная система налогообложения)

Индивидуальным предпринимателям, применяющим упрощенную систему налогообложения с объектом налогообложения «доходы минус расходы», основой для исчисления алиментов служит чистая прибыль. Для корректного определения суммы к уплате, предпринимателю необходимо предъявить Книгу учета доходов и расходов (КУДиР), а также дополнительные финансовые отчеты, подтверждающие конечный финансовый результат от деятельности, которая является разностью между его доходами и расходами.

УСН 6 % (Упрощенная система налогообложения)

В режиме налогообложения, известном как упрощенная система налогообложения (УСН), не производится учёт расходов предпринимателя. Это обстоятельство вносит трудности в процесс определения суммы алиментов, поскольку из общего дохода предпринимателя необходимо вычесть лишь 6 % налога, а также страховые взносы, оплаченные за себя. Все прочие затраты бизнеса можно учесть только в том случае, если предприниматель представит в судебные инстанции первичные бухгалтерские документы и кассовые чеки, подтверждающие их фактическое осуществление.

Патент

Индивидуальный предприниматель, осуществляющий деятельность под эгидой патентной системы нало-

гообложения, заблаговременно приобретает патент. Его цена определяется на основе предполагаемого уровня доходов, причем этот расчет уникален для каждой территории. В реальности, однако, фактический доход может существенно отклоняться от предполагаемого. В этом контексте, для определения суммы алиментов применяется информация из Книги учета доходов, которую ведет предприниматель, документируя полученные доходы. Для подтверждения своих затрат, предприниматель обязан предоставить первичные документы и расходные кассовые чеки.

К сожалению, в рамках профессиональной деятельности регулярно возникают ситуации, когда бизнесмены прилагают усилия для минимизации базы для расчета алиментов, предоставляя исполнительной службе данные о затратах, фактически не относящихся к их бизнес-операциям. Ввиду этого, для доходов индивидуальных предпринимателей, которые могут значительно варьироваться в зависимости от времени, применяются нормы, предусматривающие выплату алиментов фиксированной денежной суммой. Этот платеж не коррелирует напрямую с объемом полученной прибыли.

Обязанное лицо, стремясь избежать выплаты повышенных алиментов на основе доли от дохода, будет активно отстаивать свои права, аргументируя, что это решение ущемляет его интересы. В качестве альтернативы, оно предложит уплату алиментов фиксированной суммой, значительно превышающей стандартные размеры похожих выплат. Это активизирует механизм доказывания: обычно, если взыскатель изначально требует алименты фиксированной суммой, на него возлагается обязанность доказать объем финансовых потребностей ребенка и объем предшествующих расходов на его содержание. В данном контексте, обязанное лицо предложит такую сумму, которая, без сомнений, будет достаточной для удовлетворения запросов ребенка, обычно значительно превосходя стандартные показатели в схожих делах. Если же взыскатель считает, что предложенная сумма все же не отвечает реальным потребностям ребенка, он имеет полное право представить доказательства для коррекции этого размера в сторону увеличения.

В контексте исполнения алиментных обязательств, расчет в процентах от заработной платы или иного дохода плательщика может привести к ситуации выплаты так называемых «сверхалиментов». Этот термин описывает сценарий, когда размер алиментов, определенный в долях от дохода, значительно превышает реальные финансовые потребности ребенка. Такие ситуации часто возникают при существенно высоких доходах у плательщика алиментов, подразумевая выделение сумм, которые заведомо превосходят расходы на содержание ребенка.

Судебная система Российской Федерации определила свою позицию по вопросу установления алиментных обязательств в случаях, когда у плательщика наблюдаются значительные доходы. Это отражено в Постановлении

Пленума Верховного Суда РФ № 56 от 26 декабря 2017 года [8], озаглавленном «О применении судами норм права при рассмотрении споров о взыскании алиментов». В документе указано, что использование процентной доли от доходов для определения размера алиментных платежей в ситуациях, когда доход плательщика особенно велик, может привести к нарушению прав и интересов одной из сторон процесса.

Дело № 2–1076/2019–25 [9] прекрасно иллюстрирует обстоятельства, когда истец, в данном случае мать, предъявила иск о взыскании $\frac{1}{4}$ части доходов ответчика в пользу ребенка, что в момент обращения в суд первой инстанции эквивалентно 462 500 рублям. Однако судебное решение заключалось в назначении выплат в размере, эквивалентном десяти прожиточным минимумам для ребенка. Это решение было продиктовано выводом о том, что требования к размеру алиментов, основанные на процентном соотношении от дохода, сильно превосходят фактические нужды ребенка и не соблюдают принцип справедливости между участниками процесса. Такой вердикт был поддержан и подтвержден в последующих апелляционной и кассационной инстанциях, что подчеркивает его устойчивость и обоснованность в текущей правовой практике.

Следует подчеркнуть, что обязанность по уплате алиментов сохраняется для лиц, осуществляющих деятельность в качестве индивидуальных предпринимателей, даже в случаях отсутствия фактической прибыли. В ситуациях, когда за определенный месяц доход не был получен, размер алиментных выплат должен быть рассчитан на основе средней заработной платы в соответствующем регионе, согласно данным, опубликованным на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстата).

Следовательно, в таких ситуациях предпочтительнее первоначально требовать алименты не процентным отчислением от заработка, а заранее установленной фиксированной суммой.

К тому же, применение комбинированного метода установления алиментов, объединяющего фиксированную сумму и процент от прибыли самозанятого лица, обеспечивает гибкость в подходе. Такой подход не только защищает интересы получающей стороны при низком уровне заработка ответчика, но и гарантирует адекватное обеспечение потребностей ребенка в периоды высокой прибыльности для индивидуального предпринимателя.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что взыскание алиментов на содержание ребенка с родителя, имеющего статус индивидуального предпринимателя, имеет свои особенности.

В зависимости от специфики доходов, получаемых от бизнеса, выбранной системы налогообложения и честности одного из родителей, следует обдумать методы получения алиментных платежей, которые наилучшим образом обеспечат надлежащее содержание ребенка.

Литература:

1. Максимович Л. Б. Механизм охраны имущественных прав детей: Конвенция о правах ребенка и российское законодательство // Материалы Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. / Отв. ред. О. Н. Низамиева. М.: Статут, 2011. С.183–187
2. Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.01.2006) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2010 N 17-П «По делу о проверке конституционности подпункта «з» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Л. Р. Амаякяна».
5. Постановление Правительства РФ от 02.11.2021 N 1908 (ред. от 11.12.2023) «О перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»
6. Порядок заполнения книги учета доходов и расходов организаций и индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную и патентную систему налогообложения, утв. Приказом ФНС России от 07.11.2023 № ЕА-7-3/816@.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: части 1 и 2: с изм. и доп. Дата обновления: 29.06.2013. Доступ из системы ГАРАНТ.
8. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ.2018. № 4
9. Решение Мирового судьи судебного участка № 25 Санкт-Петербурга по делу № № 2–1076/2019–25 // Архив Мирового судьи судебного участка № 25 Санкт-Петербурга

Проблемы применения статьи 264 УК РФ, разграничение состава преступления со статьей 264.1 УК РФ

Тиньшин Вадим Эдуардович, студент магистратуры

Научный руководитель: Суханов Александр Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты

В статье автор рассматривает проблемы квалификации, разграничения смежных составов и применения ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ как преступлений, непосредственно связанных с управлением автомобилем либо другим механическим транспортным средством, доказывание причинно-следственной связи между игнорированием норм, устанавливающих порядок дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, действующих на территории России, и причинением вреда человеку и его собственности. Основное внимание уделяется составам рассматриваемых преступлений и проблемам, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при применении уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: преступление, механическое транспортное средство, квалификация, смежные преступления.

Актуальность темы, рассматриваемой в настоящей статье, обуславливается тем фактом, что для государства одним из приоритетных направлений (задачей, целей) в сфере реализации положений о защите прав и свобод гражданина, является создание и обеспечение безопасной эксплуатации транспортных средств, на всей территории России, включая дороги общего пользования. В случае нарушения принятых норм, направленных на реализацию поставленных целей, виновное лицо, как результат несет предусмотренную законом ответственность.

Законодатель в ходе процесса кодификации, уместно определил рассматриваемые нормы в главу 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта». Это обосновывается их видовой спецификой.

Для дальнейшего общего понимания сущности и обозначения проблем необходимо прописать общую характеристику изучаемых преступлений и разобрать их на основополагающие элементы: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Необходимо обратить на них внимание по причине того, что они обладают

специфическими чертами, которые будут отмечены в настоящей работе.

Анализируя ч. 1 ст. 264 УК РФ, можно прийти к выводу, что объект преступления, подразумевает под собой безопасность дорожного движения (в качестве основного), жизнь и здоровье человека, как физическое, так и моральное (в качестве дополнительного), в сфере использования транспортных средств.

Объективная сторона ст. 264 УК РФ выражается в форме действия или бездействия. Стоит обратить внимание на ч. 1 анализируемой статьи, в которой указано, что основанием для применения данной нормы, может являться нарушение правил безопасно дорожного движения (проезд на запрещающий сигнал светофора, движение по полосе предназначенной для встречного движения, невыполнение требований приоритета при выезде на дорогу с прилегающей территории и т. д.) и нарушение правил эксплуатации транспортного средства (использование технически неисправного транспорта, движение с превышением допустимых габаритов, осуществление перевозки пассажиров без специального оборудования). Обязательным признаком, в данном случае является наступление по неосторожности общественно опасных последствий: тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 и 2), смерти человека (ч. 3 и 4), смерти двух или более лиц (ч. 5 и 6). Следует обратить внимание на тот факт, что преступление будет считаться оконченным в момент наступления общественно опасных последствий.

Субъект в данном преступлении может быть, как общий, т. е. виновное, вменяемое, физическое лицо так и специальный т. е. обладающее рядом специфических признаков, к примеру ч. 1, ч. 3 и ч. 5 ст. 264 УК РФ, указала на то, что субъектом будет являться лицо, управляющее транспортным средством, достигшее 16 лет, при этом отсутствие водительского удостоверения, (преступление было совершено в момент обучения, на специализированном автомобиле с двойным управлением, степень вины, в данном случае определяется в процессе расследования) не имеет значения для решения вопроса об уголовной ответственности. Или же, как указано в ч. 2, ч. 4 и ч. 6 ст. 264 УК РФ, лицо управляющее транспортным средством, к примеру профессиональный водитель, имеющий водительское удостоверение, с правом управления транспортным средством советующей категории, но лишенный такого права, на момент ДТП, в соответствующем законом порядке или совершенное преступление в связи с опьянением (алкоголем, наркотическими психотропными веществами, не зависимо от их природы) или лицо оставило, покинуло место совершения правонарушения. Помимо этого, стоит так же отметить, что состояние опьянения, оставление места преступления относится к квалифицируемым признаками, которые необходимо доказать. При этом необходимо помнить не только об уголовной ответственности, которая наступает к виновному лицу, но и об административной (лишение права управления транспортным средством,

административный штраф, административный арест) и гражданско-правовой (возмещение убытков связи с нарушением права, выраженном в причинении механических повреждений в результате ДТП, возмещение расходов на лечение и физическое восстановление здоровья, расходов на погребение, возмещение морального вреда и т. д.).

Рассматривая субъективную сторону ст. 264 УК РФ, отметим, что она проявляется в форме неосторожности (легкомыслия или небрежности). Особое внимание стоит обратить, на понятие «неосторожность» и «умысел», так как в случае, если лицо целенаправленно, осознанно и умышленно управляя механическим транспортным средством, с задачей причинения вреда здоровью и/или смерти одному человеку или группе лиц и осуществило задуманное, то его противоправные действия будут квалифицироваться в соответствии с преступлениями направленными против жизни и здоровья.

Для правильной квалификации указанных в настоящей работе преступлений, необходимо также определить состав преступления ст. 264.1 УК РФ.

Предмет преступления ст. 264 и ст. 264.1 схожи. При этом стоит обратить внимание, на своеобразный факт, механическое транспортное средство т. е. средство, которое приводится в движение с помощью двигателя, если транспортное средство было приведено в движение вручную, к примеру толканием лицом или лицами, то предмет данных преступлений, скорее всего отсутствует.

Объективная сторона выражается непосредственно в выполнении маневров механическим транспортом, которым управляет лицо, ранее осужденное по соответствующим статьям. Преступление будет считаться оконченным в момент начала движения транспортного средства, которым управляет лицо, не имеющее такого права.

Субъектом данного преступления следует считать лицо, находящееся в состоянии опьянения, ранее подвергнутое административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, в соответствующем законом порядке или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, либо имеющее судимость за уже ранее совершение преступлений, предусмотренных ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК или ст. 264.1.

Субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом, а значит субъект целенаправленно и осознанно начал движение на автомобиле в состоянии опьянения или без права на управление транспортом, вне зависимости от его категории. В делах, предусмотренных статьей 264.1, сторона обвинения должна доказать состояние опьянения, что может включать дополнительные доказательства, такие как алкотестер или анализ содержания алкоголя в крови, данные доказательства должны быть собраны в соответствии с порядком, предусмотренным законом.

Доказывание (оспаривание) причинно-следственной связи между игнорированием норм, направленных на организацию безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта на дорогах и наступлением ответственности, возлагается, как правило, на уполномоченных лиц (сотрудников правоохранительных органов), представителей стороны потерпевшего и обвиняемого. Проблем и нюансов в данном процессе множество, все зависит от фактических обстоятельств дела, собранных доказательств и профессионализма лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность. Для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ требуется установить, допущено ли нарушение правил дорожного движения, в чем оно выразилось, какие конкретно пункты правил нарушены, наступили ли общественно опасные последствия, предусмотренные диспозицией статьи, состоят ли они в причинной связи с нарушением правил дорожного движения.

Проблемы (применения) квалификации смежных составов ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ, заключаются в следующем:

Наибольшее количество проблем возникает при квалификации преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, которые обусловлены необходимостью определения причинно-следственной связи. Что касается деяний, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, то здесь наиболее сложным является решение вопроса о том, может ли определенное лицо являться субъектом рассматриваемого преступления, так как для признания лица субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, не требуется каких-либо дополнительных условий, таких, как привлечение данного лица ранее к уголовной либо административной ответственности, в то время как для признания лица субъектом преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, необходима административная либо уголовная преюдиция.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Основным отличительным признаком субъекта данного преступления является характер его деятельности — управление транспортным средством. Субъект преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ — специальный, лицо, ранее судимое либо привлеченное к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения. По поводу субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264.1 УК РФ идут многочисленные дискуссии, но первое из указанных преступлений может быть совершено только по неосторожности, а второе — с прямым умыслом.

В заключении необходимо отметить, что преступления, предусмотренные ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ, требуют особого внимания в сфере обеспечения безопасного дорожного движения, как одного из способов реализации положения о защите прав и свобод граждан. Процесс эксплуатации механических транспортных средств, непосредственно связан с жизнедеятельностью общества, абсолютно в любой сфере, соответственно для эффективной борьбы (выявления, предупреждения, пресечения) с рассматриваемыми правонарушениями, необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, проведение реформ в правоохранительной сфере и разработка детальной тактики действий.

Литература:

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2025).
2. Красненкова Е. В., Гладких А. Ю. Проблемы квалификации правонарушений за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств// Информационно-аналитический портал. 2014.
3. Ильин И. В., Шевченко О. А. Проблемы квалификации и расследования преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (административно-правовые и уголовно правовые аспекты) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 138–142.

Цифровая трансформация нотариальной деятельности

Тишина Елизавета Евгеньевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассматривается новая сфера взаимодействия между гражданами и организациями — электронный документооборот. Проводится анализ основных понятий, возникающих в сфере электронного взаимодействия между нотариусами, организациями и гражданами. Автор обращается к проблеме трансформации всего института нотариальной деятельности посредством применения метода детального описания электронных документов и электронной

подписи. В заключении автор формулирует вывод о воздействии онлайн-сервисов нотариата на обыденную жизнь граждан и общества в целом.

Ключевые слова: электронный документ, QR-код, электронная подпись, цифровая экономика.

В настоящее время роль нотариата в системе защиты социально-экономических прав гражданского общества проявляется в разных формах, среди них — цифровой нотариат, действующий в рамках реализации программы «Цифровая экономика».

Так, российский нотариат на протяжении нескольких лет разрабатывает и внедряет в свою работу передовые информационные технологии.

Появилась возможность обратиться к нотариусу за оформлением документа, который должен быть подписан лицом, обратившимся за совершением нотариального действия сразу в электронном виде.

Цифровой документ значительно мобильнее своего бумажного аналога: он всегда под рукой, возможностей для передачи его на любые расстояния всё больше — достаточно переслать файл по электронной почте, больше нет необходимости идти на почту или обращаться в курьерские службы, получателю такого файла необходимо будет обратиться в удобную для себя нотариальную контору и вернуть документу привычный бумажный вид с сохранением его юридической силы. Акцентируем внимание на то, что «документ-цифра» не выцветет и не теряет своего первоначального вида.

«Фундаментом» цифровой нотариальной системы выступает Единая информационная система нотариата, в нотариальной сообществе известная как ЕИС, способная гарантировать безопасность личных данных и достоверность государственных реестров. Она служит надежным «хранилищем» для сведений обо всех совершенных в стране нотариальных действиях. На ее базе функционируют публичные реестры и сервисы, которые позволяют любому человеку, независимо от его места нахождения, быстро и бесплатно получить всю необходимую, гарантированно достоверную информацию, что существенно экономит как временные, так и финансовые затраты.

Усиленно развиваются интернет-сервисы нотариата. На портале Федеральной нотариальной палаты успешно функционируют реестр наследственных дел, реестр уведомлений о залоге движимого имущества и сервис проверки доверенностей, который пользуется спросом у граждан и должностных лиц. Данные сервисы позволяют максимально быстро получить нужную информацию.

Реестр наследственных дел представляет собой базу данных с указанием конкретного нотариуса, его адреса и номера телефона, поисковая система работает стабильно и ежедневно пополняется новыми сведениями.

На странице реестра уведомлений о залоге движимого имущества можно оперативно установить информацию о наличии обременения в виде залога.

Сервисом проверки доверенностей можно воспользоваться с любого устройства, у которого есть выход в ин-

тернет, достаточно ввести в специальное поле реквизиты документа и система моментально предоставит подтверждающую информацию или покажет сведения с указанием даты отмены, а возможно и предупредит, что представленный документ — фальшивый.

ЕИС нотариата является полноправным участником системы межведомственного электронного оборота, обеспеченный оперативным обменом данными между нотариусами и Росреестром, ФНС, органами ЗАГС, банками (список банков, обрабатывающих запросы дистанционно увеличивается с каждым годом).

Распространённый характер по функционированию электронной формы носит сотрудничество с Росреестром.

После вступления в законную силу положений Федерального закона от 03.08.2018 № 338-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], стала обязательна процедура передачи документов в Росреестр в электронном формате после удостоверении нотариусом сделки по отчуждению или залоге имущества, права на которые подлежат государственной регистрации.

Понятие электронного документа закреплено в п. 11.1 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и звучит так: «Электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [2].

Таким образом, документ в электронном виде и изначально электронный документ — не одно и то же. В первом случае документ создается как бумажный и преобразуется в электронный документ, получается электронный образ документа. Во втором — изначально создается в форме электронного документа.

В электронном документообороте используются как образы документов, так и электронные документы. Но если для электронных образов в большинстве случаев можно использовать любой вид электронной подписи, то для электронных документов зачастую нужна усиленная квалифицированная электронная подпись

Бумажные и электронные документы юридически равнозначны, если иное не установлено законом или договором. Исключения касаются только отдельных видов документов, к которым предъявляются повышенные требования к безопасности данных и условиям хранения.

Требования к документам в электронном виде делятся на три категории и соблюдаются в порядке приоритетности:

1. Общие требования. Не отличаются от требований к документам в бумажном виде и в основном касаются формы и содержания.

2. Требования, предъявляемые к конкретному виду документов в электронном виде, в том числе электронным документам. Ключевые в этой категории — требования к электронной подписи. Именно она и соблюдение условий её применения делают документ юридически значимым.

3. Особые требования к конкретным документам в электронном виде, предъявляемые исходя из их назначения, условий создания, обработки, передачи и хранения. Эти требования всегда индивидуальны по отношению к категориям или видам документов. Они отражены в специальных нормативных актах или инструкциях.

Часть 2 статьи 434 Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3] разрешает заключение письменных договоров путём обмена электронными документами, в том числе с использованием сторонами сделки электронной почты. Обязательным требованием выступает возможность достоверно установить, что документ, например экземпляр договора, исходит от стороны сделки.

Таким образом, законодатель предоставляет участникам сделки право выбора на оказание или не оказание нотариусом электронной услуги по передачи документов на государственную регистрацию прав. Превалирует вариант в пользу действий со стороны нотариуса.

На практике такой процесс воспринимается как реализация одной из функций цифрового нотариата — нотариальной «телепортации» документов посредством использования электронной подписи.

В соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи»: «Электронная подпись — это информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию» [4].

Закон устанавливает два вида подписи: простая электронная и усиленная электронная.

Первый вид представляет собой набор кодов, содержащий минимальный пакет информации о конкретном лице.

Второй вид пользуется спросом у нотариусов и государственных регистраторов прав.

Усиленная электронная подпись может быть как неквалифицированная, так и квалифицированная.

Неквалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая:

- 1) получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи;
- 2) позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ;
- 3) позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания;

4) создается с использованием средств электронной подписи.

Квалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая соответствует всем признакам неквалифицированной электронной подписи и следующим дополнительным признакам:

- 1) ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате;
- 2) для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение соответствия требованиям, установленным в соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи».

«Нотариусы удостоверяют равнозначность электронного документа документу на бумажном носителе и, наоборот, удостоверяют равнозначность документа на бумажном носителе электронному документу». — пишет Т. В. Ярошенко [5].

На официальном сайте Федеральной нотариальной палаты стал доступен параметр поиска по реестру наследственных дел, который позволяет определить состояние наследственного дела, его открытие у конкретного нотариуса. Благодаря обращению к реестру гражданам уже не нужно обзванивать или обходить множество нотариальных контор в поисках нотариуса, занимающегося делом конкретного наследодателя.

Согласно данным Федеральной нотариальной палаты, за 2024 год к публичным реестрам и сервисам Федеральной нотариальной палаты обратились более 18,5 млн раз. Это более миллиона обращений в месяц.

Следующий параметр пользуется особым спросом при купле-продаже транспортных средств, потому что выступает, своего рода, механизмом защиты от мошенников с кредитными автомобилями. Страница реестра уведомлений о залоге движимого имущества позволяет быстро и достоверно узнать, наложено ли на имущество обременение в виде залога. Количество обращений с каждым годом превышает отметку предыдущего года.

2020 и 2021 года ознаменовались периодом пандемии и изоляции, с 2022 года по настоящее время проходит специальная военная операция — всё это не остановило процесс внедрения «цифровых» новшеств.

Присвоение нотариальному документу QR-кода нацелено на обеспечение дополнительной цифровой защиты и безопасности сделок.

Каждый, внесенный на документ QR-код носит индивидуальный характер, в нем зашифрованы основные реквизиты документа: сведения о заявителях, дата совершения нотариального действия, вид действия и регистрационный номер, ФИО нотариуса. Такая маркировка присутствует только на бумажных носителях, так как электронные документы, удостоверенные нотариально уже защищены усиленной квалифицированной электронной подписью. QR-код не поддается дублированию или переносу на другой документ, но делает проверку подлинности доступной для любого субъекта правоотношения.

Таким образом, цифровая трансформация нотариата может выступать в роли превентивного нотариального правосудия, включающая в себя использование ЭЦП и ЕИС, а также специальной маркировки — QR-кода. Онлайн-сервисы нотариата — это только часть «цифровых» возможностей, но и новый этап для всех сфер нотариального регулирования.

Усиленное развитие и внедрение информационных технологий является одной из задач нотариата. Цифровая инфраструктура обеспечивает не только быструю и качественную работу нотариусов, но и позволяет обществу получить сведения, необходимые для защиты своих прав в гражданском обороте.

Литература:

1. Федеральный закон от 03.08.2018 N 338-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (Часть II). Ст. 5131;
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448;
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301;
4. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
5. Ярошенко Компетенция нотариусов: некоторые проблемные вопросы / Ярошенко, В. Т. — Текст: непосредственный // Нотариус. — 2020. — № 8. — С. 15.

Понятие правового статуса помощника судей и подходы к его определению

Ткачев Владислав Игоревич, студент

Научный руководитель: Харченко Дмитрий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

Институт помощника судьи начинает свое развитие еще во времена правления Екатерины II в 1775 году [1]. Благодаря, проводимой ею, судебной реформе судебная деятельность получила обрамление в более привычном для нас виде. После реформы была проведена работа по формированию единого документооборота, делопроизводства и организации судебного процесса.

Именно после нововведений были разделены функции судей и судебных служащих. Функции судебных служащих состояли в следующем: подготовка к судебному заседанию, делопроизводство, секретарские обязанности в ходе судебного процесса [2, с.848].

Однако стоит заметить, что в науке такая система считается излишне бюрократизированной и перегруженной, что требовало значительного числа гражданских служащих, ведущих судебное делопроизводство и реализующих различные судебные процессуальные функции.

А. Ф. Кони объяснял необходимость в большом количестве судебных работников тем, что большинство судей первого уровня были неграмотны и для докладов обстоятельств дела, ведения протоколов и оформления процессуальных действий требовались более образованные люди.

В правовой литературе, касающейся судебной власти, указывалось, что «в старых судах во всем решительно господствовала канцелярия, и секретарь, как знаток бумажного крючкотворства, играл в ней первенствующую

роль... Секретарями в большинстве случаев были люди опытные и находчивые, прекрасно разбиравшиеся в делах и являвшиеся незаменимыми руководителями тех судебных мест, в которых они служили» [3].

Поэтому фактически именно эти служащие определяли исход процесса.

Иначе дела стали обстоит после реформы 1864 года. Эта реформа судебной системы определила конкретный штат служащих для каждого суда. Эти служащие лишь помогали осуществлять правосудие, но на прямую никак не влияли на него.

В Учреждение судебных установлений в судебную систему впервые были введены правила, которые регулировали работу судебных служащих. К ним относились секретари и их помощники на всех уровнях судебной системы.

В обязанности канцелярских работников входило только оформление документов, ведение реестров, составление протоколов, фиксация решений судов, изготовление копий и т. д. Непосредственная подготовка дел к судебному заседанию осуществлялась членами суда.

Таким образом можно сказать, что первое определение правового статуса помощника судьи было определено благодаря судебной реформе 1864 года. Она четко разграничила судебные органы, составы судов и самое главное отграничила компетенции судебных служащих.

Революция и правление Советской власти несколько изменило подход к судебной системе и вместе с тем изменился и правовой статус помощника судьи. В деятельности судов советского периода функции помощника в отправлении правосудия исполняли народные заседатели. Народные заседатели выбирались на определенный срок и на данное время, на постоянной основе оказывали помощь судье и участвовали в судебных заседаниях, чем укрепляли реализацию принципа прозрачности и непредвзятости судебного процесса. При этом уже существовало разделение функций: народные заседатели исполняли роль помощников судьи, а секретари занимались делопроизводством. В дальнейшем в структуру судебной власти реальных изменений не вносилось и до нового реформирования российского государства в конце 90-х годов XX века, судебная система служила поддержкой государственной власти и зависела от нее [4, с. 168].

Не смотря на то что на современном этапе судебная система России является довольно прогрессивной и развитой, в ней существуют некоторые проблемы и коллизии. Одной из таких является определение правового статуса помощника судьи судов общей юрисдикции.

Еще в 2001 году Указом Президента РФ и Федеральным законом от 28 мая 2001 года № 61-ФЗ «Об увеличении штатной численности судей и работников аппаратов арбитражных судов в Российской Федерации» в структуре арбитражного суда официально была закреплена должность помощника судьи, а позднее статус помощника судьи был закреплён и в АПК РФ. Ряд статей АПК РФ, например, ст. 23–25, 54, 58, 60, 155 приравнивают помощника судьи к полноправным участникам судопроизводства как носителя определенных прав и обязанностей.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с прямым указанием Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, помощник судьи, именуемый «иным участником арбитражного процесса», оказывает судье содействие в подготовке и организации судебного процесса. Однако он не имеет права выполнять функции, связанные с осуществлением правосудия, что соответствует сущности судебной власти.

Помощник не может совершать действия, которые приводят к возникновению, изменению или прекращению прав и обязанностей участников дела и других участников арбитражного процесса (часть 3 статьи 58 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Основная задача помощника судьи в организации подготовки и проведения судебного процесса — это решение

организационных вопросов. Он сообщает судье о надлежащем уведомлении участников дела и проверяет их явку в суд.

По указанию председателя судебного состава или судьи помощник может присутствовать в судебном заседании и готовить проекты ответов на обращения, которые поступают в адрес судьи по делам, находящимся в производстве суда.

Однако проблема состоит в том, что наиболее четкое и полное определение правового статуса помощника закреплено только в АПК. По большей части гражданское, уголовное и административное законодательство обделено конкретным и, устраняющим неопределенности, нормативным регулированием статуса помощника судьи.

Важно отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве лишь частично определен статус помощника судьи. Так, например, на помощника судьи возложена обязанность по отбору и формированию присяжных заседателей (ст.ст. 326–328 УПК РФ).

В Гражданско-процессуальном кодексе также закреплены обязанности помощника судьи в организации судебного процесса, ведении протокола, подготовке проектов судебных решений, контроле за исправностью технических средств, используемых в судебном заседании, обеспечении явки фигурантов по делу, а также иных процессуальных действий по поручению судьи. (ст.47.1 ГПК РФ) [5]. Так же там четко указано на то, что помощник судьи не вправе осуществлять правосудие.

Не менее важным является тот факт, что разграничение функций секретаря суда и помощника судьи наиболее четко разграничены только в АПК. В других процессуальных кодексах их функции либо разграничены нечетко, либо и вовсе дублируют друг друга.

На данный момент, когда помощник судьи выделен в самостоятельную процессуальную единицу, законодатель не определил его правовой статус и не установил необходимый объём процессуальных прав и обязанностей для осуществления процессуальной деятельности. Это создаёт ряд проблем в обеспечении правосудия в целом.

Подводя итог, можно сказать, что сейчас необходимо разрешить противоречие между законами, которые регулируют статус помощника судьи.

В Кодекс об административном судопроизводстве и гражданское процессуальное законодательство нужно внести изменения, которые будут регулировать статус помощника судьи. При этом стоит использовать положительный опыт арбитражного законодательства.

Литература:

1. Судебная реформа Екатерины 2 (ноябрь 1775 года) // URL: <https://istoriarusi.ru/imper/sudebnaya-reforma-1775.html>
2. Кутафин О. Е. и др. Судебная власть в России. История. Документы: в 6 т. Т. 2. Период абсолютизма. — М.: Мысль, 2003. 848 с.
3. Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. В 2 т. — М.: 1915. Т. 1. // URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=121904>

4. Текеева Л. А., Батчаева М. К., Гедиева Т. К. Становление и развитие института помощника судьи в системе российского правосудия // Этносоциум и межнациональная культура — 2023 г. — 12 (186) — с. 168. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-instituta-pomoschnika-sudi-v-sisteme-rossiyskogo-pravosudiya???history=25&pfid=1&sample=4&ref=0>
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // система «Консультант-Плюс».

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания: проблемы и пути решения

Фатуллаев Али Мехтиевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Аверченко Александр Критэрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматривается специфика прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания в уголовном судопроизводстве. Автор подчеркивает двойственную природу прокурорского надзора: с одной стороны, как главной функции прокуратуры, с другой — как комплекса возникающих правовых отношений. Основное внимание уделяется надзору за законностью производства расследования. Особое значение придается контролю за соблюдением прав подозреваемых и обвиняемых, в частности, при уведомлении о подозрении в совершении преступления и при ознакомлении с материалами дела. Статья подчеркивает важность баланса между обеспечением прав участников процесса и необходимостью соблюдения процессуальных сроков при расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: прокурорский надзор, органы дознания, уголовное судопроизводство, процессуальные полномочия прокурора, уведомление о подозрении, ознакомление с материалами дела, обвинительный акт, права подозреваемого, права обвиняемого, защита интересов участников процесса, предварительное расследование.

Одним из видов надзора, реализуемого прокуратурой Российской Федерации, является надзор за исполнением законов органами дознания. Этот вид надзора очень важен для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы были нарушены, что вытекает в обязанность прокурора принимать все необходимые меры к восстановлению нарушенных прав, возмещению причиненного вреда.

В целом, в теории уголовно-процессуального права прокурорский надзор трактуется двояко:

1. Как главная функция прокуратуры, то есть как особый вид деятельности;
2. Как комплекс правовых отношений, возникающих в процессе этой деятельности.

Однако существующее законодательство не позволяет выделять самостоятельные надзорные правоотношения. Поэтому в настоящее время целесообразнее рассматривать прокурорский надзор прежде всего, как специфический вид деятельности по применению права.

Надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования состоит в организации непрерывной надзорной деятельности за законностью производства расследования, осуществляемой на основе предоставленных прокурору законом полномочий, чтобы действия и решения органов дознания соответствовали требованиям уголовно-процессуального законодатель-

ства, что, в свою очередь, обеспечивает успешную реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Некоторые моменты, на которые хотелось бы обратить внимание, при рассмотрении процессуальных полномочий прокурора в отношении органов дознания.

Предварительное расследование в форме дознания характеризуется наличием такого специфического института, закрепленного в ст. 223.1 УПК РФ, как уведомление лица о подозрении в совершении преступления. При реализации данного этапа считается необходимым уделять внимание законности и обоснованности придания лицу статуса подозреваемого, так как статус лица после признания его подозреваемым меняется. Также, прокурором выясняется, разъяснены ли права подозреваемого и обеспечена ли возможность реализации права на защиту. В связи с п. 19 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [1] надзирающему прокурору необходимо проверять исполнение дознавателем положения ст. 223.1 УПК РФ и требовать незамедлительного направления копии соответствующего уведомления лица о подозрении в совершении преступления.

Следует заострить внимание на том, что законодатель не устанавливает срок, когда дознаватель обязан направить такое уведомление, а незамедлительность его действия в данном случае обосновывается лишь внесением прокурором требования.

Для разрешения данного момента видится целесообразным внести дополнения в уголовно-процессуальное законодательство, изложив ч. 5 ст. 223.1 УПК РФ в следующей редакции: «Копия уведомления о подозрении лица в совершении преступления незамедлительно направляется прокурору». Представляется, что такое изложение послужит для предупреждения нарушений на данном этапе дознания, эффективности и оперативности надзора в целом, а также в последующем более взвешенно и оперативно оценивать необходимость избрания той или иной меры пресечения. [2]

Также, одной из проблем при осуществлении прокурорского надзора за дознанием становится соблюдение процессуальных норм при принятии окончательного решения по уголовному делу.

До передачи обвинительного акта прокурору для утверждения, дознаватель обязан обеспечить обвиняемому и его защитнику возможность ознакомиться с материалами дела и самим обвинительным актом, как того требует часть 2 статьи 225 УПК РФ.

Сложность возникает из-за отсутствия в главе 32 УПК РФ конкретных правил и сроков ознакомления с обвинительным актом. На практике это приводит к различным подходам: некоторые дознаватели используют нормы главы 30 УПК РФ по аналогии, другие составляют собственные графики ознакомления с материалами дела. Однако такие графики не имеют обязательной силы, так как не предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством.

Безусловно, изучение материалов уголовного дела — это сложный мыслительный процесс, который включает в себя тщательное исследование, разбор и сравнение всех документов и данных, представленных в деле. Защитник должен не просто прочитать материалы, но глубоко вникнуть в суть собранной информации и правильно её интерпретировать с точки зрения защиты интересов своего подзащитного. Эта работа требует внимательности к деталям, аналитического мышления и способности правильно оценить все имеющиеся сведения в контексте задач, которые стоят перед защитой в данном деле.

Но, все же, особый вызов представляет ситуация, когда обвиняемый и его защитник намеренно затяги-

вают процедуру ознакомления с материалами дела, подавая многочисленные ходатайства. Как отмечается многими деятелями науки [3], это стало распространенной тактикой в адвокатской практике. В результате дознавателю приходится просить о продлении срока дознания, а иногда и превышать сроки содержания под стражей.

Прокурор, как гарант соблюдения прав всех участников уголовного процесса, должен пресекать попытки намеренно затягивать процедуру ознакомления с материалами дела [4].

Несмотря на отсутствие четкого определения “явного затягивания времени ознакомления” в законодательстве, выделяются следующие признаки такого злоупотребления:

- ссылки защитников на загруженность;
- пропуски назначенных встреч без уважительных причин;
- избегание ознакомления под надуманными предлогами;
- изучение неоправданно малого объема материалов за день.

В таких случаях следователи успешно обращаются в суд с ходатайствами об установлении срока ознакомления. Однако дознаватели лишены этой возможности, поскольку закон не дает им права обращаться в суд по данному вопросу.

Эта правовая коллизия в процедуре заключительного этапа дознания требует законодательного решения. Предлагается дополнить часть 2 статьи 225 УПК РФ положением, позволяющим суду устанавливать срок ознакомления с материалами дела, если обвиняемый или его защитник явно затягивают процедуру окончания предварительного расследования в форме дознания.

Таким образом, в системе прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания обнаруживается комплекс системных недостатков и правовых коллизий, которые создают существенные препятствия для эффективного функционирования правоохранительной системы и требуют безотлагательного совершенствования нормативно-правовой базы.

Литература:

1. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» / «Законность», N 4, 2022.
2. Павлов А. А. Сущность и содержание противодействия расследованию преступлений со стороны защитника-адвоката // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: материалы вузовской юбилейной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора Р. С. Белкина и юбилеям его учеников (г. Москва, 25–26 октября 2007 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. М., 2007. Ч. 1. С. 153–160.
3. Сабельфельд Т. Ю. Процессуальные полномочия прокурора по осуществлению надзора за деятельностью органов дознания // Российский следователь. — 2021. — № 2. — С. 33–36.
4. Сорокин, И. В. Проблемные аспекты прокурорского надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия / И. В. Сорокин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 1 (396). — С. 195–197. — URL: <https://moluch.ru/archive/396/87704/> (дата обращения: 07.04.2025).

Проблемы правового регулирования интернет-отношений

Федоров Валерий Викторович, студент магистратуры

Научный руководитель: Межидова Тамуса Умаровна, кандидат политических наук, доцент

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования интернет-отношений, а точнее проблемы идентификации пользователей, распределения ответственности между пользователями и информационными посредниками, а также проблемы определения юрисдикции. Рассматриваются современные вызовы, связанные с активным развитием информационных технологий, колоссальным развитием сети Интернет. Анализируются перспективы совершенствования законодательства в сфере правового регулирования интернет-отношений.

Ключевые слова: сеть Интернет, интернет-отношения, идентификация, мошенничество, ответственность, правовое регулирование, цифровизация.

Problems of legal regulation of internet relations

Fedorov Valery Viktorovich, student master's degree

Scientific advisor: Mezhidova Tamusa Umarovna, candidate of political sciences, associate professor

Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

The article is devoted to the analysis of the problems of legal regulation of Internet relations, more precisely, the problems of user identification, the distribution of responsibility between users and information intermediaries, as well as the problems of determining jurisdiction. The article considers modern challenges associated with the active development of information technology and the enormous development of the Internet. The prospects of improving legislation in the field of legal regulation of Internet relations are analyzed.

Keywords: Internet, Internet relations, identification, fraud, liability, legal regulation, digitalization.

В условиях текущей действительности популярность Интернета увеличивается в геометрической прогрессии, его использование становится повсеместным во всех сферах жизни современного человека, начиная от развлечений заканчивая уплатой налогов. Появление глобальной информационной системы, которая напрямую затрагивает все аспекты жизни российских граждан, создаёт необходимость в правовом регулировании интернета.

Конкретно это обусловлено тем, что цифровизация и компьютеризация современной жизни влечёт как позитивные, так и негативные последствия.

А. С. Анисимова [5] в своих трудах выделила ряд достоинств и недостатков тенденции к компьютеризации современных социальных институтов. К числу позитивных последствий, по её мнению, можно отнести появление возможности дистанционно, не выходя из дома, совершать сделки, уплачивать налоги, подавать заявление на приобретение специального права, получать услуги здравоохранения. Список таких возможностей настолько обширен, что его описание заняло бы ни одну статью. Наличие у граждан данных возможностей свидетельствует о том, что цифровизация в значительной степени делает жизнь современного человека удобнее и проще.

Важно обозначить, что в противовес всем достоинствам сети Интернет, ей также присущи и существенные

недостатки. Они выражаются в виде правонарушений, имеющих место быть в глобальной сети: мошенничество, клевета, доведение до самоубийства, организация террористических актов, взлом компьютерных систем, хакерские атаки и др. [5] Злоумышленники постоянно совершенствуют способы и методы, с помощью которых они совершают свои злодеяния, что в свою очередь требует равносильного развития механизма правовой защиты граждан от действий правонарушителей.

Но стоит отметить, что возможность развития такого механизма возможна лишь в том случае, когда в принципе существует аппарат правового регулирования интернет-отношений, поскольку он является первоосновным фактором существования права в какой-либо области.

Поэтому существование сети Интернет в нынешних реалиях возможно только в том случае, если она будет регулироваться законодательством, адаптирующемся под изменения и выявляющее наиболее важные для регулирования аспекта интернет-отношений.

На наш взгляд, на данный момент нормативная база, регулирующая интернет-сферу, не в полном объёме соответствует реалиям текущего состояния информационного поля и недостаточно точно прогнозирует изменения данной отрасли.

Это выражается, в первую очередь, в видоизменениях таких способов заработка денег, как финансовые биржи,

пирамиды, криптовалюты, венчурные фонды и прочее. Все вышеперечисленное зачастую находится на грани мошенничества и предпринимательства, вследствие чего законодателю приходится с выходом в свет каждой новой формой криптовалюты, биржи и т. п. заново определять, имеет ли она признаки противозаконных способов заработка. К сожалению, по состоянию на сегодняшний день, существует множество сомнительных интернет-площадок для инвестиций и пассивного заработка, которые никак не урегулированы законодательно.

К их числу можно отнести и так называемое «инфоцыганство»: продажа частными лицами (т.н. «тренерами») информационных продуктов (тренингов, курсов вебинаров и т. п.), представляющих сомнительную ценность для приобретателя. Как и в случае с вышеописанными способами заработка на просторах Интернета, «инфоцыганство» занимает спорное, двоякое положение с правовой точки зрения. Таким «тренерам» приходится аккуратно и расчётливо заниматься выбранной деятельностью для того, чтобы их действия не попали под содержание ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) (Мошенничество) [2]. К слову, им это удаётся с определённой долей успеха — в наше время «инфоцыгане» умело обходят данную норму законодательства. Это обусловлено, прежде всего, отсутствием объекта правонарушения как такого. Ведь им является некий абстрактный информационный продукт, подлинность и работоспособность которого проверить крайне затруднительно.

Действительно, одна группа приобретателей, получившая информационный продукт останется довольна его качеством, а другая — нет, поскольку всё, что было обещано «тренером» в его программе не реализуется или реализуется не в полной мере. Во втором случае «тренер» может оправдать отсутствие работоспособности его продукта личными негативными качествами приобретателя, а не недостатками тренинга. Неглупый «тренер» также в договоре об оказании услуг укажет, что не гарантирует успеха в случае приобретения цифрового продукта. Неудовлетворенный услугами приобретатель тренинга в большинстве случаев не может обратиться за защитой своих прав, ссылаясь на ст. 29 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» [3]. Содержание данной нормы раскрывает права потребителя при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги). В нашем случае, что является эталонной мерой для услуги достаточного (надлежащего) качества? Законодательство не содержит ответа на данный вопрос, и его приходится давать суду каждый раз при рассмотрении дела с составом, подобным этому, ссылаясь на аналогичные решения других судов по данному вопросу и сравнивая с другими тренингами.

Таким образом, налицо явная проблема — отсутствие какого-либо мерила, стандарта качества для оценки цифрового продукта таких «тренеров».

В данных условиях возникает необходимость дополнения текущего законодательства нормами, касающимися четкого определения достаточного уровня, стандартизации цифровых услуг.

Более однозначно ситуация обстоит с классическим мошенничеством в сети. Всё просто в том случае, если мошенник, обманывающий пользователей интернета, найден: в отношении него возбуждается уголовное дело по факту мошенничества (ст. 159 УК РФ) [2] и также применяется норма п.2 ст. 179 Гражданского кодекса РФ [1] (сделка признаётся недействительной ввиду того, что была заключена под влиянием обмана). Чаще всего, это происходит в том случае, когда определённое количество людей уже успело пострадать от его противоправных действий. Вопрос обстоит куда сложнее, если дело доходит до предотвращения ещё нереализованных действий злоумышленника, когда потерпевшие отсутствуют. Мошенники могут создавать фишинговые сайты (сайты, внешне имитирующие оригинальные сайты, предоставляющие какие-либо услуги); использовать рекламу с розыгрышем какого-либо товара или услуги. Также с недавнего времени стали распространены случаи, когда мошенники регистрируются на сайте знакомств, выдавая себя за другого человека (чаще всего за девушку, ищущую отношений), после чего начинают выпрашивать денежные средства со своей жертвы под предлогом крайней необходимости. Ещё мошенники не гнушаются маскироваться под сотрудников благотворительных фондов, публикуя в сети душещипательные истории о «болеющем» ребёнке с просьбой произвести пожертвование.

Итак, в процессе анализа интернет-правонарушений, налицо становится одно особенное обстоятельство — проблема идентификации пользователей, в данном случае — правонарушителей. Так, Рашад Фикрат оглы Азизов отмечает, что «клевета, например, одинаково наказуема вне зависимости от способа совершения преступления, будь оно совершено в публичном выступлении или с использованием сети Интернет, если только способ прямо не рассматривается в качестве квалифицирующего признака уголовным законодательством. Вместе с тем, как в случае с клеветой, так и в случае со всеми остальными правонарушениями, которые могут быть совершены с использованием сети Интернет, порядок, допускающий привлечение к ответственности, логически возникает до и без учета такой архитектурной особенности, как невозможность идентификации пользователя» [4].

Учитывая столь обширный спектр форм интернет-правонарушений, вопрос об изобличении условного мошенника до того, как он успел навредить обществу, обстоит особо остро.

На наш взгляд, необходимо создать специальный оперативный орган в составе МВД для быстрого выявления и нейтрализации мошенников в интернет-пространстве, причём реагирующего на потенциальные угрозы настолько быстро, что злоумышленники даже не успевают установить контакт с возможной жертвой.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 2006. № 52. Ст. 5497
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.11.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс
4. Азизов, Р. Ф. Правовое регулирование в сети интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: диссертация... доктора юридических наук: 12.00.01 / Азизов Р. Ф.; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2016. — 331 с.
5. Анисимова, А. С. Механизм правового регулирования интернет-отношений: проблемы теории и практики [Текст]: дис.... канд. юрид. наук / А. С. Анисимова; СГЮА. — Саратов, 2019. — 222 с.

Понятие и признаки вещного права

Фоминых Екатерина Юрьевна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Вещное право является одним из важных институтов гражданского права, обеспечивающим защиту интересов собственников и регулирующим их отношения с имуществом. Данная статья освещает основные признаки вещного права, такие как необходимость защиты интересов владельца, прямое отношение к имуществу и возможность передачи прав третьим лицам. Также рассматриваются виды вещных прав, включая право собственности и иные вещные права. Статья будет полезна как для студентов, так и для практикующих юристов, поскольку позволяет углубить понимание механизмов защиты прав собственников в рамках гражданского законодательства.

Понятие вещного права

Вещное право представляет собой важную подсистему гражданского права, сосредоточенную на регулировании имущественных отношений. Оно включает в себя как право собственности, так и ограниченные вещные права. Основная характеристика вещного права — это его абсолютный характер, обеспечивающий защиту прав собственника от посягательств со стороны третьих лиц. При этом вещное право подразумевает индивидуальную конкретизацию объекта, на который оно распространяется, что означает, что вещные права действуют только в отношении строго определенных вещей.

С точки зрения классификации, вещное право делится на различные виды, в числе которых основными являются право собственности, сервитуты, право залога и право проживания. Все эти правовые конструкции имеют свои уникальные признаки и регламентацию в гражданском законодательстве, что позволяет более гибко подходить к регулированию имущественных отношений. Право собственности, как наиболее полное из вещных прав, дает его обладателю возможность распоряжаться имуществом и извлекать из него пользу, в то время как остальные виды вещных прав позволяют ограничивать или обременять права собственника [3, с. 25].

Признаки вещного права включают его абсолютность, эксклюзивность и возможность прямой защиты. Абсолютность подразумевает, что вещные права защищаются

от посягательств со стороны любой третьей стороны. Это означает, что правопреемники владельца могут защищать свои интересы в отношении предмета права без необходимости в дополнительных действиях, таких как получение разрешений от третьих лиц. В то же время, эксклюзивность заключается в том, что только правомочный собственник может распоряжаться вещью, что ставит его в более выгодное положение по сравнению с другими участниками оборота имущества [3, с. 37].

Кроме того, важно отметить, что вещные права подлежат регистрации. Это требуется для реализации юридических последствий, связанных с правами на имущество. Регистрация позволяет обеспечить правовую определенность и защиту прав владельца. В ряде случаев, незарегистрированные права могут быть признаны недействительными или иметь ограниченную юридическую силу, что создает дополнительные риски для лиц, осуществляющих сделки с недвижимостью без соответствующей регистрации.

Сравнительно с обязательственными правами, вещные права обладают более высокой степенью правовой защиты. Обязательные права регламентируют отношения между сторонами, например, в рамках договорных обязательств, в то время как вещные права, как уже упоминалось, действуют в отношении конкретного имущества и предполагают возможность объектной защиты. Данная специфика делает вещные права более надежными для участников гражданского оборота, обеспечивая большую

устойчивость и предсказуемость в использовании имущественных объектов.

Формирование понятия вещного права в отечественной правовой системе связано с гармонизацией норм гражданского законодательства, которое имеет целью адаптацию к международным стандартам. Этим объясняется постоянный процесс пересмотра и улучшения норм, касающихся вещных прав. Так, в современных научных исследованиях подчеркивается, что актуальность и необходимость постоянного обновления законодательства в области вещного права обуславливается изменениями в экономической и социальной сферах жизни общества. В том числе, это касается вопросов, связанных с защитой прав собственников и методами их реализации в различных обстоятельствах [4, с. 47].

Важным аспектом является то, что вещное право не только регулирует отношения, но и способствует эффективному использованию имущества. Это связано с тем, что наличие четких правовых норм стимулирует граждан и юридические лица к более активному использованию своих имущества, что в свою очередь положительно сказывается на экономическом развитии. Легкость осуществления сделок с недвижимым имуществом и другими объектами является важным показателем стабильности правовой системы и доверия к ней со стороны участников рынка.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что вещное право является неотъемлемой частью гражданского оборота, играющей ключевую роль в сфере имущественных отношений. Его уникальные характеристики, такие как абсолютность и эксклюзивность, обеспечивают защиту прав собственников, а инструменты защиты и регистрации способствуют правовой определенности и надежности в осуществлении сделок с имуществом. В условиях быстро меняющегося мира необходимость постоянной адаптации норм вещного права становится особенно актуальной, что подчеркивает значимость предмета исследования в контексте современного права.

Признаки вещного права

Вещное право представляет собой важный институт гражданского законодательства, который опирается на определенные признаки, позволяющие различать его от обязательственных прав. Основной характеристикой вещных прав является то, что они относятся к индивидуально определенным вещам. Это означает, что объект вещного права должен быть конкретно обозначен и легко идентифицируем, что гарантирует защиту правомочий собственника.

Литература:

1. Вещное право: Научно-познавательный очерк (Суханов Е. А.) («Статут», 2017) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

Абсолютный характер вещных прав также играет важную роль. Эти права защищаются от посягательств со стороны любых третьих лиц, что позволяет собственнику не только реализовывать свои интересы, но и отстаивать свои права в случае нарушений. Все лица, независимо от их намерений, обязаны уважать права собственника. Это свойство делает вещные права наиболее сильными среди других видов прав.

Право следования является еще одной важной характеристикой вещных прав. Оно подразумевает, что такие права следуют за объектом, даже если он меняет своего владельца. В случае продажи или передачи имущества, вещные права не теряются, они остаются в силе, что защищает интересы кредиторов и других заинтересованных сторон.

Государственное законодательство вводит закрытый перечень вещных прав, что позволяет исключить незаконные и произвольные попытки расширения этого списка. В отличие от обязательств, где может быть множество способов регулирования, вещные права регулируются исчерпывающими нормами, которые четко определяют их содержание. Этот аспект законодательства обеспечивает стабильность и предсказуемость в сфере вещных прав.

Публичность информации о вещных правах также является важным признаком. Доступность данных о владельцах и их правах на имущество позволяет всем заинтересованным сторонам определить, кто является правомочным владельцем конкретной вещи. Такая открытость способствует большей защите прав собственников, поскольку уменьшает возможности для мошенничества и нарушения прав третьих лиц [4, с. 7].

Существует также система специфических вещно-правовых исков, которые предназначены для защиты вещных прав. В отличие от обязательственных исков, эти процедуры позволяют эффективно отстаивать свои права на имущество, укрепляя правовую защиту собственности и способствуя стабильности гражданских оборотов. Защита прав осуществляется не только через судебные разбирательства, но и через административные меры, что расширяет возможности для собственников [5, с. 24].

Таким образом, признаки вещного права включают индивидуально определенность объекта, абсолютный характер, право следования, закрытый перечень, публичность и наличие специфических исковых средств. Эти характеристики дают четкое понимание правового статуса вещных прав и их отличия от других категорий прав, таких как обязательственные. Понимание данных признаков играет важную роль в правоприменительной практике и формировании эффективной правовой системы в целом.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 2. — 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
4. Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2005.
5. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. — Москва: Статут, 2019.

О возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым)

Челякова Кристина Михайловна, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье анализируется институт досудебного соглашения о сотрудничестве в контексте его применения в отношении несовершеннолетних. Рассматриваются особенности правового статуса несовершеннолетних, специфика уголовной ответственности и воспитательного воздействия, а также проблемы и перспективы применения досудебного соглашения о сотрудничестве в отношении данной категории лиц. Выявлена необходимость внесения изменений в главу 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, несовершеннолетний, уголовный процесс, правосудие, воспитательное воздействие, защита прав.

On the possibility of concluding a pre-trial collaboration agreement with a minor suspect (accused)

Chelyakova Kristina Mikhailovna, student master's degree

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article analyzes the institution of pre-trial cooperation agreement in the context of its application to minors. It examines the features of the legal status of minors, the specifics of criminal liability and educational influence, as well as the problems and prospects of applying pre-trial cooperation agreement to this category of persons. The need to amend Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation «Special Procedure for Making a Court Decision When Concluding a Pre-trial Cooperation Agreement» is identified.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, minor, criminal proceedings, justice, educational influence, protection of rights.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, введенный в российское федеральное законодательство в 2009 году, призван повысить эффективность расследования преступлений путем стимулирования сотрудничества обвиняемых со следствием [2]. Однако применение данного института в отношении несовершеннолетних вызывает ряд вопросов, связанных с особенностями их правового статуса и целями уголовного преследования данной категории лиц.

Несовершеннолетние обладают особым правовым статусом, определяющим специфику уголовного процесса с их участием. Приоритетной целью в отношении несовершеннолетних является их воспитание и исправление, а не только наказание. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) предусматривает ряд гарантий, направленных на защиту прав несовершен-

нолетних, включая обязательное участие защитника, учет возрастных и психологических особенностей, возможность применения мер воспитательного воздействия [4].

Вопрос о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними является дискуссионным. С одной стороны, сотрудничество несовершеннолетнего со следствием может способствовать быстрому раскрытию преступления и установлению истины по делу.

С другой стороны, несовершеннолетние в силу возрастных особенностей более подвержены внушению и давлению, что может привести к ложному признанию вины с целью получения обещанных льгот. Они могут не полностью осознавать последствия своих действий и сложность процессуальной ситуации. Несовершеннолетние могут быть неспособны самостоятельно оценить

все преимущества и риски заключения досудебного соглашения. Влияние родителей, опекунов или иных лиц может быть не всегда благоприятным для несовершеннолетнего, например, стремление избежать публичности дела может подтолкнуть законных представителей к побуждению несовершеннолетнего к заключению соглашения, даже если это не в его интересах.

Определить истинную добровольность согласия несовершеннолетнего на сотрудничество значительно сложнее, чем в случае со взрослым обвиняемым [5, С. 74]. Требуются специальные знания в области детской психологии. Также несовершеннолетний должен быть полностью информирован о своих правах и последствиях заключения соглашения, однако сделать это доступным и понятным для него языком — важная задача.

Для оптимизации применения досудебного соглашения о сотрудничестве в отношении несовершеннолетних целесообразно разработать специальные методические рекомендации для правоохранительных органов по работе с несовершеннолетними в рамках досудебного соглашения, а также усилить контроль со стороны суда за соблюдением прав несовершеннолетних при заключении и исполнении соглашения [3, С. 119].

Существующее законодательство не содержит специальных норм, регулирующих особенности заключения досудебного соглашения с несовершеннолетними [1, С. 115]. Это создает проблемы на практике и требует разработки четких правил и процедур, учитывающих специфику данной категории лиц.

Предлагается внести следующие изменения в главу 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»:

1. Дополнение статьи 317.1 УПК РФ следующим пунктом:

«1.1. Досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) при наличии следующих условий:

а) несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) полностью осознает значение своих действий и послед-

ствия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве;

б) досудебное соглашение о сотрудничестве соответствует интересам несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого);

в) законные представители несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) согласны на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве;

г) заключению досудебного соглашения о сотрудничестве предшествовала консультация несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) с педагогом или психологом, имеющим соответствующую квалификацию.

Порядок проведения консультации несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) с педагогом или психологом определяется Правительством Российской Федерации.

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), не достигшим возраста шестнадцати лет, допускается только в отношении преступлений небольшой или средней тяжести».

2. Дополнение статьи 317.2 УПК РФ следующим пунктом:

«1.1 При рассмотрении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) прокурор обязан заслушать мнение педагога или психолога, проводившего консультацию с несовершеннолетним».

Таким образом, применение досудебного соглашения о сотрудничестве в отношении несовершеннолетних требует особого внимания к соблюдению баланса между интересами правосудия и защитой прав несовершеннолетних. Необходимо гарантировать добровольность согласия несовершеннолетнего на сотрудничество, исключить любое давление и обеспечить ему квалифицированную юридическую помощь. Важную роль играет учет возрастных и психологических особенностей несовершеннолетнего при оценке его способности осознавать последствия своих действий и принимать решения.

Литература:

1. Багаутдинов, К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, основные признаки / К. Ф. Багаутдинов // Юрист — Правоведь. — 2018. — № 3. — С. 114–118.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 141 — ФЗ: [принят Государственной думой 5 июня 2009 года: одобрен Советом Федерации 17 июня 2009 года] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2009. — № 26. — Ст. 3139.
3. Солодовник, В. В. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними / В. В. Солодовник // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2023. — № 14. — С. 118–125.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174 — ФЗ: [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.
5. Федосеева, Е. Л. Заключение досудебного соглашения с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) / Е. Л. Федосеева // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2022. — № 2. — С. 73–75.

Нарушение земельного законодательства некоммерческим партнерством

Шабаш Ирина Алексеевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Рассмотрим в статье противоправные ситуации при осуществлении деятельности некоммерческих партнерств, возникающие из-за пробелов в российском законодательстве. Появление некоммерческих партнерств связывают с возросшими потребностями общества в социально ориентированных организациях. Однако отсутствие некоторых требований в Земельном Кодексе Российской Федерации оставляет лазейки для нарушений со стороны указанных партнерств, а также не позволяет суду принимать решения, которые способны предупредить (предотвратить) возможные последующие нарушения. Используем анализ судебной практики, как метод исследования. Внесем законодотворческое предложение.

Ключевые слова: некоммерческое партнерство, некоммерческое гаражно-строительное партнерство, договор аренды на земельный участок, земельные правоотношения.

Одной из задач социального государства является развитие сектора социально ориентированных некоммерческих организаций, которые вносят позитивные изменения в различные сферы общества, включая хозяйственную. Например, деятельность некоммерческих гаражно-строительных партнерств (НГСП) регламентируют Гражданский Кодекс Российской Федерации (ГК РФ), Земельный Кодекс Российской Федерации (ЗК РФ), Федеральный закон «О гаражных объединениях...» № 338-ФЗ, Федеральный закон «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ и иные нормативные акты. Некоммерческой является организация, не извлекающая прибыль в качестве основной цели своей деятельности, соответствующая законодательно определенному перечню требований. Может создаваться в форме некоммерческого партнерства, например, как НГСП — некоммерческое гаражно-строительное партнерство — с целью удовлетворения личных потребностей членов партнерства в эксплуатации гаражей для хранения личных автомобилей, создания максимально комфортной инфраструктуры. Коммерческая составляющая НГСП запрещена законом.

Однако судебная практика показывает изъяны законодательства.

Из Постановления Десятого арбитражного апелляционного суда по Делу № А41–32083/16 следует, что Администрация городского округа в судебном порядке расторгла договор аренды земельного участка с НГСП по причине нарушения ЗК РФ, ГК РФ: ответчик не уплачивал арендные платежи и не соблюдал сроки оплаты, то есть нарушал условия договора [1].

По заявлению председателя партнерства, земельный участок был предоставлен НГСП для реализации социальных потребностей: с целью компенсационного строительства гаражей взамен снесенных из-за новой жилой застройки. Закон позволяет некоммерческой организации осуществлять приносящую доход деятельность лишь в том случае, если это служит достижению целей, указанных в учредительных документах некоммерческого партнерства (ст. 24 Закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ).

Условия договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, определяются гражданским и земельным кодексами и другими федеральными законами (п. 1 ст. 39.8 ЗК РФ). Расторжение в судебном порядке договора аренды предполагает лишение некоммерческого партнерства права осуществлять на участке дальнейшее строительство. Суд первой инстанции по Делу № А41–32083/16 пришел к обоснованному выводу о существенном нарушении ответчиком НГСП своих обязательств по договору аренды и наличии оснований для его расторжения из-за неуплаты аренды. В апелляционной жалобе ответчик ссылаясь на имеющееся разрешение на строительство на спорном земельном участке, но Десятый арбитражный апелляционный суд поддержал решение первой инстанции, посчитав, что наличие разрешения на строительство не препятствует удовлетворению требований о расторжении договора аренды.

Однако далее Арбитражный суд по Делу № А41–32083/16 выносит Дополнительное решение [2], указав, что договор аренды муниципального земельного участка между Администрацией и НГСП был расторгнут, а исковые требования об обязании ответчика возратить истцу земельный участок судом рассмотрены не были. Исследовав материалы дела, суд пришел к выводу, что требование об обязании ответчика (НГСП) возратить истцу (Администрации городского округа) земельный участок не подлежит удовлетворению, из-за фактического несоответствия состояния земельного участка правовой норме ГК РФ. При прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором он его получил, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором (ч. 1 ст. 622 ГК РФ).

Вместе с тем, на арендованном под гаражное строительство земельном участке к моменту расторжения договора аренды уже была возведена и введена в эксплуатацию первая очередь многоуровневого гаража-стоянки, парковочные места в которых подлежали передаче в собственность гражданам — членам некоммерческого гараж-

но-строительного партнерства. Таким образом, возврат арендованного земельного участка в том состоянии, в котором его получило НГСП, то есть свободным от прав иных лиц и строений, не могло быть произведено без сноса расположенного на нем недвижимого имущества. Иск, удовлетворение которого предполагает снос гаража-стоянки, не подлежал рассмотрению судом под видом требования о возврате арендуемого участка по правилам, которые регулируют отношения, возникающие из договора аренды. Сославшись на правовую позицию Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 25.01.2011 № 10661/10, Определение ВС РФ от 08 декабря 2016 года № 305-ЭС16-12989, Определение ВС РФ от 02 октября 2015 года № 306-ЭС15-12425, суд решил в исковых требованиях Администрации об обязанности НГСП передать (вернуть) спорный земельный участок — отказать.

Из последующих действий председателя некоммерческого партнерства и дальнейших судебных разбирательств видно, что отмена договора аренды на земельный участок и при этом отказ требованию передать спорный участок обратно в муниципальную собственность создали правовую ситуацию, результатом которой стали дальнейшие нарушения Закона со стороны НГСП, повлекшие так же хищение муниципальной земли.

Как следует из материалов Дела № А41-58155/22 [3], на указанном земельном участке, после расторжения договора аренды, НГСП продолжило строить гаражные боксы, аргументируя свою деятельность тем, что Дополнительным Решением суд отказал Администрации в праве требовать возврата спорного земельного участка. А если суд оказал, то, решил председатель НГСП, участок остался в пользовании партнерства и можно продолжать строительство гаражей.

Юридическая безграмотность участников гражданско-правовых и иных правовых отношений не может быть нивелирована в процессе судебных разбирательств, так как функции суда заключаются в регулировании споров и конфликтов, защите прав и интересов граждан и юридических лиц. Суд пресекает незаконные действия и наказывает нарушителей, исходя из действующих норм права, а формулирование самих норм есть прерогатива уполномоченных органов государственной власти. Совершенствование законодательства — это постоянный процесс, обеспечивающий соответствие юридических норм существующим общественным отношениям путем систематизации и доработки, в том числе, с помощью изучения правоприменительной практики и выявления законодательных ошибок, способных при судебном регулировании споров порождать новые нарушения и споры.

Как следует из Дополнительного Решения [2], Администрации было отказано в передаче (возврате) ей земельного участка. Из последующих судебных разбирательств [3] видно, что на спорном земельном участке развернулось масштабное строительство новых гаражных боксов, где аргументом председателя партнерства в защиту своей позиции в суде была именно ссылка

на судебный отказ на передачу Администрации земельного участка. Якобы, оставив за НГСП земельный участок, суд разрешил дальнейшее использование участка после расторжения договора аренды на него. Следствием такого недопонимания стал факт незаконного строительства новых гаражных боксов и последовавшие далее многочисленные судебные иски муниципальных властей о незаконном строительстве с требованием сноса незаконных строений. Так как часть гаражей была перепродана, то к делу подключились третьи лица со своими правами и требованиями.

Из судебной практики видно, что судами неоднократно принимались решения по искам муниципальных органов к нарушающим договор аренды арендаторам земельных участков, но при этом с обоснованным отказом требованию вернуть участок собственнику (арендодателю) в исходном состоянии, как того требует ст. 622 ГК РФ [4] [5] [6].

Одним из основных принципов земельного законодательства является принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, за исключением отдельных случаев (пп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ). А отчуждение собственником принадлежащей ему части здания проводится вместе с отчуждением доли указанного лица в праве собственности на земельный участок, на котором расположено здание (ч. 4 ст. 35 ЗК РФ). То есть администрация, расторгнув договор аренды, не может требовать вернуть участок в исходном состоянии, так как фактически имеет права на ту часть земельного участка, которая была передана арендатору за вычетом части, находящейся под уже построенным объектом — гаражом-стоянкой. Требуется деление участка с учетом сложившейся новой правовой ситуации.

Судебная практика показывает, что суды, принимая решение о расторжении договора аренды и отказывая в требовании возврата участка арендодателю, не принимают необходимого решения об обязанности муниципального или государственного органа в совершении последующего деления участка, так как такое нормативное требование отсутствует.

На практике судьба спорных земельных участков (исходных) такова:

— в лучшем (правильном) случае, муниципальные власти снимают его с государственного кадастрового учета, из площади исходного участка исключают все те участки, которые были зарегистрированы в ЕГРН на праве частной собственности в связи с осуществленным строительством, и оставшуюся часть от исходного участка заново ставят на кадастровый учет, но уже без конфликтов права собственности на землю;

— в худшем случае, муниципальные власти ничего не делают до тех пор, пока не возникнут спорные ситуации, требующие судебного разбирательства, часто с пострадавшими третьими лицами.

Несовершенство закона порождает новые спорные правовые ситуации.

В заключение можно сказать следующее.

Для исключения возможности появления новых спорных ситуаций с правами на земельные участки, которые передаются некоммерческим партнерствам под строительство гаражей, нужно внести дополнения (изменения) в законодательство. Например, добавить в статью 35 Земельного Кодекса РФ пункт, обязывающий государственные или муниципальные органы власти после расторжения договора аренды государственного или му-

ниципального земельного участка провести проверку соответствия изъятого из аренды земельного участка требованиям статьи 622 ГК РФ. В случае несоответствия, обязать государственные или муниципальные органы власти провести инвентаризацию исходного земельного участка с последующим перекадастрированием и выделением (исключением) отдельных участков, оформленных в частную собственность с соблюдением норм российского законодательства.

Литература:

1. Решение арбитражного суда Московской области по Делу № А41–32083/16. — Текст: электронный // Портал Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Z0ocTMpMUHZm/?ysclid=m6w7f7xdwth947931436>
2. Дополнительное решение по делу № А41–32083/16. — Текст: электронный // Портал Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/0lT2HJ85r91w/?ysclid=m6wgfvy39w239795349>
3. Решение арбитражного суда Московской области по делу № А41–58155/2022. — Текст: электронный // Портал Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bLj6e3Saf6JR/?ysclid=m6wh5hns5444923538>
4. Определение Верховного суда РФ по делу № А65–16153/2014. — Текст: электронный // Портал Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/jIJGOwrS6NmT/?ysclid=m6p71ve6kq404520988>
5. Определение Верховного Суда РФ от 8 декабря 2016 г. N 305–ЭС16–12989 по делу N А41–88989/2015. — Текст: электронный // Портал Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/71565870/?ysclid=m6xacl2ddl391585170>
6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 января 2011 г. N 10661/10. — Текст: электронный // Портал Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100060/?ysclid=m6xae7s03d420744581>

Уголовно-правовое обеспечение транспортной безопасности

Шапошников Владислав Александрович, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье рассматривается уголовно-правовое обеспечение транспортной безопасности.

Ключевые слова: безопасность, транспорт, обеспечение, законодательство, ответственность, статистика, наказание.

Понятие транспортной безопасности образуется из двух составляемых — безопасность и транспорт, первое из которых подразумевает состояние защищенности от опасностей и угроз, второе очерчивает конкретные границы — область или сфера передвижения людей и грузов с использованием различных видов транспорта (автомобильный, железнодорожный, воздушный, водный).

Статья 1 Федерального закона «О транспортной безопасности» от 09.02.2007 № 16-ФЗ (далее — Федеральный закон № 16-ФЗ) устанавливает, что «транспортная безопасность — состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства» (п.10) [3].

В контексте транспортной безопасности это подразумевает предотвращение аварий, терактов и других происше-

ствий, которые могут нанести вред людям или имуществу. Отметим, что транспортная безопасность затрагивает все составные части указанной этой сферы, включая инфраструктуру, транспортные средства и процессы управления движением. Транспортная безопасность обеспечивает защиту всех участников транспортного процесса и самой системы транспортировки от возможных рисков и угроз.

В свою очередь, согласно п.5 ст.10 Федерального закона № 16-ФЗ, «обеспечение транспортной безопасности — реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства».

Одним из важнейших инструментов обеспечения транспортной безопасности выступает уголовное право,

которое предусматривает меры ответственности за преступления, то есть уголовно наказуемые деяния, угрожающие стабильности и безопасности транспортного комплекса.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит главу 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» (ст. ст. 263–271.1) [2], непосредственно посвященную транспортной безопасности, при этом отметим, законодательство не дает определение понятию «транспортное преступление».

Полагаем возможны согласиться с мнением Н. Н. Окутиной, которая считает, что «транспортные преступления — предусмотренные уголовным законом, виновно совершенные общественно опасные деяния, посягающие на нормальное функционирование, т. е. движение и эксплуатацию воздушного, железнодорожного, водного и иных транспортных средств, создающие угрозу причинения смерти и вреда здоровью людей или имущественного ущерба, либо причиняющие их» [5, с. 7], поскольку данное определение наиболее полно трактует данное понятие.

Опуская уголовно-правовую характеристику рассматриваемого вида преступлений, которая достаточно подробно рассмотрена в научной и учебной литературе по уголовному праву, заметим, что общественная безопасность, являющаяся частью родового объекта преступлений, рассмотренных в разделе IX УК РФ, подразумевает исключение и предупреждение как существующих, так и возможных угроз жизненно важным интересам граждан, общества и государства, возникающих вследствие техногенных факторов и социально опасного поведения людей на транспорте и сопутствующей ей инфраструктуре.

Круг преступных деяний, охватываемых главой 27 УК РФ, достаточно широк, от нарушения правил дорожного движения и международных полетов до недоброкачественного ремонта и приведения в негодность транспортных средств. В контексте исследования заслуживает внимания ст. 263.1 УК РФ «Нарушение требований в области транспортной безопасности», которая предусматривает уголовную ответственность за деяния, либо недеяния, вопреки требованиям, которые установлены именно в целях обеспечения транспортной безопасности.

Уголовная ответственность по данной статье наступает в случае, если последствия нарушений требований транспортной безопасности выразились в причинении тяжкого вреда здоровью или смерти человека либо причинения крупного ущерба (более 1 млн. руб.). В случае, если требования безопасности нарушены, но последствия не столь значительны и не описаны в указанной статье Кодекса, виновное лицо привлекается к административной ответственности в соответствии со ст. 11.15.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ [1].

В ч.1 ст.263.1 УК РФ акцент сделан на соблюдении транспортной безопасности, а в ч.2 на ее обеспечении, и в первом случае это подразумевает несовершенство, неполное

(недостаточное) совершение предписанных действий либо совершение действий, прямо запрещенных требованиями, закрепленными в нормативно-правовых актах, а во втором случае непринятие необходимых мер по недопущению несовершенства, неполного (недостаточного) совершения предписанных действий либо совершения действий, прямо запрещенных в целях обеспечения состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства.

Поскольку обязанность соблюдать и обеспечивать установленные требования возложена на должностных лиц и работников организаций, осуществляющих эксплуатацию транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры, они и являются специальными субъектами ответственности за нарушения требований транспортной безопасности.

Так как предметом данного преступления являются транспортная инфраструктура и транспортные средства, то это могут быть как собственники указанного предмета, так и лица проводящие инструктаж по технике безопасности и лица, непосредственно отвечающие за его эксплуатацию. Главное условие — на них законом должна быть предусмотрена и возложена обязанность по соблюдению и обеспечению соответствующих требований, и они его не выполнили. В случае, если данное условие не закреплено в требованиях, не возложены обязанности на конкретного человека, то, соответственно, и лицо их нарушившее, не несет уголовной ответственности по данной статье, поскольку не обязано было их выполнять.

Также нет повода для привлечения к уголовной ответственности лица обязанного соблюдать и обеспечивать, если требование закреплено и лицом выполнено всё, что было предписано, но инцидент произошел вследствие поведения пострадавшего. Например, это имеет место, когда несовершеннолетние получают травмы, пытаясь проехать на вагоне или прицепившись к троллейбусу, либо когда пассажиры самовольно выпрыгивают из вагонов и получают травмы (разбиваются насмерть).

Статья 263.1 УК РФ содержит в ч. ч. 3 и 4 квалифицирующие составы — смерть одного или более лиц, либо совершение преступления группой по предварительному сговору или организованной группой, определение которым дается в ст.35 УК РФ. Квалифицирующие составы предусматривают более строгое наказание, например, если по ч.1 данной статьи максимальный срок лишения свободы один год, а по ч.2 лишение свободы уже пять лет, то по ч.3 и 4 семь и восемь лет, соответственно.

Статьей 8 Федерального закона № 16-ФЗ установлено, что требования по обеспечению безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, устанавливаются Правительством РФ. По состоянию на 27.02.2025 г., по данным справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», имеется 17 различных постановлений Правительства РФ об утверждении требований в рассматриваемой области,

в том числе для морского, автомобильного, железнодорожного, внутреннего водного, наземного электрического и иных видов транспорта, а также для различных объектов транспортной инфраструктуры.

Несмотря на достаточно полную регламентацию и достаточно строгую ответственность за несоблюдение правил транспортной безопасности, данные о происшествиях в рассматриваемой сфере оставляют желать лучшего. Согласно сведениям Информационного центра МВД России за 2023 год, транспорт остается одним из наиболее опасных видов передвижения. Зафиксировано свыше 132 тысяч только дорожных аварий, причем более 14 тысяч из них привели к смертельному исходу. В результате происшествий пострадало около 160 тысяч человек, получивших травмы, что на 4,5 % превышает данные статистики за 2022 год. Большинство водителей оказались неспособны гарантировать безопасность движения транспортных средств [8, с. 72].

О значимости борьбы с преступлениями в сфере обеспечения транспортной безопасности говорят и данные судебной статистики. По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2023 г. по всем составам преступлений, предусмотренным Главой 27 УК РФ, в целом по России осуждено 60472 чел. (10,3 % от общего числа осужденных), что на 9,5 % меньше чем в 2022 г. (66836 чел. или 10,9 % от общего числа осужденных) [11]. При этом большая доля, порядка 80 % приходится на управление транспортными средствами в состоянии опьянения. Отметим, что по ст.263.1 УК РФ в 2023 г. осуждено 2 чел. (ч.1 и ч.2 по 1 чел.), в 2022 г. только один человек по ч.2 ст.263.1 [12].

Как видим, в анализируемом периоде количество рассматриваемых преступлений сократилось, что может быть обусловлено усилением профилактических мероприятий и повышением эффективности работы правоохранительных органов, а также общей направленностью современной российской уголовной политики на применение альтернативных мер наказания, таких как условное осуждение или штраф, вместо реального лишения свободы.

Современные вопросы уголовно-правового обеспечения транспортной безопасности находят отражение в научной публицистике и требуют скорейшего адекватного решения. Например, активное использование

в последнее время беспилотных транспортных средств (дроны, автомобили). В этой связи Р. В. Светлов поднимает вопрос квалификации преступлений, связанных с их использованием и констатирует, что в настоящее время имеется ряд юридических и фактических сложностей, в частности, неясно, кто должен нести ответственность в случае нарушения правил безопасности движения — оператор, который контролирует транспортное средство, его владелец, производитель программного обеспечения или сам разработчик автономных систем. Далее автор приходит к выводу, что существующие нормы уголовного права не всегда могут быть адекватно применены к новым условиям, что требует пересмотра подходов к квалификации таких преступлений [7, с.194].

Н. А. Толмачев и А. А. Устинов указывают на существующую неопределенность понятия и признаков транспортных преступлений, их разновидности, угрозы, которые они представляют для безопасности транспорта, а также другие вопросы, связанные с такими деяниями [8, с. 73]. Этой же точки зрения придерживается и В. Н. Шиян, отмечая, что категория «транспортные преступления» не ограничивается только Главой 27 УК РФ, что обусловлено отсутствием легальной дефиниции «транспортное преступление», которая бы включала наиболее главные, существенные, общепризнанные признаки и не вызывала полемики [10, с.58].

По мнению Д. А. Хапенской, в сфере противодействия транспортным преступлениям встречается фрагментарный, хаотичный и разновекторный характер без целостной, социальной, криминологически и научно обоснованной, экономически сбалансированной уголовной политики, что не отвечает существующим общественным отношениям [9, с. 834].

Таким образом, в настоящее время существует насущная необходимость дальнейшего совершенствования уголовного законодательства для обеспечения транспортной безопасности. Современные реалии ставят перед правовой системой вызовы, требующие пересмотра существующих норм и подходов к квалификации преступлений, связанных с транспортной безопасностью. Это позволит эффективнее реагировать на изменения в технологической среде и обеспечивать надлежащий уровень транспортной безопасности в условиях динамичного развития общества.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст.1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст.2954.
3. О транспортной безопасности: федер. закон [от 09.02.2007 № 16-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2007. — № 7. — Ст.837.
4. Напханенко, И. П. Правовое обеспечение транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах: учебник / И. П. Напханенко, А. В. Федоров, Е. Г. Донченко; под общ. ред. И. П. Напханенко. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 83 с.

5. Окутина, Н. Н. Транспортные преступления: учебник / Н. Н. Окутина. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 160 с.
6. Преступления против безопасности движения или эксплуатации транспорта: учебное пособие / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.]; под ред. А. Н. Попова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. — 47 с.
7. Светлов, Р. В. К вопросу о субъекте преступления с использованием беспилотного транспортного средства в контексте преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств / Р. В. Светлов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 9–5(96). — С. 193–195.
8. Толмачев, Н. А. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств / Н. А. Толмачев, А. А. Устинов // Universum: экономика и юриспруденция. — 2024. — № 10(120). — С. 71–74.
9. Халепская, Д. А. Тенденции уголовно-правовой политики в Российской Федерации в области противодействия преступлениям, посягающим на безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / Д. А. Халепская // Аллея науки. — 2024. — Т. 1, № 4(91). — С. 832–837.
10. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2022–2023 гг. [Электронный ресурс] — Судебный департамент при Верховном суде РФ. — Режим доступа: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 27.02.2025)
11. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2022–2023 гг. [Электронный ресурс] — Судебный департамент при Верховном суде РФ. — Режим доступа: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 27.02.2025)

Расширение полномочий Федеральной службы судебных приставов в России

Шигаева Ангелина Витальевна, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красноярск)

В данной работе анализируется возможность предоставления сотрудникам отделов розыска Федеральной службы судебных приставов (ФССП) полномочий по проведению оперативно-розыскных действий. Автор аргументирует важность данной инициативы, акцентируя внимание на трудностях, возникающих при исполнении судебных постановлений, в частности, на случаях уклонения должников от погашения долга и сокрытия ими своих активов.

Ключевые слова: судебные приставы, оперативно-розыскные мероприятия, исполнение судебных решений, права и свободы граждан, борьба с уклонением от уплаты долгов.

Expansion of the powers of the Federal Bailiff Service in Of Russia

This paper analyzes the possibility of granting employees of the Federal Bailiff Service (FSSP) search departments the authority to conduct operational-search actions. The author argues the importance of this initiative, focusing on the difficulties that arise in the execution of court orders, in particular, in cases of debtors evading debt repayment and concealing their assets.

Keywords: bailiffs, operational-search activities, enforcement of court decisions, rights and freedoms of citizens, combating debt evasion.

На сегодняшний день проведение оперативно-розыскных мероприятий регулируется Федеральным законом № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскных мероприятиях» (далее также ФЗ 144), в соответствии с первой статьей данного закона, оперативно-розыскные мероприятия — это форма работы, которую проводят открыто и тайно подразделения оперативных служб государственных органов, имеющих соответствующие полномочия. Эта деятельность осуществляется в рамках их компетенции с целью защиты человеческой жизни, здоровья, прав и свобод, а также собственности, и направлена на обеспечение безопасности общества и государства от противоправных действий. [2]

В 6 статье данного Федерального закона указано 15 способов осуществления оперативно-розыскных мероприятий, к ним относятся: опрос, наведение справок, наблюдение, оперативный эксперимент, исследование предметов и документов и пр., а осуществлять данные действия имеют право исключительно МВД, ФСБ, ФСО, ФСИН таможенные органы и службы внешней разведки.

В современном обществе проблема неисполнения судебных решений остается актуальной. Судебные приставы играют ключевую роль в обеспечении исполнения судебных актов, однако их возможности в розыске должников и их имущества ограничены. В настоящее время

предметом активных дискуссий становится предложение наделить должностных лиц подразделений Федеральной службы судебных приставов правом проводить оперативно-розыскные мероприятия.

Существующая на сегодняшний день система исполнения судебных решений сталкивается с рядом проблем, которые в том числе включают в себя проблему уклонения должников от уплаты своих задолженностей, а также сокрытия своего имущества. На сегодняшний день судебные приставы, несмотря на свои полномочия, довольно часто сталкиваются с трудностями в розыске должников и их активов. Это, в первую очередь, обусловлено отсутствием у них права проводить оперативно-розыскные мероприятия, которые могли бы значительно повысить эффективность их работы.

В целом говоря о расширении полномочий судебных приставов, нельзя не отметить, что в 2024 году в российском парламенте был зарегистрирован законопроект (№ 613023–8), который предлагал изменить закон «Об органах принудительного исполнения РФ». Цель изменений — расширить права сотрудников ФССП. Предлагаемые нововведения должны дать право всем судебным приставам использовать физическую силу, специальные средства и даже огнестрельное оружие в целях предотвращения злоупотребления со стороны должников. На момент рассмотрения законопроекта такие полномочия были лишь у приставов, отвечающих за поддержание порядка в судах. [2]

Данный законопроект был принят Государственной думой и одобрен Советом Федерации 2 августа 2024 г. Принятый Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» от 08 августа 2024 № 239-ФЗ, предусматривает, что в соответствии с федеральными конституционными законами, данным Федеральным законом, а также другими нормативными актами, сотрудники органов принудительного исполнения вправе прибегать к физической силе, использовать специальные средства и применять огнестрельное оружие, но при обязательном соблюдении установленных процедур и условий в законах. [3]

Исходя из того, что данный федеральный закон был принят, можно сделать вывод о том, что законодатель идет к тому, чтобы увеличивать спектр полномочий судебных приставов.

Возвращаясь к вопросу о включение ФССП в число субъектов, которые будут уполномочены осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, нужно отметить, что это может стать важным шагом в борьбе с неисполнением со стороны должников судебных решений. Совершение данного шага приведет к значительным улучшениям в процессе привлечения должника к ответственности, а именно:

1. Значительно увеличит полномочия ФССП, как следствие даст возможность более рационально распределять ресурсы службы, сосредотачиваясь на наиболее сложных случаях неисполнения судебных актов.

2. Позволит точнее выявлять местонахождение должников, а также их имущество.

3. Как следствие ускорит процесс взыскания задолженности, что положительно отразится на имидже судебной системы и ее эффективности.

4. В конечном счете увеличение полномочий приставов ФССП приведет к увеличению числа должников, добровольно исполняющих судебные решения.

Содействие в оперативном обнаружении должников и их собственности ускорит процедуру взыскания долгов, что в свою очередь положительно отразится на репутации судебной системы и ее результативности. Кроме того, это укрепит доверие граждан к правосудию и будет способствовать поддержанию правопорядка.

Как следствие расширение полномочий ФССП приведет к некоторым позитивным изменениям:

- Судебные приставы смогут более эффективно обмениваться информацией с другими правоохранительными структурами, что улучшит координацию и повысит общую результативность работы.

- Внедрение новых полномочий потребует от сотрудников ФССП освоения новых навыков и знаний, что в свою очередь повысит их профессиональный уровень.

- Эффективная работа по взысканию долгов станет сдерживающим фактором для потенциальных неплательщиков, что в перспективе снизит количество случаев уклонения от исполнения судебных решений.

Несмотря на потенциальные положительные тенденции развития ФССП, предложение о расширении полномочий судебных приставов вызывает определенные опасения. В частности, необходимо:

- Обеспечить строгий контроль за деятельностью приставов, чтобы исключить возможность злоупотреблений ими полномочий. В связи с этим потребуются разработать четкие регламенты и механизмы контроля за проведением оперативно-розыскных мероприятий ФССП.

- Проводить оперативно-розыскные мероприятия в строгом соответствии с законом, уважая права и свободы граждан. Важно обеспечить защиту персональных данных и конфиденциальной информации, полученной в ходе такого рода мероприятий.

Для минимизации негативных последствий необходимо разработать детальный план реализации, который в свою очередь будет включать в себя:

- Четкое определение полномочий ФССП в сфере оперативно-розыскной деятельности.

- Разработку процедур контроля и надзора за деятельностью судебных приставов.

- Обеспечение соблюдения прав и свобод граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Важно отметить, что в реальной работе Федеральная служба судебных приставов (ФССП) регулярно проводит действия, которые требуют оснований для оперативно-розыскной деятельности. Анализ отдельных таких мероприятий показывает, что сотрудники ФССП уже сейчас фактически способны выполнять большинство из них. Однако, отсутствие четкого правового закрепления со-

здает риск осуществления противоправных действий со стороны судебных приставов.

Исходя из этого, представляется важным изменить Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», дополнив статью 13, включив в нее пункт 10, в котором будет указана Федеральная служба судебных приставов России. [4]

Наделение сотрудников отделов розыска службы судебных приставов правом на осуществление оператив-

но-розыскных действий открывает существенные возможности для улучшения процесса приведения судебных актов в исполнение. Тем не менее, для эффективного внедрения данной меры требуется детальная проработка всех сопутствующих вопросов и разработка мер, направленных на минимизацию потенциальных опасностей. Это, в свою очередь, не только повысит результативность деятельности судебных приставов, но и укрепит доверие общества к правосудию.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/
2. Адвокат Саркисов. Режим доступа: URL: <https://www.advokat-sarkisov.ru/novosti/polnomochiya-pristavov-po-ispolzovaniyu-oruzhiya-rasshiryat/> (дата обращения 03.04.2025)
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» от 08.08.2024 № 239-ФЗ (последняя редакция). // КонсультантПлюс: Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482481/ (дата обращения: 03.04.2025).
4. Губанов М. Н. Право судебных приставов на оперативно-розыскную деятельность // Юридическая наука. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-sudebnyh-pristavov-na-operativno-rozysknuyu-deyatelnost> (дата обращения: 03.04.2025).

Изменение и прекращение гражданско-правового договора: опыт Российской Федерации и ФРГ

Якушева Лейсен Миннивазыховна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье раскрываются правовые аспекты изменения и прекращения гражданско-правового договора по гражданскому законодательству Российской Федерации и ФРГ. Автор рассматривает особенности изменения и прекращения гражданско-правового договора, опираясь на положения части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Германского гражданского уложения 1896 года. В работе обозначены как отличительные, так и схожие черты. Более того, предложены меры по совершенствованию отечественного гражданского законодательства.

Ключевые слова: изменение и расторжение договора, существенное изменение обстоятельств, принцип добросовестности и справедливости, длящиеся обязательственные правоотношения, одностороннее расторжение договора.

Modification and termination of civil law contracts: the experience of the Russian Federation and Germany

Yakusheva Leysen Minnivazykhovna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

This article explores the legal aspects of the modification and termination of civil law contracts under the civil legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. The author examines the peculiarities of modifying and terminating civil law contracts, based on the provisions of Part One of the Civil Code of the Russian Federation and the German Civil Code of 1896. The paper highlights both the differences and similarities between the two legal systems. Furthermore, measures are proposed for the improvement of domestic civil legislation.

Keywords: modification and termination of the contract, substantial change of circumstances, principle of good faith and fairness, continuing contractual relationships, unilateral termination of the contract.

Германское гражданское уложение от 18 августа 1896 года [1] (далее по тексту ГГУ) является одним из наи-

более значительных кодифицированных гражданско-правовых источников в континентальной правовой системе.

Вопросам расторжения договоров уделено внимание в подразделе 3 «Адаптация и прекращение договоров» раздела 1 части 3 книги 2 ГГУ. В рамках нормы § 313 «Нарушение основания сделки» ГГУ указывается, что «если обстоятельства, ставшие основанием для договора, значительно изменились после его заключения и стороны не заключили бы договор либо заключили его с иным содержанием, если бы они предвидели изменение такого характера, можно потребовать адаптации договора, поскольку для одной из сторон участие в договоре без его изменения, с учетом всех обстоятельств дела, в частности распределения рисков в силу договора или закона, неприемлемо» [1].

В случаях с отпадением оснований сделки и расторжением длящегося правоотношения по уважительной причине схожими, а в конкретных ситуациях и идентичными являются следующие факторы. Во-первых, это изменение основания сделки в длящемся правоотношении. Во-вторых, неприемлемость дальнейшего продолжения или существования договорного правоотношения, если в случае с отпадением основания сделки адаптация невозможна или неприемлема. Исходя из второго фактора, когда длящееся правоотношение может быть сохранено на иных условиях, следует обращаться к положениям об отпадении основания сделки, так как нормы о расторжении длящегося правоотношения возможности изменения договора не предусматривают. Хотя стороны, конечно, сами могут вне рамок внешнего регулирования согласовать устраивающие их изменения [2, с.125].

Норма § 313 ГГУ согласуется со статьей 451 ГК РФ, в котором приводится норма об изменении и расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Анализ вышеуказанных норм позволяет прийти к выводу о том, что в ГГУ законодатель пытается адаптировать договор под существенно изменившиеся условия. В ГК РФ законодатель исходит из того, что существенное изменение выступает в качестве основания изменения либо расторжения договора. В этом проявляется отличие.

Интерес представляет пункт 3 § 313 ГГУ. В этой норме указывается, что невозможность применения процедуры адаптации является основанием для отказа лица от договора. В случае, если отношения носят длящийся характер, то вместо отказа лицо может расторгнуть договор [3, с.14]. Отказ от исполнения и расторжение договора ведут к различным последствиям. Наличие такого двойственного регулирования подвергалось критике в научной литературе. Задавался вопрос: почему существуют две различные нормы для одних и тех же ситуаций, в которых помимо собственного оценочного содержания необходима еще и согласованность оценочных выводов между собой? Объяснением этому может быть только то, что обе эти нормы есть следствие их докодификационного развития через категорию неприемлемости в рамках принципа добросовестности. По факту в общей материи данного принципа они находятся и по сей день [2, с.126].

Основания расторжения длящихся обязательственных правоотношений при наличии серьезного основания осуществляется в соответствии с нормами § 314 ГГУ. К. В. Нам отмечает, что «в длящихся правоотношениях, когда для одной из сторон дальнейшее исполнение своих обязанностей становится неприемлемым, часто возникает конфликт интересов сторон, так как другая сторона зачастую заинтересована в дальнейшем продолжении отношений, например она поставляет в длящемся режиме услуги телефонной связи и заинтересована в получении оплаты своих услуг и в будущем. Но если потребитель услуг переезжает в другую квартиру, то ему телефонное подключение к прежней квартире никак не нужно, хотя срок договора установлен еще на несколько лет. Договориться сторонам в таких конфликтных ситуациях не всегда удается, поэтому закон с точки зрения справедливости и учета баланса прав и интересов сторон говорит о том, что у стороны должно быть право на одностороннее расторжение обязательства при наличии у него важной, уважительной причины. Речь здесь об односторонней сделке по расторжению договора. Принцип добросовестности определяет подход к правовому регулированию таких ситуаций. Стороны должны учитывать права и интересы друг друга. Существенный дисбаланс в интересах сторон, неприемлемость дальнейшего исполнения для одной из них должны учитываться правом и корректироваться в необходимых случаях, несмотря на формальные условия обязательства» [2, с.127]. Трудно не согласиться с позицией К. В. Нама. Ученый на примере показал важность и удобство использования механизма расторжения длящихся обязательственных правоотношений.

В пункте 1 § 314 ГГУ указывается, что каждая сторона договора может при наличии серьезного основания расторгнуть длящиеся обязательственные правоотношения без соблюдения срока, требуемого для расторжения договора. Основание считается серьезным, если, с учетом обстоятельств дела, при оценке взаимных интересов продолжение обязательственных правоотношений до предусмотренного договором момента их прекращения либо до истечения срока расторжения неприемлемо для стороны, расторгающей обязательственные правоотношения. Различие с ГК РФ проявляется в том, что расторжение в связи с существенным изменением обстоятельств в германском гражданском законодательстве осуществляется во внесудебном порядке. В ГК РФ в случае недостижения сторонами возможности расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств сторона договора имеет право обратиться в суд.

Срок предъявления требования о расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств в ГГУ установлен в качестве разумного. Получается, что лицо, которое узнало о наличии существенных изменений обстоятельств, имеет право требовать расторжения договора, но ограничено разумными сроками. Разумный срок начинает течь с момента, когда лицо узнало о наличии существенных изменений обстоятельств.

Статья 451 ГК РФ, к сожалению, не указывает сроки расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств. В этом проявляется особенность отечественного гражданского законодательства. Лицо может требовать расторжения договора на основании существенного изменения обстоятельств в любой срок с момента возникновения таких обстоятельств.

Таким образом, гражданское законодательство Российской Федерации и ФРГ по вопросам изменения и прекращения гражданско-правового договора имеют мно-

жество отличительных черт. Несмотря на существенные различия необходимо отметить, что изменение и прекращение гражданско-правового договора в рассмотренных государствах построено на принципах добросовестности и справедливости. В целях совершенствования законодательства предлагается дополнить пункт 1 статьи 451 ГК РФ абзацем 3 следующего содержания: «Изменение и расторжение договора возможно в разумные сроки после того, как лицо узнало о существенном изменении обстоятельств».

Литература:

1. Германское гражданское уложение от 18 августа 1896 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М: Статут, 2019.
3. Очхаев Т. Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. М.: Статут, 2017.

ИСТОРИЯ

Экономическое положение Аргентины в период «бесславного десятилетия» и завершения Второй мировой войны (1930–1945 гг.). Причины корпоративной модернизации народного хозяйства

Гапоненко Сергей Юрьевич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье автором выделяются ключевые особенности развития экономики Аргентины в период «Бесславного десятилетия» и завершения Второй мировой войны (1930–1945 гг.) и на их основе делаются выводы о причинах корпоративной модернизации народного хозяйства страны в последующий период правления генерала Х. Д. Перона.

Ключевые слова: Аргентина, экономика, «Бесславное десятилетие» (1930–1943 гг.), Вторая мировая война (1939–1945 гг.), «Группа объединенных офицеров», Х. Д. Перон.

Корпоративная модернизация аргентинской экономики наступила в 1946 г. с победой на президентских выборах генерала Хуана Доминго Перона, который сделал акцент в своей предвыборной кампании на постепенной ликвидации экономического и политического влияния на Аргентину зарубежных держав, в частности США и Великобритании, а также на внедрении курса социальных реформ, включавший в себя поднятие уровня жизни трудящихся масс, строительство социальной инфраструктуры (школы, больницы, приюты, дома для престарелых и т. д.), национализацию иностранных предприятий и передачу латифундистской земли крестьянам в собственность. [1, с. 436]. Несмотря на то, что Перон ловко использовал подобные популистские лозунги для своей победы, экономика Аргентины в период его первого президентского срока подвергалась резким и беспрецедентным изменениям, которые оказали противоречивое влияние на дальнейшее развитие страны вплоть до президентских выборов 2023 г.

Отметим, что модернизация народного хозяйства страны была вызвана весьма объективными причинами, истоками которых являются результаты экономической политики генералов «бесславного десятилетия» (1930–1943 гг.), а также и «Великая депрессия» конца 1920-х — начала 1930-х гг. Из-за финансового кризиса, затронувшего ключевые страны Запада (США и Великобританию), сокращается рост экспорта в Аргентину на 40 %. Под влиянием данного фактора правительства Х. Урибуру и А. П. Хусто принимают решение о повышении налогов, цен на продукты питания, проезд в об-

щественном транспорте и таможенных пошлин. При этом на основные экспортные позиции Аргентины того времени, а именно пшеницу, кукурузу, лен, кожу и шерсть, падает спрос на мировом рынке. Ключевыми продуктами остаются еще нитраты и металлы, которые с началом Второй мировой войны растут в цене, однако с Аргентиной торговых сделок предпочитают не вести. Причины этого раскрыла Р. Торп [2, с. 120]. По ее мнению, Аргентина в период «бесславного десятилетия» проводила весьма противоречивую внешнюю политику, которая заключалась, с одной стороны, в дистанцировании от Соединенных Штатов Америки и «доктрины Монро» (в 1933 г. правительство генерала А. П. Хусто попыталось объединить латиноамериканские государства против диктатора Вашингтона в регионе, пригласив их подписать «пакт Сааведра Ламаса», однако его подписал только Парагвай) и, с другой стороны, в проведении политики соглашательства и уступок перед Великобританией и Германией. Так в 1933–1934 гг. проводились переговоры между вице-президентом Аргентины Х. А. Роком-младшим, президентом британской Торговой палаты, сэром У. Ренсименом, а также с немецкими министрами иностранных дел и экономики К. фон Нейратом и К. Г. Шмиттом соответственно, на которых были подписаны соглашения о торговле Великобританией и Германией с Аргентиной (в дальнейшем в 1942 г. торговое соглашение с Германией будет разорвано правительством Р. Кастильо в одностороннем порядке). Стоит отметить, что условия для Аргентины были относительно выгодными — страны Европы со-

здавали условия для свободного экспорта сельскохозяйственных товаров Аргентины в обмен на получение контроля над инфраструктурой и банковской сферой.

С началом Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. экономическое положение Аргентины несколько ухудшилось, поскольку государство оказалось отрезанным от европейских рынков после падения стран Бенилюкса и Франции и с началом операции «Орлиный налет» (нем. «Adlerangriff»). Правительство Р. М. Ортиса поспешило переориентировать экономику на сотрудничество с США, однако администрация Ф. Д. Рузвельта отказалась открыть внутренний рынок для аргентинского мяса и зерна по следующим причинам, которые раскрыла Т. Е. Ворожейкина [3, с. 173]. Согласно ее мнению, Аргентина объявила дипломатический нейтралитет, что не очень устраивало руководителей стран Союзников. Однако эта причина не являлась бы таковой, если бы в 1939 г. после первого морского сражения Второй мировой войны в заливе Ла-Плата между британскими кораблями и немецким тяжелым крейсером «Адмирал граф Шпее» власти Аргентины не предоставили бы временное убежище поврежденному немецкому судну и его экипажу во главе с капитаном 1-го ранга Г. Лансдорфом. Это привело к временному обрыву дипломатических отношений с США и Великобританией, которые были восстановлены лишь с отставкой смертельного больного сахарным диабетом Р. М. Ортиса и приходом к власти в Аргентине Р. Кастильо, поспешившим восстановить действие торговых соглашений с Великобританией и заключить оные с США.

Подобная политика приносила определенную выгоду в виде получаемых доходов от торговли, однако контроль Великобритании и США над жизненно важными сферами экономики постепенно привел к кризису, который администрация Кастильо пыталась разрешить путем национализации порта Росарио и нефтяных месторождений провинции Буэнос-Айрес, принадлежащих США. Тем не менее, к улучшению социально-экономической ситуации эти мероприятия не привели, а ужесточение цензуры и осадного положения способствовали росту популярности оппозиции среди военных, к которым и принадлежал тогда еще малоизвестный полковник Х. Д. Перон. Однако отметим, что в период правления Кастильо создаются условия для последующей индустриализации и реализации «пятилетнего плана», поэтому экономическая политика генералов «бесславного десятилетия», как считает Р. Торп, не является исключительно негативной [4, с. 122].

Военный переворот, совершенный 4 июня 1943 г. «Группой объединенных офицеров» (далее — «ГОУ») против Р. Кастильо возвел на вершину власти генералов П. П. Рамиреса и Э. Фарреля, которые завершили индустриализацию и начали переориентацию аграрного сектора Аргентины на удовлетворение продовольственных потребностей населения страны. Во-первых, были расширены пастбищные и садовые угодья для увеличения численности поголовья скота (на 25 %) и урожай-

ности зернового и плодово-овощного фондов Аргентины (на 35 %). Эти новые земли, как отмечает Е. Д. Строганова [5, с. 288], продавались на аукционах за бесценок, и подобные шаги правительства «ГОУ» приводят к формированию класса аргентинской олигархии, фактически, узурпировавшей власть в стране до 1945 г.

В 1943–1945 гг. в Аргентине наблюдается резкое падение уровня доходов от экспорта зерна и мяса на мировой рынок, поскольку предложение превысило спрос на данные категории товаров втрое, и поэтому они остаются на складах, заполняя их до основания. Отсутствие экспортного дохода приводит к ухудшению уровня жизни населения Аргентины — трудящимся не платят зарплаты, многие предприятия закрываются из-за недостатка государственных инвестиций, товары народного потребления не попадают на прилавки рынков и магазинов, поскольку латифундистская олигархия, созданная правительством «ГОУ» и поддерживаемая президентом Э. Фаррелем, как отмечает Е. Д. Строганова [5, с. 289], стремится воспользоваться экономическим кризисом, взвинчивает цены на данные товары в 3–5 раз и жестоко подавляет выступления недовольных. Именно это и способствует росту популярности генерала Х. Д. Перона, вступившего в конфликт с правительством «ГОУ» по вопросу о социальном обеспечении аргентинского населения и посаженного под арест, что и предопределило его победу на выборах президента Аргентины в 1946 г.

Таким образом, причины корпоративной модернизации Аргентины в период «Эры Перона» сформировались в годы «Бесславного десятилетия» и завершения Второй мировой войны (1930–1945 гг.) и заключались в следующем. Во-первых, правительства военных и «ГОУ» способствовали завершению индустриализации страны, а потому несознательно возвысили роль трудящихся в социальной иерархии Аргентины, что дало возможность генералу Перону сделать акцент в своей предвыборной программе на социально-экономических реформах и сделать свой режим «левокорпоративистским». Во-вторых, торговые реверансы между странами-Союзниками по Антигитлеровской коалиции и странами Оси (в частности Германией) привели к нарушению торгового баланса Аргентины и понижению рейтинга на мировом рынке, из-за чего мясо и зерно не пользовалось спросом, а к концу войны спрос и вовсе исчез из-за переизбытка товаров на международной арене. Поэтому в недалеком будущем новой администрации пришлось сделать выбор и определиться с основным торгово-экономическим партнером. В-третьих, сознательное создание национальной латифундистской олигархии привело к углублению экономического кризиса и росту популярности генерала Х. Д. Перона, имевшего свою программу выхода Аргентины из кризиса. Поэтому экономическая политика Аргентины в период 1930–1945 гг. предопределила выбор пути развития государства в пользу корпоративизма.

Литература:

1. Ермолаев В. И. Очерки истории Аргентины. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961.
2. The Cambridge History of Latin America. Volume VI. Latin America since 1930: Economy, Society and Politics. Part I. Economy and Society. — London: Cambridge University Press, 2008.
3. Ворожейкина Т. Е. Генерал Перон и справедливость без свободы // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2024. № 1.
4. The Cambridge History of Latin America. Volume VI. Latin America since 1930: Economy, Society and Politics. Part I. Economy and Society. — London: Cambridge University Press, 2008.
5. Строганова Е. Д. Изучение латиноамериканского фашизма в советской и постсоветской историографии // Берегиня 777 Сова, 2015, № 3 (26).

ПОЛИТОЛОГИЯ

Молодежное сотрудничество в БРИКС в перспективе расширения объединения

Мягков Тимур Владимирович, студент

Научный руководитель: Майстат Максим Александрович, кандидат политических наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

В статье рассматривается молодежное сотрудничество в рамках первичных государств БРИКС как реализация политических технологий, используемых БРИКС как возможность для расширения пространства влияния в глобальной политике.

Ключевые слова: БРИКС, глобальный юг, молодежь, сотрудничество, институт, субъектность.

Современная мировая политика претерпевает значительные изменения в перспективе трансрегионального сотрудничества. Становится очевидным, что мировое пространство усложняется большим количеством взаимодействием как на региональном, так и на макро-региональном уровнях международной политики. Нельзя отрицать факт переосмысления роли перспективных, развивающихся государств, которые приобретают все более значимую роль. Проводником подобного сотрудничества в глобальном пространстве является многостороннее объединение БРИКС, характеризующееся не только высокой долей участия в мировой экономике, но и значительным потенциалом в рамках изменения устоявшихся институтов глобального управления.

На сегодняшний момент в БРИКС входит 10 государств и 9 стран-партнеров по диалогу с институтом-объединением [1]. Все страны представляют различные цивилизации и культуры. В совокупности население стран объединения насчитывает 3,5 миллиарда человек, что соответствует 47 % населения планеты [2]. По совместной доле ВВП БРИКС демонстрирует 35,7 % в паритете покупательной способности населения [3]. Подобные показатели служат наглядным свидетельством эффективности формата БРИКС, основными декларативными задачами которого является построение модели справедливого, равного, конструктивного диалога, где доминирование того или субъекта международных отношений не будет являться приоритетной задачей всего объединения. В сущности следование ориентирам, в рамках которых функционирует БРИКС, дает возможность любой стране вступить в БРИКС государство, стремящемуся к взаимовыгодному сотрудничеству [4].

Одной из приоритетной задач БРИКС является развитие человеческого капитала, создания доступной

и комфортной среды для развития человека, обмена культурным, профессиональным опытом, сотрудничая в образовательной и экономической сферах. В рамках этих задач прошло российское председательство в БРИКС в 2024 году [5]. Важно отметить, что начиная с 2023 года на декларативном уровне трансформировалось. С момента создания акронима БРИК в 2001 году сотрудничество в рамках взаимодействия перспективных экономик предполагало оформление БРИК как неформальной структуры, которая будет основываться на преобразовании мирового хозяйства, путем возможной реализации инициатив реформирования ключевых институтов финансово-экономической системы, основанной на Бреттон-Вудских институтах [6]. XV саммит БРИКС, проходивший в Йоханнесбурге, реорганизовал сотрудничество, перейдя в формат не только экономического сотрудничества, но и в иную модель культурно-цивилизационного диалога, носящего политический характер, создавая платформу для консолидации политических ориентиров и аспектов, связанных с включением в орбиту БРИКС новых государств, а также развития сотрудничества по основным направлениям взаимодействия [7].

Приняв свою очередь в эстафете председательства, Россия значительно активизировала проведение различных профильных дискуссий, мероприятий как для признанных экспертов и лидеров в тех или иных отраслях сотрудничества, так и для развития молодежного сотрудничества, ставшего приоритетной задачей в рамках российского председательства.

Молодежное сотрудничество приобретает дифференцированный характер, поскольку по каждому из аспектов сотрудничества, включая: углубление взаимодействия молодых ученых, развитие туризма, социальное партнерство, поддержка сотрудничества на уровне муници-

палитетов, повышение роли БРИКС в международной валютно-финансовой системе.

В рамках ряда ключевых деловых мероприятий были проведены специальные сессии для молодых представителей стран БРИКС, посвященные научному сотрудничеству стран БРИКС, молодежный энергетический саммит, форум молодых ученых БРИКС, свою работу проводила Международная Школа БРИКС [8].

Очевидно, что регулярные встречи представителей и лидеров отраслей сотрудничества БРИКС наглядно раскрывают высокую социальную активность внутри объединения, интегрируя все больше молодых людей в международное сотрудничество. Проведение подобных мероприятий служит реализации стратегической задачи раскрытия интеграционных компетенций, привлекая наибольшее количество представителей молодежи.

Апогеем в рамках формата мероприятий для юных представителей стран БРИКС стал Молодежный саммит БРИКС, проходивший в Ульяновске. Декларация, прошедшего саммита, содержит консолидированные предложения по основным направлениям гуманитарного сотрудничества БРИКС: образование и наука, молодежное предпринимательство, технологии, общественная работа [9]. Не менее значимой задачей саммита стала создание среди молодежи грамотного, выверенного, конструктивного представления о деятельности БРИКС, что прослеживалось в рамках различных мероприятий в год российского председательства.

В этой связи, не менее приоритетной задачей являлась формирование конструктивного образа БРИКС в представлении молодежной аудитории, которая является одним из катализаторов сотрудничества, стирая национальные и цивилизационные границы. Реализация «ценностей БРИКС» возможна только через молодую, перспективную аудиторию, готовую реализовывать сотрудничество в объединении в контуре глобальной перспективы [10].

Для подобной модели сотрудничества был создан сетевой университет БРИКС, который нельзя назвать высшим учебным заведением в классическом понимании. Первоочередным аспектом в рамках сетевого университета является включение в свою орбиту ведущих образовательных организаций стран, входящих в БРИКС, что способствует не только формированию образа объединения среди молодежи, но и академическому обмену и созданию объективного образа БРИКС как международной структуры, созданной для многополярного сотрудничества и мира без блоковых противоречий в мировой политике [11].

Нельзя не отметить первоочередность для БРИКС не только выгоду, основанную на экономическом партнерстве, но и привлечение самой активной части общества стран-членов международной группы — молодежи. Для межстранового формата вопрос укрепления своей легитимности в общественном сознании не утратил своей значимости, поскольку в рамках взаимовыгодного сотрудничества становится необходимым продемонстрировать

наглядную выгоду от транспарентного сотрудничества, иначе говоря, утилитарную группу ресурсов политического воздействия.

Ведущим элементом международного сотрудничества БРИКС становится наличие сетевых программ ведущих университетов объединения, позволяющих развивать академическую мобильность в рамках различных государств БРИКС. Подтверждением служат результаты исследования «Образ России и БРИКС в представлении молодежи стран БРИКС». В рамках изучения тематики молодежного сотрудничества были затронуты образовательные организации первых пяти членов БРИКС: России, Индии, Китае, Южной Африке и в Бразилии.

С помощью применения анкетирования и метода фокус-групп был охвачен круг из 5.500 респондентов из стран объединения. Отметим, что респонденты являются обучающимися в ведущих высших учебных заведениях, а также начинающие специалисты, находящиеся на этапе создания карьеры. В качестве целевой аудитории была выбрана молодежь в рамках классификации возрастных групп, предлагаемых ВОЗ.

Результаты исследования продемонстрировали высокую долю заинтересованности в БРИКС как потенциальном институте, способном предоставить возможности для профессионального развития.

Наибольшим интересом БРИКС пользуется среди молодежи Бразилии — 97 %, что является логичным следствием продолжения инициатив латиноамериканского государства по институционализации объединения и финансово-экономического сектора в частности. Южная Африка также демонстрирует высокую долю заинтересованности, составляющую 93 %, обусловленную тем же экономическим аспектом сотрудничества. Китай также сохраняет значительный потенциал сотрудничества, несмотря на скептическое отношение к потенциальному расширению БРИКС и привлечению противоположных цивилизаций. Российская молодежь также составляет существенную долю заинтересованности сотрудничества, что связано не только с прошедшим годом председательства России в БРИКС, но и в связи с доктринальным курсом на расширение сотрудничества со странами БРИКС в рамках вопросов не только безопасности и экономики, но и учитывая гуманитарное взаимодействие.

Наименьший показатель принадлежит Индии — 58 %. Подобное значение связано с рассмотрением Индией БРИКС не в качестве основного торгового партнера в условиях продолжения диалога с государствами романогерманской цивилизации, прежде всего — США. В этой связи, можно предположить, что развивающаяся молодежь Индии дифференцирована, однако, большая часть рассматривает страны БРИКС как приоритетную линию сотрудничества для создания взаимовыгодных партнерских отношений.

Таким образом, молодежное сотрудничество БРИКС представляет собой сложную, многомерную систему взаимоотношений. С учетом расширения БРИКС и придания

структуризации институту-объединению стоит отметить увеличивающийся потенциал взаимодействия, привлекая к сотрудничеству наиболее активные части обществ государств БРИКС. Реализация политической технологии убеждения и мотивирования представляет БРИКС как

существенный институт, обладающий субъектностью в международном пространстве, создавая потенциал для реализации потребности молодежи Глобального юга в саморазвитии и профессионального становления в большей части мира.

Литература:

1. Балыхин М. Г., Шайлиева М. М., Цыпин А. П. Статистический анализ экономического развития стран БРИКС // Статистика и экономика. — 2020. — №. 2. — С. 18–28.
2. Богатырева О. Н., Ковба Д. М., Табаринцева-Романова К. М. Межцивилизационный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии стран БРИКС // Дискурс-Пи. — 2022. — Т. 19. — №. 3.
3. Гаршин Н. А. Кризис глобализации: на пути к глокализации или деглобализации? // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. — 2024. — №. 1. — С. 73–76
4. Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 года / [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000bbec8749c096c40dac968e437d5cfdd1a0c98ad8473b1d50c7034d6b67f566c7088141c4281430009e77984d725ac8e3384521eafe43ca2cb74f5ff71bad867e7191dbd9b4275f34d546568653d22e6326289ea055d3c3ec (дата обращения: 07.04.2025).
5. Куемжиева С. А., Складчиков С. В., Гончаров В. В. Актуальные проблемы и перспективы развития БРИКС // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2020. — Т. 33. — №. 1. — С. 80–85.
6. Молодежный саммит БРИКС 2024 / [Электронный ресурс] // Россия-БРИКС: [сайт]. — URL: <https://brics-russia2024.ru/events/forumy-konferentsii/molodezhnyy-sammit-stran-briks/> (дата обращения: 07.04.2025).
7. Носов В. В., Азнабаева А. М. Производственная функция при моделировании ВВП стран-членов БРИКС // Новый университет. Серия «Экономика и право». — 2016. — №. 10 (68). — С. 20–24.
8. Образ России и БРИКС в представлении молодежи стран БРИКС / [Электронный ресурс] // Новая эра: [сайт]. — URL: <https://new-era.space/center/nir/2766/> (дата обращения: 07.04.2025).
9. Председательство Российской Федерации в БРИКС / [Электронный ресурс] // Россия-БРИКС: [сайт]. — URL: <https://brics-russia2024.ru> (дата обращения: 07.04.2025).
10. Устюжанин В. В. и др. Куда движется БРИКС: сценарии демографического и ценностного развития.
11. Черников С. Ю. Возможности Сетевого университета БРИКС как образовательной платформы инновационного сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2021. — Т. 29. — №. 1. — С. 76–87.
12. Шкуропатов Д. Д., Дзирун И. А., Петрушина О. М. Векторы развития Российской Федерации в составе БРИКС // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — №. 2–3 (89). — С. 250–253.

ФИЛОСОФИЯ

Free will and predestination: a philosophical dilemma in the modern context

Drobysheva Yekaterina Vladimirovna, student;
Chernyavskaya Inna Vyacheslavovna, student
Belgorod State National Research University

This article explores the philosophical dichotomy of free will and predestination in the context of modern science and technology. It examines how contemporary developments in neuroscience, artificial intelligence, and quantum physics challenge traditional views on human agency, suggesting a more nuanced, compatibilist approach. The study advocates for interdisciplinary integration to better understand decision-making in the 21st century.

Keywords: free will, predestination, human agency, neuroscience, determinism, artificial intelligence, quantum theory, moral responsibility.

The age-old philosophical conundrum of free will versus predestination continues to captivate intellectual discourse, particularly in the contemporary era characterized by rapid scientific and technological advancements. This article endeavors to explore this intricate dichotomy through the lens of modern developments, positing that the traditional paradigms require reevaluation in light of current empirical evidence and theoretical frameworks.

At the foundation of this debate lies the question of whether individuals possess genuine autonomy in their decision-making or whether their choices are governed by preexisting causes beyond their control. Advocates of free will maintain that human beings are capable of acting independently, based on internal motivations and rational deliberation. In contrast, proponents of predestination or determinism assert that all phenomena, including human choices, are the inevitable outcome of preceding conditions — whether metaphysical, neurological, or environmental [1].

Contemporary neuroscience has complicated this discourse by introducing evidence that challenges simplistic notions of volition. Experimental studies utilizing functional MRI and EEG technology have shown that brain activity predictive of a given decision can be registered moments before individuals report conscious awareness of having made a choice. While this phenomenon might be interpreted as support for determinism, many neuroscientists caution against conflating pre-conscious neural activity with complete elimination of agency. The presence of such activity does not necessarily negate subjective experience or post-rationalization — it simply reveals the layered complexity of cognitive processes.

At its core, the debate centers on the fundamental nature of human agency. Proponents of free will argue for the capacity

of individuals to make autonomous choices independent of external constraints, while adherents of predestination posit that all events, including human actions, are preordained by some form of deterministic process. This dichotomy, however, may be overly simplistic in the context of contemporary scientific understanding.

Recent neuroscientific research has shed new light on the mechanisms underlying decision-making processes. Studies employing advanced brain imaging techniques have revealed that neural activity predictive of a particular choice can be detected several seconds before conscious awareness of the decision. While this may appear to support a deterministic view, it is crucial to distinguish between neural correlates of decision-making and the causal factors driving those decisions [2].

Moreover, the advent of artificial intelligence and machine learning has introduced novel dimensions to this debate. The development of algorithms capable of predicting human behavior with increasing accuracy raises questions about the nature of free will in an era where computational models can anticipate individual choices. However, this predictive capacity does not necessarily negate the existence of free will; rather, it underscores the complexity of human decision-making processes.

Ethically, the intersection of free will and societal control raises profound questions. If choices are influenced by algorithmic environments or biological predispositions, to what extent can individuals be held morally or legally accountable for their actions? This question resonates in areas such as criminal justice, behavioral therapy, and digital rights, where assumptions about responsibility intersect with scientific knowledge.

In the realm of quantum physics, the principle of indeterminacy introduces further nuance to the free will-predestination debate. The inherent probabilistic nature of quantum events suggests a fundamental indeterminacy in the physical world, which some theorists argue may provide a basis for genuine free will. This perspective aligns with contemporary philosophical positions that posit a compatibilist view, wherein free will and determinism are not mutually exclusive.

From a sociocultural perspective, the digital age has transformed the landscape of human agency. The proliferation of social media, digital tracking, and data analytics has created unprecedented opportunities for monitoring and influencing individual behavior. This raises ethical concerns regarding autonomy and free will in an increasingly interconnected world. However, it also highlights the resilience of human agency in navigating complex informational environments.

In conclusion, the traditional dichotomy between free will and predestination appears insufficient to capture the complexity of human agency in the modern context. Contemporary scientific and technological developments suggest a more nuanced understanding, wherein free will exists within a framework of probabilistic causality and emergent properties. This perspective acknowledges the influence of deterministic factors while preserving the capacity for autonomous decision-making. As our understanding of the underlying mechanisms of human behavior continues to evolve, so too must our conceptualization of this perennial philosophical dilemma.

The way forward lies in integrating insights from diverse disciplines to develop a comprehensive framework that accounts for both the constraints and opportunities inherent in human decision-making. By transcending the binary opposition of free will and predestination, we can arrive at a more robust understanding of human agency in the 21st century.

References:

1. Libet B., Gleason C. A., Wright E. W., Pearl D. K. Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential). The unconscious initiation of a freely voluntary act. *Brain*. 1983. № 106 (3). P. 623–642.
2. Dennett D. C., Kinsbourne M. Time and the observer: The where and when of consciousness in the brain. *Behavioral and Brain Sciences*. 1992. № 15 (2). P. 183–247.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 15 (566) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 23.04.2025. Дата выхода в свет: 30.04.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.